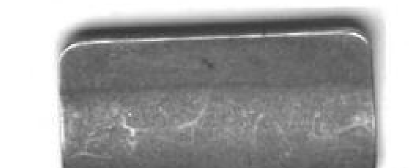

ОГОНЁК
№ 21 МАЙ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Букская ГЭС в Черкасской области. Эта станция обслуживает 26 колхозов и 2 совхоза.

Фото Ф. Акимова.

На первой странице обложки: Участница Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности Лидия Марахотова (Ногинский район, Московской области) исполняет песню «У колодца».

Фото И. Тункеля и Е. Умнова.

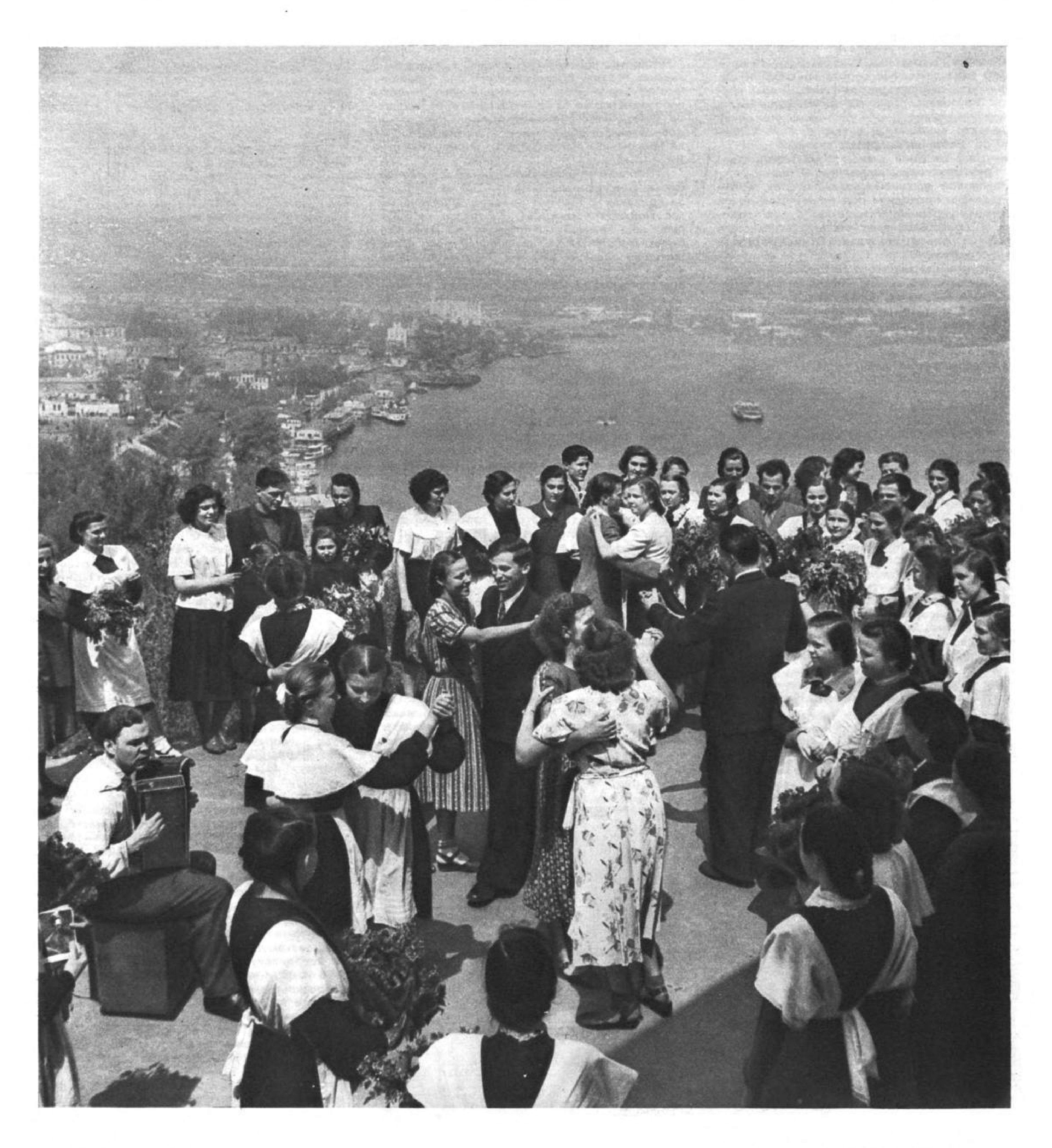

ОГОНЁК № 21 (1406) 23 МАЯ 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Чуден Днепр...

В Киеве в дни празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией.
Фото Н. Козловского.

РАБОЧАЯ СОВЕСТЬ

М. ЗЛАТОГОРОВ

В один из пасмурных ноябрьских дней прошлого года железные ворота Трехгорной мануфактуры широко распахнулись, чтобы впустить грузовик... Тяжелая автомашина была доверху нагружена чем-то таким, что сразу привлекло внимание и вахтеров и проходивших по фабричному двору ткачей.

Нет, это не были какие-нибудь новые станки. Груз был самый привычный — ткань.

За первой машиной въехала вторая, потом третья. Они проходили под решетчатой аркой вывески, украшенной макетами двух орденов, и притормаживали возле приземистого строения: здесь помещался склад готовой продукции.

Обычно у дверей этого склада останавливались порожние машины, чтобы взять товар для баз и магазинов. А тут вдруг...

Люди с тревогой наблюдали, как грузчики развязывали веревки, стягивавшие укрытую брезентом мануфактуру.

Что случилось?

В раскрывшуюся дверь склада полетела с машин привезенная ткань. Назад, на полки!

Послышались возгласы:

— Наш штапель...

— Возвращают!

— Сорок лет на «Трехгорке», — такого не видела!

Кладовщики хмуро расписывались на накладных. Торговые базы и магазины Москвы возвращали «Трехгорке» ее штапельное полотно: покупатели отказывались брать эту ткань.

В те дни я часто бывал на «Трехгорке» как пропагандист и знал, как близко к сердцу принимали рабочие эту беду.

Начинал на кружке кто-либо из товарищей излагать решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС — и вдруг переходил на дела фабричные. Возвращенная негодная ткань забила все полки склада. Кладовщики жалуются: девать ее некуда... А меры не принимаются. Главного инженера товарища Мыльникова не видно: наверное, боится показаться в цехах. И дозвониться к нему нельзя. Говорят, снимает трубку, чтоб не отвечать на звонки. Нервы бережет.

Несколько коммунистов и комсомольцев вызвались поехать после рабочего дня в районные универсальные магазины Москвы, чтобы непосредственно от самих покупателей текстиля узнать, чем они недовольны. Среди этих добровольных общественных контролеров была браковщица складального цеха комсомолка Лидия Хабарова.

— Пришла я в универмаг, — хмуря тонкие брови, рассказывала Лидия. — Поставили меня за прилавок с тканями рядом с продавщицами. Подходят женщины, разглядывают, щупают наш трехгорский штапель, но мало кто берет. Действительно, незавидный товар. Одна женщина сказала: «Ну что можно сшить из этого? Ни ребенку, ни взрослому!» Продавщица кивнула на меня: «Вот представительница с «Трехгорки». Спрашивайте с нее!» Тут они все набросились на меня: «Что вы там смотрите, на «Трехгорке»? Неужели у вас художников хороших нет?! Что вы тут наляпали? Почему цвет такой блеклый?» Назавтра после рейда собрались мы все у директора. Принесла из магазина образцы негодных тканей. Рассказала, чем недовольны покупатели. После меня тетя Наташа выступила — это наша потомственная работница, сорок лет на «Трехгорке», Кожина ее фамилия, может, слыхали? И она тоже всю правду выложила. Плохо еще мы отделываем штапель, товарищи! Для штапеля нужен особый, тонкий, хорошо прочерченный рисунок. А наши художники любят широкий мазок, крупный узор. Может, для ситца, для вуали, для крепдешина он и хорош, широкий мазок, а для штапеля нет, не годится.

— Согласились с вами?

Ответила не сразу.

— Слабо еще на критику реагируют. Не любят у нас критики. Взять нашего главного художника товарища Хвостенко. Или заведующего отделочной фабрикой Шуба. Когда я о рисунках рассказывала, надулись. Мол, что эта девчонка понимает! Привыкли спокойно жить. Привыкли, что «Трехгорку» всегда хвалят...

Заласканные почетом и премиями художники «Трехгорки» — а среди них есть отличные мастера — потеряли ощущение новых творческих задач. Они перестали, как бывало, советоваться о рисунках с ткачами, раклистами, отделочниками. Да и установленная система оплаты труда не способствовала заинтересованности художников в конечных результатах их поисков. Получали за рисунок, сделанный на ватмане, независимо от того, как потом «заиграет» рисунок на ткани. А ведь часто случалось так: рисунок расхвалили в управлении комбината и главке, дали ему оценку «отлично», а потом, глядишь, на ткани получается что-то бесформенное и уродливое.

С такой же прямотой рядовые работницы и рабочие говорили о причинах других недостатков трехгорского штапеля.

Нити штапеля под воздействием влаги сильно растягиваются. Если ткань из таких нитей высушивать на обыкновенных сушильных барабанах, применяемых при обработке ситцев и сатинов, то эта вредная растянутость нити не только не исчезает, а, наоборот, закрепляется. Покупатель в таком случае получает не мягкую, весомую, приятную на ощупь ткань, а жесткую, мнущуюся и к тому же обладающую скверным свойством садиться после стирки.

Но есть другой способ просушки: ткань не заставляют туго обтягивать горячее железо барабана, а пропускают бесконечной лентой по роликам через зону высокой температуры в закрытых камерах. Медленно ползущая по роликам ткань избавляется от влаги подобно тому, как высушивается от ветра и солнца развешанное на веревках белье. Для этого служат особые, так называемые завесные сушилки.

Трехгорцы не имели таких сушилок.

На одном из городских партийных активов прядильщица Дарья Павловна Смирнова попросила слова. Был тут и заместитель министра. Прядильщица обратилась прямо к нему: «Пусть отвечает товарищ Спорышев по всей партийной совести: почему «Трехгорке» не дали завесных сушилок? Как при устарелом оборудовании можно выпускать хороший штапель?»

Заместитель министра бросил фразу насчет того, что, дескать, министерство не было достаточно информировано о положении на «Трехгорке».

— А вы бы нас спросили, в цехах побывали, — заметила в ответ Смирнова.

Результат этого выступления был такой. Две завесные сушилки, еще находившиеся в пути от завода-поставщика, по срочному телеграфному распоряжению министра были переадресованы в Москву, на Красную Пресню.

* * *

Занимался в кружке у меня помощник мастера с участка мотальных и сновальных машин Михаил Александрович Андреев — живая душа, азартный спорщик, неизменно «рвавшийся в бой», когда кто-либо неточно излагал мысль. Приходил он на кружок в серой приплюснутой кепке и потрепанной армейской шинельке. До начала занятий любил переброситься шуткой с товарищами.

Как-то после кружка возвращались мы с Андреевым домой по переулкам Пресни. Жил он неподалеку от комбината, на улице имени 1905 года, в двухэтажном деревянном доме напротив трамвайного депо.

Был в этот день Андреев необычно молчаливым и сумрачным.

Вспомнилось, что на участке мотальных и сновальных машин недавно сменили оборудование. Может, у Андреева заминка с новой техникой?

— Осваиваем, — угрюмо ответил помощник мастера на мой вопрос. И через несколько минут заговорил о наболевшем.

Ходил он сегодня из своей ткацкой фабрики на «Ситцевую» (так по старинке называют на комбинате отделочную фабрику, хотя там давно уже выпускают не только ситцы, но и штапель, фланель, вискозный шелк и другое). Дело у него было маленькое — выписывал

В Краснопресненском универмаге. Комсомольцы «Трехгорки» Лидия Хабарова (на переднем плане) и Василий Балашов беседуют с покупателями.

Браковщица Наталия Федоровна Кожина.
Фото Б. Кузьмина.

Южная ночь

Владимир ЛУГОВСКОЙ

Чавдар[1] поет.
Шумит ночное море.
Привстал над лестницей
и пасть открыл
гранитный лев.

Белеет тихий, тихий
санаторий,
И так задумчиво,
певице вторя,
Басы мужчин
несут родной напев.
Родной напев,
в нем сердцу все знакомо,
В нем бури прошлого
и родины уют.

Работники ЦК,
секретари райкомов
И председатели колхозов —
все поют.

Они услышали
над морем
голос звонкий:

Чавдар запела —
серебра литье.
И по дорожкам
прямо
и сторонкой
Пришли сюда
и стали вкруг нее.
И вот глубоких голосов
лавина
Несется в даль,
с волнами говоря...
Как будто грудью дышит
Украина
Над маленькой Чавдар
в ночь сентября.

Серьезные,
немало видевшие в мире,
Немолодые люди
держат песни путь.
Чавдар поет,
и хор гремит все шире
И словно
в будущее хочет заглянуть.
Звенят сверчки...
Корабль сверкнул далече
Дорожным белым
топовым огнем.
Куда идет он,
с кем он ищет встречи!
Вдруг ночью стало так светло,
как днем!
То мощью исполинских рук
к зениту
Взметнулись, поднялись
прожектора.
Над скалами
прибрежий знаменитых
Растет
лучей
прозрачная гора.
И сразу в небе
темнота немая.
Лишь моря ровный гул
и шорохи ветвей.
Стояли дружно все,
так понимая
Биенье сердца
родины своей.
Но небо вновь
в созвездьях пламенеет,
Плывут огни осенние
стожар...
Да, Украина
так любить умеет
Родное небо,
что горит над нею,
И город свой,
и песенку Чавдар!

[1] Народная артистка СССР.

лоскут для обтирки машин. Поинтересовался он, как отделочники наводят у себя порядок после всего, что случилось. Заглянул сначала к раклистам, в печатный цех. Сидят ребята на подоконниках и покуривают, а машины стоят. Что за причина? Почему простои? Нет подкладки (обыкновенной бязи) для печатания тонкого штапеля. Вернее, подкладка-то на фабрике имеется, но администрация не распорядилась своевременно отмыть ее после предыдущих партий товара и просушить. «Вот так с полсмены простоим, а потом полсмены гнать будем на всю баранку... И тут уж качество с нас не спрашивайте!» — откровенно признались раклисты. Что самое страшное, они уже заранее знают, что дадут брак, — ничего, мол, поделать нельзя! Идешь по фабрике — тележки с товаром забили все углы и проходы. Поинтересовался, почему так много тележек без движения. Оказывается, «переделка», то есть брак. Неделями, месяцами преет ткань в этих тележках. Работницы горько шутят: «На нашем штапеле, наверное, уже грибы выросли». В одном месте винт на трубе плохо закрыт, падают капли воды, а прямо под капелью — тележка с белоснежным товаром. И никого это не трогает: привыкли.

Было понятно возмущение Андреева.

Простои тележек с товаром не только губили тысячи метров ткани, но и нарушали весь ритм работы отделочной фабрики.

На старой «Ситцевой» тесно, установить конвейер невозможно. Катки товара из отбельного, красильного, печатного цехов перевозятся в специальных тележках. Почти четыре тысячи тележек на фабрике! И все-таки их не хватает. А что это значит, когда в нужную минуту к рабочим местам не подаются порожние тележки? Простои, нарушения технологии.

Главный инженер комбината Мыльников, не любивший ни с кем ссориться и редко покидавший свой кабинет, писал распоряжения «Об упорядочении внутрифабричного транспорта». Между тем, несмотря на инструкции, неразбериха усиливалась. Загнанные в дальние углы и закоулки тележки оказались совсем без хозяев: никто не мог точно сказать, из какого цеха они отправлены, какой на них товар, кто отвечает за «переделку».

Завязался об этом острый разговор на партийном бюро фабрики.

— Так со штурмовщиной мы никогда не покончим.

— Уговоры тут не помогут...

Комсомольцы в этот день получили важное задание партбюро.

Хотя многие из комсомольцев жили далеко от Пресни, все добровольно вызвались оставаться после смены на час — два. Они направлялись в цехи, захватив с собой маленькие разноцветные флажки.

Чья тележка? Кто виновен, что на ткани появились пятна? Кто выпустил товар с рванью по кромке? Комсомольцы расспрашивали рабочих, проверяли наряды и бухгалтерские документы. Если обнаруживалось, что тележку «заморозили» красильщики, водружали на ней флажок зеленого цвета, если печатники — желтого.

Теперь конкретные виновники зла стали известны всем. Мастера и начальники цехов забеспокоились:

— Вы нам больно много флажков навешали!

— А почему тележки задерживаете?

— Так мы скоро их освободим!

— Когда?

— Часика через два...

— Вот часика два флажки и повисят!

На партийных собраниях в цехах и на политкружках все резче, все настойчивей звучали тревожные голоса.

— Разве сами мы не потворствуем порой бракоделам? — говорили коммунисты. — Печатники занимаются «метрогонством». Почему? За брак раклистов материально не наказывают. А браковщики?.. И их труд оплачивают только по метражу.

Люди требовали, чтобы вскрытые пороки хозяйственного руководства были скорее устранены.

Всем хотелось, чтобы горький урок комбината был учтен и на других предприятиях.

* * *

Шла весна.

В обеденный перерыв девчата уже выходили на фабричный двор погреться на солнышке.

Из дверей ткацкой в одном пиджаке выскочил мой знакомый Михаил Андреев.

— Что налегке?

— А мне тут рядом... В партком, — весело отозвался помощник мастера. — Греет как, а!

Он рассказал, что мотальную машину освоили уже «на полную проектную мощность».

Радостную весть узнал я на «Ситцевой», где в эти первые весенние дни пошли на полный ход завесные сушилки, те самые, о которых хлопотала Дарья Павловна Смирнова.

Рабочие пустили сушилки в предельно сжатые сроки.

— Поставьте нас на монтаж! — обратились комсомольцы к дирекции, как только прибыло оборудование.

Днем молодые рабочие монтировали агрегаты, а вечерами ездили на фабрику имени Свердлова, где давно уже имелись завесные сушилки: ребята учились там, как обслуживать эти сушилки.

И вот сейчас была одержана первая маленькая победа. Пахнущие свежей краской камеры сушилок возвышались в центре цеха. Мокрая ткань сматывалась с валиков на одном конце агрегата и медленными теплыми сухими волнами ниспадала на другом ее конце.

Лидия Хабарова стояла у этого цветного водопада. Шла ткань нового рисунка — звездочки снежинок на глубоком темносинем поле.

— Смотрите, как издали хорош! — воскликнула Лидия, приподняв полосу материи и отодвигая ее от себя в вытянутых руках. Чуть склонив набок голову, девушка залюбовалась тканью. — Пойду опять проверять отзывы покупателей. Теперь-то, думаю, нам стыдно не будет...

ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

Главы из 2-й книги романа

Мих. ШОЛОХОВ

Рисунки О. Верейского.

В начале июня часто шли необычные для лета дожди: тихие, по-осеннему смирные, без гроз, без ветра. По утрам с запада, из-за дальних бугров, выползала пепельно-сизая туча. Она росла, ширилась, занимая полнеба,— зловеще белели ее темные подкрылки,— а потом снижалась так, что прозрачные, как кисея, нижние хлопья ее цеплялись за крышу стоявшей в степи, на кургане, ветряной мельницы; где-то высоко и добродушно, еле слышной октавой разговаривал гром и спускался благодатный дождь.

Теплые, словно брызги парного молока, капли отвесно падали на затаившуюся в туманной тишине землю, белыми пузырями вспухали на непросохших, пенистых лужах; и так тих и мирен был этот летний не густой дождь, что даже цветы не склоняли головок, даже куры по дворам не искали от него укрытия. С деловитой озабоченностью они рылись возле сараев и влажных, почерневших плетней в поисках корма, а мокрые и слегка утратившие свою величественную осанку петухи, не взирая на дождь, кричали врастяжку и по очереди, и бодрые голоса их сливались с чириканьем беззастенчиво купавшихся в лужах воробьев и писком ласточек, как бы припадавших в стремительном полете к пахнущей дождем и пылью, ласково манящей земле.

Все петухи в Гремячем Логу были на редкость, прямо-таки на удивление разноголосы. Начиная с полуночи, перекличку открывал раньше всех просыпавшийся петух Любишкиных. Он голосил веселым, заливистым тенором, как молодой и старательный по службе командир роты; ему солидным полковничьим баритоном отзывался петух со двора Агафона Дубцова; затем минут пять над хутором висел сплошной, непрекращающийся крик, а уже после всех, громко бормоча спросонок и мощно хлопая на насесте крыльями, генеральским сиплым басом, с командной хрипотцой и надсадцем в голосе оглушительно ревел самый старый в хуторе, рыжий и дебелый петух Майданниковых.

Кроме влюбленных и тяжело больных — что в понятии Нагульнова было почти одно и то же,— позднее всех в хуторе отходил ко сну сам Макар Нагульнов. Он попрежнему старательно изучал английский язык, пользуясь ночным досугом. На спинке стула у него в комнате висело холстинное полотенце, в углу стоял кувшин холодной колодезной воды. Тяжело давалась Макару наука! С расстегнутым воротом рубахи, всклокоченный и мокрый от пота, сидел он за столом возле настежь распахнутого окна, вытирал полотенцем пот со лба, подмышками, на груди и на спине, а время от времени, свешиваясь через подоконник, лил на голову воду из кувшина и сдержанно рычал от удовольствия.

Тускло горела семилинейная лампа, в абажур, сделанный из газетной бумаги, бились ночные бабочки, за стеной смиренно похрапывала старуха-хозяйка, а Макар слово за словом одолевал ужасно трудный и чертовски нужный ему язык... Как-то около полуночи он, отдыхая, сел на подоконник покурить и тут впервые по-настоящему услышал петушиный хорал. Внимательно прислушавшись, пораженный Макар в восторге воскликнул: «Да это же прямо как на параде, как на смотру дивизии! Чудеса, да и только!..»

С той поры он стал каждую ночь ожидать петушиной побудки и с наслаждением вслушивался в командные голоса ночных певцов, презирая в душе соловьиные лирические выщелки и трели. Особенно нравился ему генеральский бас майданниковского петуха, служивший в общем петушином хоре как бы заключительным аккордом. Но однажды порядок переклички, к которому он уже привык и который внутренне одобрял, был нарушен самым неожиданным и хулиганским образом: после могучего петушиного баса вдруг где-то совсем рядом, за сараем, во дворе жившего по соседству Аркашки Менка, мальчишеским залихватским альтом проголосил какой-то паршивый, как видно, из молоденьких, петушок и после долго, по-куриному вскудахтывал и давился какой-то гнусной отрыжкой. В наступившей затем тишине Макар отчетливо слышал, как возился в курятнике, умащиваясь и хлопая крыльями, дрянной петушишко, очевидно, боясь свалиться от собственного крика с насеста.

Эта выходка была явным нарушением дисциплины и полным пренебрежением к субординации. Это было в представлении Макара до некоторой степени похожим на то, как если бы после доподлинного генерала, поправляя его, вдруг заговорил какой-нибудь захудалый отделенный командир, к тому же еще заика. Возмущенный до глубины души, Макар не мог стерпеть такого безобразия, он крикнул в темноту: «Отставить!..» — и с яростью захлопнул окошко, вполголоса ругаясь.

На вторую ночь эта история повторилась, на третью — то же самое. Еще два раза кричал Макар в темноту: «Отставить!»,— будя и пугая своим криком хозяйку. Стройная гармония ночной петушиной переклички, где голоса и время выступлений были как бы расписаны по рангам, непоправимо нарушилась. Тотчас же после полуночи Макар стал ложиться спать... Он уже не мог дольше заниматься, запоминать мудреные слова. Мысли его вертелись возле нахального петуха, и он со злостью думал, что петух этот в жизни, без сомнения, такой же пустой и вздорный, как и сам его хозяин. Про себя Макар мысленно честил ни в чем не повинную птицу и прохвостом, и паразитом, и выскочкой. Соседский петух, осмелившийся подавать голос после майданниковского петуха, окончательно выбил Макара из колеи: успеваемость в изучении английского языка покатилась у него стремительно вниз, настроение изо дня в день портилось... Пора было кончать с подобным беспорядком!

Утром на четвертый день Макар зашел во двор к Аркашке Менку, сухо поздоровался, попросил:

— А ну, покажи своего петуха.

— Зачем он тебе понадобился?

— Интересуюсь его наружностью.

— Да на чорта она тебе понадобилась, его наружность?

— Давай, показывай! Некогда мне с тобой тут свататься,— раздраженно сказал Макар.

Пока он сворачивал папироску, Аркашка не без труда выгнал хворостиной из-под амбара пеструю толпу нарядных кур. Ну так и есть! Предположения Макара полностью подтвердились: среди дюжины крикливо оперенных, легкомысленных и кокетливых кур вьюном вертелся небольшой, защипанный, серо-мышастой масти, неказистый петушок. Макар оглядел его взглядом, полным нескрываемого презрения, обращаясь к Аркашке, посоветовал:

— Зарежь ты этого недоноска!

— На что же это я буду его резать?

— На лапшу,— коротко ответил Макар.

— С какой же стати? Он у меня один в хозяйстве и до курей охотлив.

Макар иронически улыбнулся, скривив губы:

— Только и делов, что до курей охотлив? Подумаешь, важность какая! Дурачье дело не хитрое.

— Так от него больше ничего и не требуется. Огород на нем пахать я не собираюсь, он и однолемешного плуга не потянет...

— Ну, ты, без шуточек! Шутить я и сам умею, когда надо...

— А чем он помешал тебе, мой петух? — уже нетерпеливее спросил Менок.— Дорогу тебе перешел или что?

— Дура он у тебя, никакого порядку не знает.

— Какого же это порядку? На огород к твоей хозяйке летает или что?

— На огород он не летает, а так вообще...

Макару было неудобно объяснять, о каком порядке он ведет речь. С минуту он стоял молча, широко расставив ноги, бросая на петуха уничтожающие взгляды, а потом его осенило:

— Знаешь что, сосед,— оживившись, сказал он Аркашке,— давай меняться петухами?

— А откуда в твоем безлошадном хозяйстве может оказаться петух? — спросил заинтересованный Менок.

— Найдется, и не такой защипанец, как этот!

— Что ж, неси, сменяемся, ежели петушок будет подходящий. Я за своего не стою.

Через полчаса, как бы мимоходом, Макар заглянул во двор Акима Бесхлебнова, у которого в хозяйстве было изрядное количество кур. Разговаривая о том и о сем, Макар пытливо присматривался к бродившим по двору курам, вслушивался в петушиные голоса. Все пять бесхлебновских петухов были как на подбор, рослые и внушительной расцветки, а главное — все они были в меру горласты и по виду очень степенны. Перед тем как распрощаться, Макар предложил:

— Вот что, хозяин, продай-ка мне одного петушка, а?

— Изволь, товарищ Нагульнов, но ведь курица во щах слаже, выбирай любую, у бабы их до чорта!

— Нет, мне только петуха надо. Дай мне на время мешок, чтобы упрятать его.

Спустя немного Макар уже стоял во дворе Аркашки Менка, развязывая мешок. Аркашка, страстью которого, как известно, была любая мена, в предвкушении предстоящего обмена довольно потирал руки, приговаривал:

— Поглядим, что у тебя за козырь, а то, может, еще и додачи попросим. Развязывай скорее, чего ты возишься! Сию минуту я поймаю своего кочета, и мы их стравим на драку, чей кочет побьет, тому и могарыч требовать. Ей богу, так, иначе я и меняться не буду! Твой, каков он из себя с виду? Ядреный ростом?

— Гвардеец! — коротко буркнул Макар, развязывая зубами затянувшийся на мешке узел.

Аркашка, на бегу поддерживая сползающие штаны, рысью бросился к курятнику. Через минуту оттуда уже неслись дикие петушиные вопли. Но когда он вернулся, прижимая к груди перепуганного до смерти, часто дышавшего петушка, Макар стоял, склонившись над развязанным мешком, и озадаченно почесывал затылок: «гвардеец» лежал в мешке, тяжело распластав крылья, и в предсмертном томлении закатывал круглые оранжевые глаза.

— Это что же с ним такое? — спросил изумленный Аркашка.

— Осечка!

— Хворый оказался?

— Говорю тебе, что осечка с ним получилась.

— Какая же у петуха может быть осечка? Чудно ты говоришь!

— Да не у петуха, глупый ты человек, а у меня осечка вышла. Нес его, а он вздумал в мешке кукарекать, срамить меня при народе, дело было возле правления, ну я самую малость ему голову на сторону повернул... Понимаешь, самую малость, а видишь, что оно получилось. Неси живей топор, а то издохнет без всякого толку.

Обезглавленного петуха Макар перебросил через плетень, крикнул возившейся возле крыльца хозяйке:

— Эй, мамаша! Щипи его, пока он тепленький, завтра лапши сваришь!

Ни слова не говоря Аркашке, он снова направился к Бесхлебнову. Тот вначале заупрямился, говоря: «Этак ты у меня всех курочек повдовишь!»,— но потом все же продал второго петуха. Обмен с Аркашкой состоялся, а через несколько минут аркашкин петух без головы уже летел через плетень и вслед ему донельзя довольный Макар кричал хозяйке:

— Бери эту заразу, мамаша! Щипи его, недисциплинированного чорта, и — в котел!

Он вышел на улицу с видом человека, сделавшего большое и нужное дело. С горестным сожалением, покачивая головой, провожала его глазами аркашкина жена, донельзя удивленная и напуганная кровопролитной расправой над петухами, которую учинил на их дворе Макар. На ее молчаливый вопрос Аркашка приложил указательный палец ко лбу, повертел им из стороны в сторону, сказал шопотом:

— Тронулся! Хороший человек, а тронулся. Бесповоротно сошел с ума, не иначе. Сколько ему, бедняге, ни сидеть по ночам! Доконали его английские языки, будь они трижды прокляты!

С той поры мужественно переносивший одиночество Макар стал беспрепятственно слушать по ночам петушиное пение. Целыми днями он работал в поле на прополке хлебов наряду с женщинами и ребятишками, а вечером, поужинав пустыми щами и молоком, садился за самоучитель английского языка и терпеливо дожидался полночи. Вскоре к нему присоединился и дед Щукарь. Как-то вечером он тихо постучался в дверь, спросил:

— Разрешишь взойтить?

— Входи. Ты чего явился? — встретил его Макар не очень-то ласковым вопросом.

— Да ведь как сказать... — замялся дед Щукарь.— Может, я даже соскучился по тебе, Макарушка. Дай, думаю, зайду, на огонек, проведаю его.

— Да ты что, баба, что ли, чтобы обо мне скучать?

— Старый человек иной раз скучливей бабы становится. А мое дело вовсе сухое: все при жеребцах да при жеребцах. Осточертела мне эта бессловесная тварь! Ты к нему, допустим, с добрым словом, а он молчаком овес жрет и хвостом махает. А что мне от этого толку? А тут еще этот козел, будь он трижды анафема! И когда эта насекомая спит, Макарушка? Ночью только глаза закроешь — и он, чертяка, тут как тут. До скольких раз на меня, сонного, наступал своей копытой! Выпужает до смерти, а тогда хоть в глаз коли, все равно не усну, да и шабаш! Такая проклятая вредная насекомая, что никакого житья от него нету! Всю ночь напролет по конюшне да по сеновалу таскается. Давай его зарежем, Макарушка?

— Ну, ты убирайся с этими разговорами! Я правленческими козлами не распоряжаюсь, над ними Давыдов командир, к нему и иди.

— Боже упаси, я не насчет козла пришел, а просто проведать тебя. Дай мне какую-нибудь завлекательную книжечку, и я буду возле тебя смирно сидеть, как мышь в норе. И тебе будет веселее и мне. Мешать я тебе и на порошинку не буду!

Макар подумал и согласился. Вручая Щукарю толстый словарь русского языка, сказал:

— Ладно, сиди со мной, читай, только про себя, и губами не шлепай, не кашляй, не чихай,— словом, не звучи никак! Курить будем по моей команде. Ясная задача?

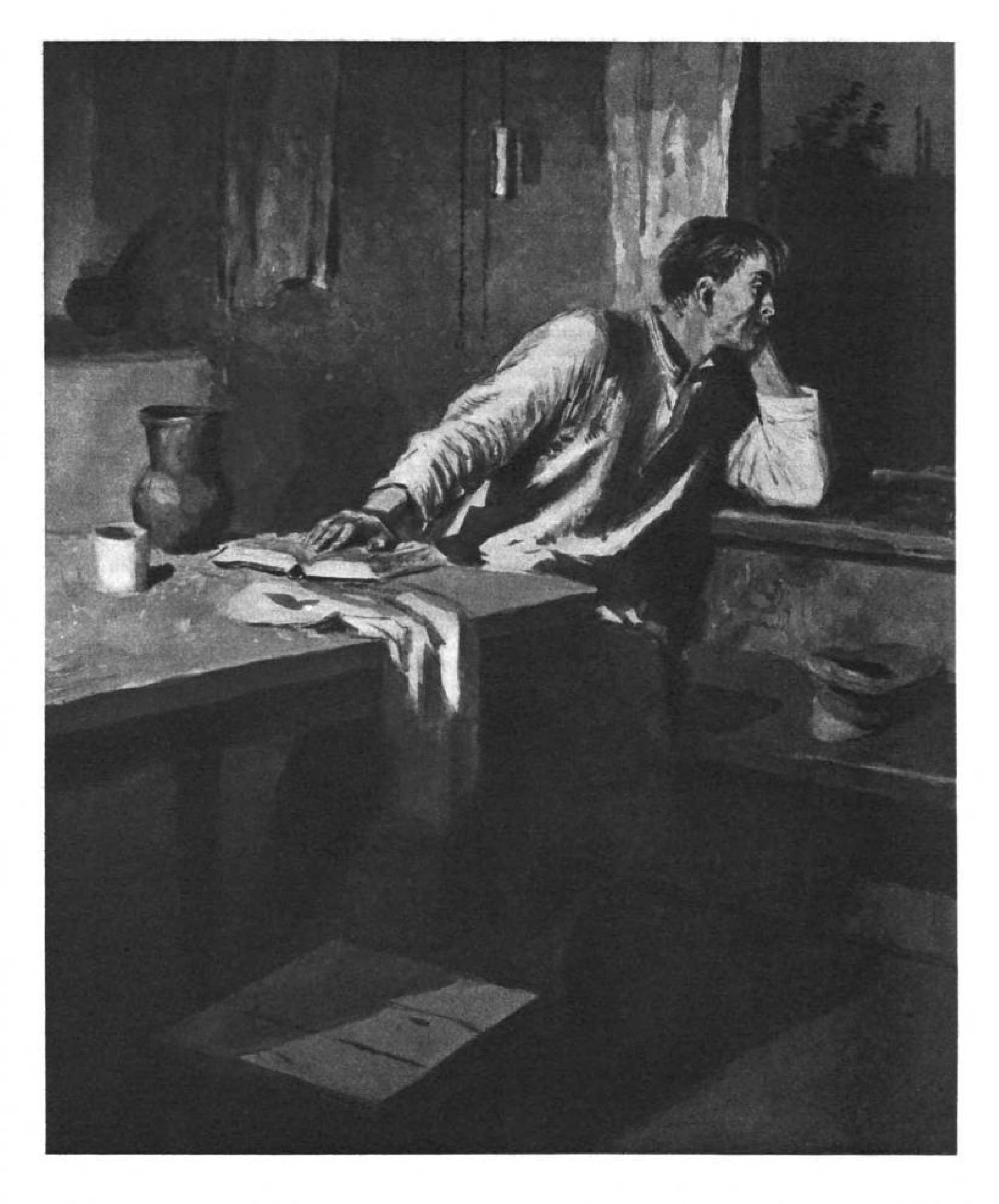
— На все я согласный, а вот как же насчет чиха? А вдруг, нелегкая его возьми, приспичит чихнуть,— тогда как? При моей должности у меня в ноздрях всегда полно сенной трухи. Иной раз я и во сне чихаю,— тогда как нам быть?

— Лети пулей в сенцы!

— Эх, Макарушка, пуля-то из меня хреновая, заржавленная! Я пока до сенцев добегу, так десять раз чихнуть успею и пять раз высморкаться.

— А ты поторапливайся, старик!

— Торопилась девка замуж выйти, а жениха не оказалось. Нашелся какой-то добрый человек, помог ей в беде. Знаешь, что из девки и без венца вышло? Хо-о-рошая баба! Вот так и со мной может получиться: потороплюсь, да как бы на бегу греха не нажить, тогда ты сразу меня отсюдова выставишь, уж это я как в воду гляжу!

Макар рассмеялся, сказал:

— Ты аккуратнее поспешай, рисковать своим авторитетом нельзя. Словом, так: умолкни и не отбивай меня от дела, читай и становись культурным стариком.

— Еще один вопросик можно? Да ты не хмурься, Макарушка, он у меня последний.

— Ну? Живее!

Дед Щукарь смущенно заерзал по лавке, промямлил:

— Видишь, оно какое дело... Оно не очень, чтобы того, но, однако, старуха моя за это дело на меня шибко обижается, говорит: «Спать не даешь!»,— а при чем тут я, спрашивается?

— Ты ближе к делу!

— Про это самое дело я и говорю. У меня от грыжи, а может, от какой другой болезни ужасный гром в животе бывает, гремит, прямо, как из грозовой тучи! Тогда как нам с тобой быть? Это ведь тоже отвлечение от занятиев?

— В сенцы,— и чтобы никаких ни громов, ни молний! Задача ясна?

Щукарь молча кивнул головой, тяжело вздохнул и раскрыл словарь. В полночь он, под руководством Макара и пользуясь его разъяснениями, впервые как следует прослушал петухов, а через три дня они уже вместе, плечом к плечу, лежали, свесившись через подоконник, и дед Щукарь восторженно шептал:

— Боже мой, боже мой! Всю жизнь этим петухам на хвосты наступал, возле курей возрастал с малых лет и не мог уразуметь такой красоты в ихнем распевании. Ну, теперь уж я уподобился! Макарушка, а этот майданниковский бес как выводит, а? Чисто генерал Брусилов, да и только!

Макар хмурился, но отвечал сдержанным шопотом:

— Подумаешь! Ты бы послушал, дед, наших генералов,— вот это наши, настоящие голоса! А что твой Брусилов? Во-первых, бывший царский генерал, стало быть,— подозрительная личность для меня, а во-вторых, интеллигент в очках. У него и голос-то, небось, был, как у покойного аркашкиного петуха, какого мы съели. В голосах тоже надо разбираться с политической точки зрения. Вот был, к примеру сказать, у нас в дивизии бас — на всю армию бас! Оказался стервой — переметнулся к врагам. Что же ты думаешь, он и теперь для меня бас? Чорта лысого! Теперь он для меня фистуля продажняя, а не бас!

— Макарушка, но ведь петухов политика не затрагивает? — робко вопросил дед Щукарь.

— И петухов затрагивает! Будь заместо майданниковского петуха какой-нибудь кулацкий,— да я его слушать бы в жизни не стал, паразита! На чорта он мне сдался бы, кулацкий прихвостень! Ну, хватит разговоров! Ты садись за свою книжку, а я за свою, и с разными глупыми вопросами ко мне не лезь. В противном случае выгоню без пощады!

Дед Щукарь стал ревностным поклонником и ценителем петушиного пения. Это он угово-

рил Макара пойти посмотреть майданниковского петуха. Будто по делу, они зашли во двор Майданникова. Кондрат был в поле на вспашке майских паров. Макар поговорил с его женой, спросил, как бы между прочим, почему она не на прополке, а сам внимательно осматривал важно ходившего по двору петуха. Тот был весьма солидной и достойной внешности и роскошного рыжего оперения. Осмотром Макар остался доволен. Выходя из калитки, он толкнул локтем безмолвствовавшего Щукаря, спросил:

— Каков?

— Согласно голосу и обличье. Архирей, а не петух!

Сравнение Макару очень не понравилось, но он промолчал. Они уже почти дошли до правления, когда Щукарь, испуганно вытаращив глаза, схватил Макара за рукав гимнастерки:

— Макарушка, могут зарезать!

— Кого?

— Да не меня же, господи помилуй, а кочета! Зарежут, за милую душу! Ох, зарежут!

— Почему же это «зарежут»? С какой такой стати? Не пойму я тебя, что ты балабонишь!

— И чего тут непонятного? Он же старее навоза-перегноя, он по годам мне ровесник, а может, и старше. Я этого кочета еще с детства помню!

— Не бреши, дед! Кочета по семьдесят годов не живут, в законах природы про это ничего не написано. Ясно тебе?

— Все одно он старый, у него на бороде все перо седое, или ты не приметил? — запальчиво возразил дед Щукарь.

Макар круто повернулся на каблуках. Шел он таким скорым, размашистым и широким шагом, что Щукарь, поспешая за ним, время от времени переходил на дробную рысь. Через несколько минут они снова были во дворе Майданникова. Макар вытирал оставшимся на память о Лушке женским кружевным платочком пот со лба, дед Щукарь, широко раскрыв рот, дышал, как гончая собака, полдня мотавшаяся за лисой. С лилового языка его мелкими капельками сбегала на бороденку светлая слюна.

Кондратова жена подошла к ним, приветливо улыбаясь.

— Аль забыли чего?

— Забыл тебе сказать, Прохоровна, вот что: своего кочета ты не моги резать.

Дед Щукарь изогнулся вопросительным знаком, протянул вперед руку и, поводя грязным указательным пальцем, тяжело дыша, с трудом просипел:

— Боже тебя упаси!..

Макар недовольно покосился на него, продолжал:

— Мы его хотим на племя для колхоза у тебя купить или обменять, потому что, судя по его обличию, он высоких породистых кровей, может, его предки даже из какой-нибудь Англии или тому подобной Голландии вывезены на предмет размножения у нас новой породы. Голландские гусаки с шишкой на носу бывают? Бывают. А может, и этот петух голландской нации,— ты же этого не знаешь? Ну, и я не знаю, а стало быть, резать его ни в коем случае нельзя.

— Да он на племя не гож, старый дюже, и мы хотели на Троицу его зарубить, а себе добыть молодого.

На этот раз уже дед Щукарь толкнул локтем Макара: мол, что я тебе говорил, но Макар, не обращая на него внимания, продолжал убеждать хозяйку:

— Старость — это не укор, у нас пойдет на племя, подкормим как следует пшеницей, размоченной в водке, и он начнет за курочками ухаживать — аж пыль столбом! Словом, ни в коем случае этого драгоценного кочета изничтожать нельзя, задача тебе ясная? Ну и хорошо! А молодого кочетка тебе нынче же дедушка Щукарь доставит.

В тот же день у жены Демки Ушакова Макар по сходной цене купил лишнего в хозяйстве петуха, отослал его Майданниковой с дедом Щукарем. Казалось бы, что последнее препятствие было преодолено, но тут по хутору прокатился веселый слух, будто Макар Нагульнов для неизвестных целей скупает всюду петухов оптом и в розницу, причем платит за них бешеные деньги. Ну как любивший веселую шутку Разметнов мог не откликнуться на такое событие? Услышав о диковинной причуде своего друга, он все решил проверить самолично и поздним вечером заявился на квартиру к Нагульнову.

Макар и дед Щукарь сидели за столом, уткнувшись в толстые книги. Коптила лампа с чрезмерно выпущенным фитилем. В комнате порхали черные хлопья, пахло жженой бумагой от полуистлевшего бумажного абажура, надетого прямо на ламповое стекло, и стояла такая тишина, какая бывает только в первом классе начальной школы во время урока чистописания. Разметнов вошел без стука, покашлял, стоя у порога, но ни один из прилежно читавших не обратил на него внимания. Тогда, еле сдерживая улыбку, Разметнов громко спросил:

— Здесь живет товарищ Нагульнов?

Макар поднял голову, внимательно всмотрелся в лицо Разметнова. Нет, ночной гость не пьян, но губы подергиваются от неудержимого желания расхохотаться. Глаза Макара тускло блеснули и сузились. Он спокойно сказал:

— Ты пойди, Андрей, к девкам на посиделки, а мне, видишь, некогда с тобою впустую время тратить.

Видя, что Макар отнюдь не расположен делить с ним его веселое настроение, Разметнов, садясь на лавку и закуривая, уже серьезно спросил:

— Нет, на самом деле, к чему ты их покупал?

— К лапше да ко щам. А ты думал, что я из них мороженое для хуторских барышень делаю?

— За мороженое я, конечно, не думал, а диву давался: к чему, думаю, ему столько петухов понадобилось, и почему именно — петухи?

Макар улыбнулся:

— Уважаю в лапше петушиные гребни, вот и все. Ты диву давался насчет моих покупок, а вот я, Андрей, диву даюсь, почему ты на прополку не изволишь ходить?

— А что мне прикажешь там делать? За бабами присматривать,— так на это бригадиры есть.

— Не присматривать, а полоть самому.

Разметнов, отмахиваясь руками, весело рассмеялся.

— Это чтобы я вместе с ними сурепку дергал? Ну, уж это, брат, извиняй! Не мущинское это дело, к тому же я еще не кто-нибудь, а председатель сельсовета.

— Не велика шишка. Прямо сказать,— так

себе шишка на ровном месте! Почему же я сурепку и тому подобные сорняки наравне с ними дергаю, а ты не можешь?

Разметнов пожал плечами.

— Не то что не могу, а просто не желаю срамиться перед казаками.

— Давыдов никакой работой не гнушается, я — тоже, почему же ты фуражечку на бочок сдвинешь и по целым дням сиднем сидишь в своем Совете либо замызганную свою бумажную портфелю зажмешь подмышкой и таскаешься по хутору, как неприкаянный? Что, секретарь твой не сумеет какую-нибудь справку о семейном положении выдать? Ты, Андрей, брось эти штучки! Завтра же ступай в первую бригаду, покажи бабам, как герои гражданской войны могут работать!

— Да ты что, с ума сошел или шутишь? Убей на месте, а не пойду! — Разметнов со злобой кинул в сторону окурок, вскочил со скамьи.— Не хочу быть посмешищем! Не мущинское это дело — полоть! Может, еще скажешь, идти мне картошку подбивать?

Спокойно постукивая огрызком карандаша по столу, Макар сказал:

— То и мущинское дело, куда пошлет партия. Скажут мне, допустим: иди, Нагульнов, рубить контре головы — с радостью пойду! Скажут: иди подбивать картошку — без радости, но пойду. Скажут: иди в доярки, коров доить — зубами скрипну, а все равно пойду! Буду эту пропащую коровенку тягать за дойки из стороны в сторону, но уж, как умею, а доить ее, проклятую, буду!

Разметнов, немного поостывший, развеселился:

— Как раз с твоими лапами корову доить, да ты ее в два счета свалишь!

— Свалю, опять подыму, а доить буду до победного конца, пока последнюю каплю молока из нее не выцежу. Понятно? — И, не дожидаясь ответа, раздумчиво продолжал: — Ты об этом деле подумай, Андрюха, и не особенно гордись своим мущинством и казачеством. Наша партийная честь не в этом заключается, я так понимаю. Вот надысь еду в район, новому секретарю показаться, по дороге встречаю тубянского секретаря ячейки Филонова, спрашивает он у меня: «Куда путь держишь, не в райком?» В райком, говорю. «К новому секретарю?» К нему, говорю. «Ну так сворачивай на наш покос, он там». И указывает плетью влево от дороги. Гляжу — там покос идет вовсю, шесть лобогреек ходят. Вы что, спрашиваю, очертели, так рано косить? А он говорит: «У нас там не трава, а гольный бурьян и прочий чертополох, вот и порешили его скосить на силос». Спрашиваю: сами порешили? Отвечает он мне: «Нет, секретарь вчера приехал, оглядел все наши поля, на этот бурьян напхнулся, ну и задает вопрос нам: что будем с бурьяном делать? Мы сказали, что запашем его под пары, а он засмеялся и говорит: мол, запахать — дело слабоумное, а на силос его скосить — будет умнее».

Макар помолчал, испытующе глядя на Разметнова.

— Видал ты его? — нетерпеливо спросил Разметнов.

— А как же! Свернул в сторону, проехал километра два — стоят две брички: какой-то дедок кашу на огнёвище мастерит; здоровый, как бугай, мордатый парень лежит под бричкой, пятки чешет и мух веточкой отгоняет. На секретаря не похож: босой лежит, и морда, как решето. Спросил про секретаря — парень ухмыляется. «Он,— говорит,— с утра меня на лобогрейке сменил, вон он гоняет по степи, скидывает». Спешился я, привязал коня к бричке, иду к косарям. Прошла первая лобогрейка, на ней дед сидит в соломенной шляпе, в порватой, сопрелой рубахе и в холщевых портках, измазанных коломазью. Ясное дело,— не секретарь. На второй сидит молодой стриженый парень без рубахи, от пота весь будто маслом облитый, блестит на солнце, как палаш. Ясное дело, думаю, не секретарь. Секретарь не будет без рубахи на косилке ездить. Глянул вдоль гона, а остальные — все тоже без рубах! Вот это — номер, разберись тут, какой из них секретарь! Думал, что по интеллигентному обличью угадаю, всех мимо себя пропустил,— так, будь ты проклят, и не узнал! Все до половины растелешенные, все одинаковые, как медные пятаки, а на лбу не написано, кто из них секретарь. Вот тебе и интеллигентное обличье! Оказались все интеллигентами. Остриги ты наголо самого волохатого попа и пусти его в баню, где солдаты купаются,— найдешь ты этого попа? Так и тут.

— Ты, Макарушка, леригиозных особов не касайся,— грех! — несмело попросил дед Щукарь, хранивший до этого полное молчание.

Макар метнул в его сторону гневный взгляд, продолжал:

— Вернулся к бричкам, спрашиваю у парня: какой из косарей секретарь? А он, дура мордатая, говорит, что секретарь, дескать, без рубахи. Я ему и говорю: ты протри гляделки, тебе их мухи засидели,— на косилках, кроме деда, все без рубах. Он вылез из-под брички, протер свои щелочки да как засмеется! Я глянул и тоже засмеялся: пока я к бричкам возвращался,— дед тоже снял с себя рубаху и шляпу, режет впереди всех в одних портках, лысиной посверкивает, а седую бороду у него ветром аж на спину заносит. Прямо как лебедь по бурьяну плывет. Ну, вот это, думаю, да! Моду какую городскую им секретарь райкома привез, голышом по степи мотаться, и даже трухлявого деда на такую неприличию соблазнил. Подвел меня мордатый, показал секретаря. Я — к нему иду, сбоку косилки, представляюсь, говорю, что ехал в райком с ним знакомиться, а он засмеялся, остановил лошадей, говорит: «Садись, правь лошадьми, будем косить и тем временем познакомимся с тобой, товарищ Нагульнов». Согнал я хлопца, какой лошадьми правил, со стульца, сел на его место, тронул лошадей. Ну, пока четыре гона проехали, познакомились... Мировой парень! Таких секретарей у нас еще не было. «Я,— говорит,— покажу вам, как на Ставропольщине работают! У вас на штанах лампасы носят, а у нас чище косят»,— и смеется. Это, говорю ему, еще поглядим, кто лучше будет управляться: хвалюн — нахвалится, горюн — нагорюется. Обо всем он понемногу расспросил, а потом говорит: «Езжай домой, товарищ Нагульнов, вскорости я у вас буду».

— Что же он еще говорил? — с живостью спросил Разметнов.

— Больше ничего такого особенного. Да, еще спросил про Хопрова: активист он был или нет? Какой там, говорю ему, активист,— слезы, а не активист.

— А он что?

— Спрашивает: за что же, дескать, его убили, да еще вместе с женой?

Мало ли, говорю, за что могли кулаки убить. Не угодил им,— вот и убили.

— Что же он?

— Пожевал губами, будто яблоку-кислицу съел, и этак, то ли сказал, то ли покашлял «гм, гм», а сказать вразумительного — ничего не сказал.

— Откуда же он про Хопровых наслышанный?

— А чума его знает. В районном ГПУ сообщали, не иначе.

Разметнов молча выкурил еще одну папироску. Он о чем-то так сосредоточенно думал, что даже забыл, с какой целью приходил к Нагульнову. Прощаясь и с улыбкой глядя прямо в глаза Макару, сказал:

— Все в голове стало на место! Завтра чуть свет иду в первую бригаду. Можешь не беспокоиться, Макар, спину свою на прополке я жалеть не буду. А ты мне к воскресенью пол-литры водки выставишь, так и знай!

— Выставлю, и разопьем вместе, ежели будешь хорошо полоть. Только топай завтра пораньше, подавай бабам пример, как надо выходить на работу. Ну, в час добрый! — пожелал Макар и снова углубился в чтение.

Около полуночи в нерушимой тишине, стоявшей над хутором, они с дедом Щукарем торжественно прослушали первых петухов, порознь восторгаясь их слаженным пением.

— Как в архирейском соборе! — сюсюкая от полноты чувств, благоговейно прошептал Щукарь.

— Как в конном строю! — сказал Макар, мечтательно глядя на закопченное стекло лампы.

Так зародилось это удивительное и необычайное увлечение, за которое вскоре Макар едва не поплатился жизнью.

Стихи Рудольфа Нильсена

Недавно исполнилось двадцать пять лет со дня смерти известного норвежского поэта Рудольфа Нильсена.

Нильсен родился в 1901 году на окраине Осло в рабочей семье. Он вошел в литературу как борец за права народа, как верный сын рабочего класса. Литературное наследие поэта — три сборника стихов: «На каменистой почве», «До свидания» и «Будни».

С большой любовью писал Рудольф Нильсен о Советской стране, которую он посетил дважды.

ГОЛОС РЕВОЛЮЦИИ

Дайте мне чистых и крепких,
смелых и сильных людей,
Тех, кто всей жизнью поверил
правде суровой моей,
Тех, кто бестрепетно верен
солнцу бессмертных идей.
Дайте мне умных, спокойных,
а не погрязших в тоске;
Не празднословы нужны мне
с клятвами на языке,
Ведь бесконечные клятвы —
надпись на зыбком песке.
Дайте мне гневных, упрямых,
кто не отступит назад,
Гордых безбожников дайте,
небо презревших и ад,
Рай на земле создающих,
здесь на свой собственный лад.
Дайте сердца огневые,
дайте идущих вперед,
Тех, кто уверен в победе
и не страшится невзгод,
Не поддается сомненьям,
тех, кого скорбь не берет.
Дайте ж мне лучших из лучших!
Вам, кто сроднился со мной,
Матерью любящей буду,
верною буду сестрой.
С нами грядущее мира!
Лучшие призваны в строй!

Перевел Л. ГИНЗБУРГ.

К КАЗНИ САККО И ВАНЦЕТТИ

Нью-Йорка одряхлевшая блудница,
Стоит, шатаясь, статуя Свободы.
Она былой осанкою кичится,
Но тщетно: цену знают ей народы.
И ей не скрыть великолепьем грима
Гниенья след, недуг неотвратимый.
Бесчестья знак не может быть сокрыт,
И явственнее люди видеть стали:
Огромный высится на мрачном пьедестале
Стул электрический,
и солнцу он грозит.

Перевел Вл. РУБИН.

НА ЦЕЙЛОНЕ

Остров Цейлон с давних пор привлекал внимание иностранных завоевателей. В XVI веке остров был захвачен португальцами, через 150 лет их сменили голландцы, после чего в 1795 году Цейлон стал английской колонией.

Иноземные захватчики отметили свой путь памятниками, которые они воздвигали в честь генералов и губернаторов, управлявших семью с половиной миллионами цейлонцев. Но колонизация Цейлона оставила и другие приметы: развалины древних храмов, монастырей, селений. В 1948 году Цейлон получил статут доминиона Британского содружества наций. Ничего, однако, не изменилось в тяжелой жизни сингалезов и тамилов — коренных жителей острова. Как и прежде, они гнут спину на рудниках, в графитовых копях, на чайных, кокосовых и каучуковых плантациях, принадлежащих главным образом английским компаниям. Мотыга, примитивная соха, которую тянет буйвол, остаются попрежнему орудиями труда крестьян на рисовом поле.

Американские империалисты стремятся использовать Цейлон для своих агрессивных целей в Азии. Этим проискам противостоит горячее стремление народа Цейлона к миру и независимости.

Фото М. Сергеева и М. Алексеева.

Транспорт столицы Цейлона отражает контрасты в экономическом развитии страны. На улицах в потоке автомобилей, больших двухэтажных автобусов вы встретите волов, тянущих арбы, бегущих рикш. ←

Эти хижины стоят не в глухом лесу, а в центре Коломбо — столицы Цейлона,— всего в нескольких шагах от многоэтажных банков, гостиниц, контор иностранных компаний. ←

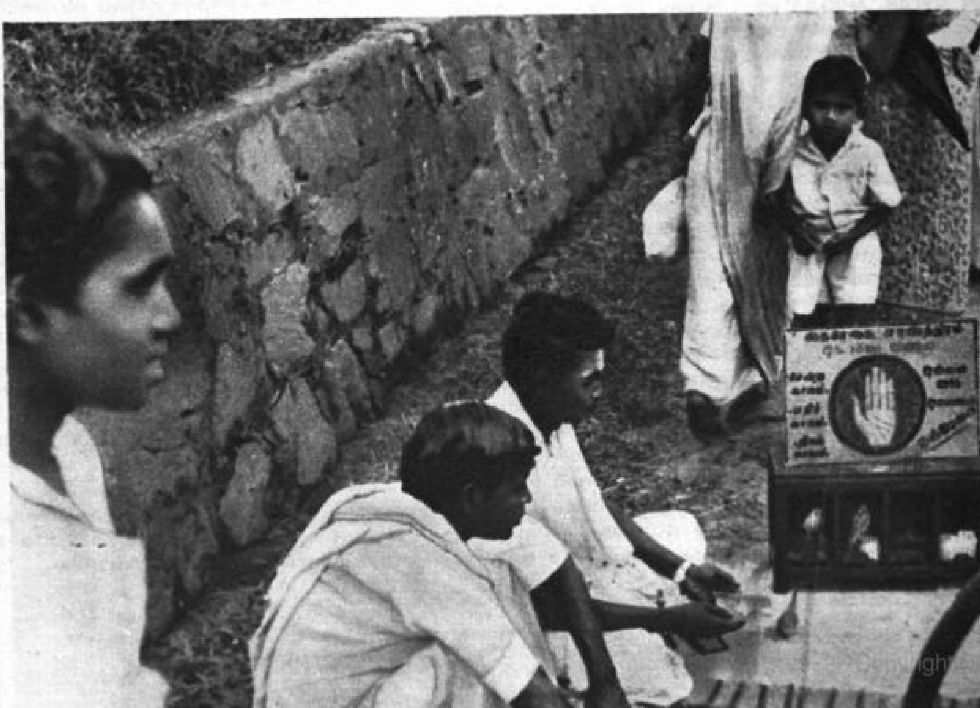
В горах на ослепительном, жарком солнце трудятся рабочие, добывая камень для строительства. Держась одной рукой за канат на выступе скалы, они долбят твердый камень по 12—14 часов в сутки (фото слева внизу).

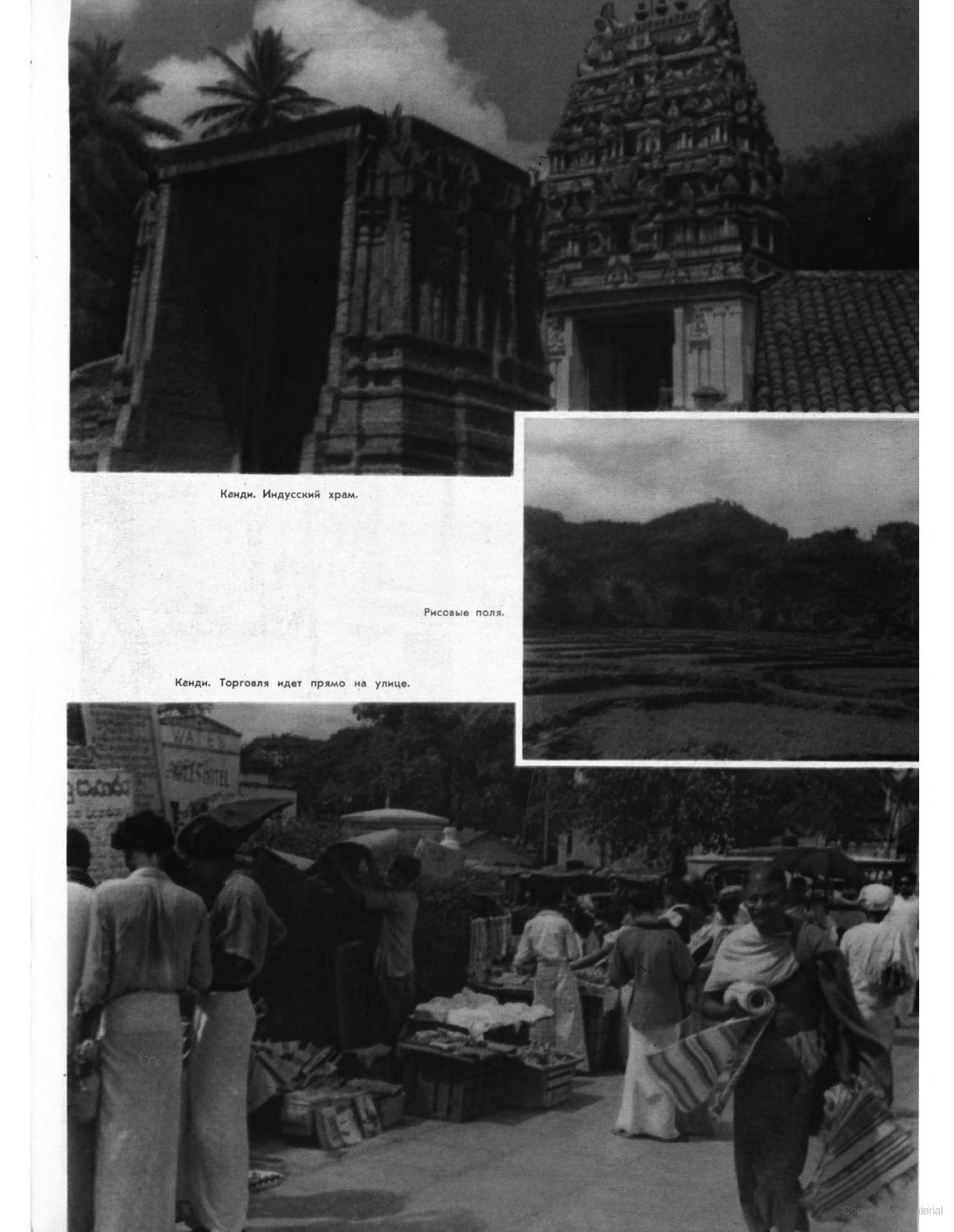
На улицах Коломбо, Канди и других городов Цейлона много гадальщиков, хиромантов, «предсказывающих» будущее неграмотным в своем подавляющем большинстве жителям Цейлона. ↓

↑ Многие рикши не имеют своего угла. На ночь они устраиваются на ступеньках богатых особняков, банков.

Канди. Индусский храм.

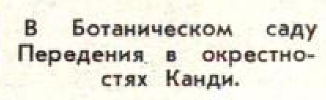
Рисовые поля.

Канди. Торговля идет прямо на улице.

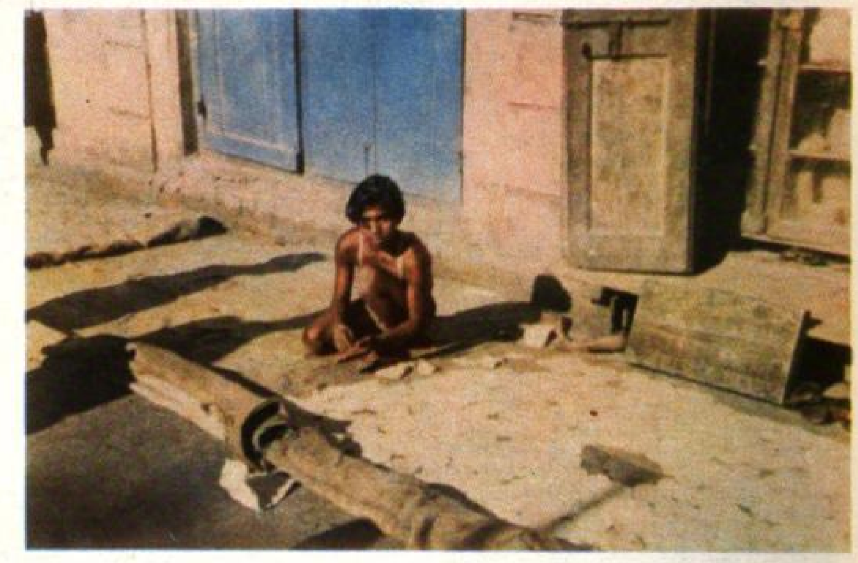

Водовоз на окраине Коломбо.

В Ботаническом саду Передения в окрестностях Канди.

Коломбо. Лепешки сушатся на тротуаре.

Слоны возвращаются с места лесоразработок.

В ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ

З. ХИРЕН,
специальный корреспондент «Огонька»

Приехали мы в Киев, когда уже отгремели первые майские грозы и на кручах Днепра побелели сады.

В городе гостили тысячи русских артистов, писателей, ученых, музыкантов, художников, рабочих-новаторов. Но это все же были только первые отряды той огромной армии гостей, которую ожидали со всех концов Украины, России, со всех республик Советского Союза. К этому времени уже промелькнуло сообщение, что в Киев на празднование по приглашению Славянского комитета СССР и Украинского общества культурной связи с заграницей едет делегация Товарищества объединенных украинцев Канады. Об этом говорили с особенным интересом еще и потому, что в Канаде эти же украинцы открыли памятник Тарасу Григорьевичу Шевченко, что там сейчас выступает любимица киевлян певица Елизавета Чавдар.

И как это часто бывает, в большой всенародный праздник вплелись знаменательные события в жизни заводов, учреждений, людей. Рабочие киевского завода «Большевик», встретившись у себя во Дворце культуры с московскими писателями, просили их передать благодарность заводу «Красный пролетарий», приславшему им семь замечательных скоростных станков. Ленинградцы гордятся тем, что воды Днепра вращают турбины, изготовленные на ленинградских заводах, и что в Ленинграде можно встретить немало оборудования с маркой украинских предприятий. Президент Академии наук СССР Несмеянов сообщил, что ученых сейчас на Украине в десять раз больше, чем было их во всей бывшей царской России. Русские писатели обрадовали своих украинских товарищей, сообщив, что тиражи книг, переведенных с украинского на русский, достигают многих и многих миллионов экземпляров.

В городе в это время гостили Большой театр Союза ССР, Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии, хор имени Пятницкого, множество артистов Москвы и Ленинграда. Но все равно далеко не всем киевлянам удавалось их увидеть.

Мы были в театре, когда зал его заполнили колхозники окрестных сел. Они приехали прямо с поля, где весенний ветер успел уже крепко обжечь им лица. Шла опера «Князь Игорь». И вот в одном из антрактов мы увидели на сцене рядом с актерами, не снявшими еще грима, колхозников. Они горячо благодарили посланцев Москвы, звали к себе в гости.

И действительно, не раз в эти дни артисты и писатели бывали в гостях у колхозников. Хозяева показывали гостям свои поля и фермы. Затем совсем по-домашнему, за семейным столом обедали; и знаменитые поэты читали свои стихи, знаменитые певцы пели, знаменитые музыканты играли. Гости побывали и в Переяслав-Хмельницком, когда там происходила юбилейная сессия Киевского областного и Переяслав-Хмельницкого районного советов. Дело происходило в воскресенье, и на улицах города не умолкали русские и украинские песни.

Артисты и писатели в гостях у колхозников села Музычи, Киевской области.

Пока шла декада русской литературы и искусства, участники художественной самодеятельности готовили огромную программу к массовому народному гулянью, на котором выступят семьдесят пять оркестров, сто хоровых коллективов, семьдесят танцевальных групп. Естественно, что тут не обошлось без помощи, без советов москвичей. Иван Семенович Козловский в Переяслав-Хмельницком репетировал с киевскими артистами праздничную программу. На дворе завода «Большевик» повстречали мы уже немолодого коренастого человека. Это оказался мастер котельного цеха Дмитрий Яковлевич Петрусенко. В старину таких людей называли глухарями. Кто же не знает, что прежде котельщики с первых же месяцев работы глохли? А вот Петрусенко поет, у него чудесный тенор. «По вечерам,— сказал он,— я очень занят: наша заводская капелла выступит перед народом с отрывками из опер «Руслан и Людмила» и «Богдан Хмельницкий».

Не только украинская и русская речь звучит в эти дни в Киеве: на открытии юбилейного пленума Союза советских писателей мы услышали выступления представителей всех республик нашей страны. Это были писатели, приехавшие со всех концов Союза в гости к украинцам. Они привезли с собой переводы сочинений Шевченко, Ивана Франка, Леси Украинки, Коцюбинского, современных украинских писателей.

И тут вновь мы были свидетелями нерущимой дружбы и братства советских людей.

И. С. Козловский репетирует с киевскими артистами.

Народное гулянье в Переяслав-Хмельницком.

Фото Н. Козловского.

Велогонка Мира

Не случайно велогонку Мира нынешнего года считают самым крупным в истории велосипедного спорта международным соревнованием: в ней рекордное количество участников—114 спортсменов из 19 стран. Впервые участвовали в гонке спортсмены Советского Союза.

...Трасса пятого этапа пересекает государственную границу Польши на реке Нисе. Жители пограничного городка Згожелец украсили въезд на мост транспарантом со словами: «Дорогие друзья! Вы пересекаете первую в истории человечества границу мира и дружбы между Польшей и Германией!»

А за мостом, уже в другом государстве, алело немецкое приветствие: «Привет участникам 7-й велогонки Мира! Вы пересекли границу вечного мира и нерушимой дружбы между немецким и польским народами!»

Проехав мост, один из французских журналистов взволнованно произнес:

— Побольше бы таких мостов в Европе!

В Берлин гонщики прибыли в день 9-й годовщины исторической победы Советской Армии над гитлеризмом. Над толпой, запрудившей широкую Сталин-аллее, не смолкая, гремели возгласы:

— Да здравствует Советский Союз — наш освободитель и верный друг!

Польская команда до седьмого этапа была лидером гонки. В Лейпциге ей пришлось выпустить вперед велогонщиков Чехословакии. Советские велосипедисты занимали шестое место, впереди команд Англии, Германской Демократической Республики, Франции, Болгарии.

17 мая участники гонки завершили борьбу, финишировав в Праге. Командное первенство завоевали чехословацкие велосипедисты, в личном зачете на первое место вышел датчанин Э. Дальгорд.

Эдвард КАРЛОВИЧ
Варшава.

На трассе велогонки Мира. Вперед вырвались три спортсмена: Я. Кубр (Чехословакия), Е. Немытов (СССР). С. Георгиев (Болгария).

НА ЖЕНЕВСКОМ СОВЕЩАНИИ

Заметки польского журналиста.

Эдмунд **ОСМАНЧИК**

Еще до начала обсуждения вопроса о восстановлении мира в Индо-Китае пришлось изыскивать новый способ... рассаживания участников совещания. Оказалось, что американские представители категорически отказались сидеть за одним столом со всеми! Трудно сказать, что они тут имели в виду,— может быть, то, что установленные в главном зале подковой столы и скамьи образуют одно целое? Кончилось тем, что в другом, менее презентабельном зале Дворца Наций было установлено вдоль стен девять небольших столиков, а в центре поместили переводчиков, хотя в основном зале, где по корейскому вопросу заседают девятнадцать делегаций, с лихвой хватило бы места для девяти, обсуждающих вопрос о Вьетнаме...

Итак, в новом зале заседают: делегации пяти великих держав, делегация Демократической Республики Вьетнам (представляющая также интересы борющихся народов Патет-Лао и Кхмера, не допущенных к участию в обсуждении вопроса из-за происков западных государств) и, наконец, делегации трех «присоединившихся государств».

У многих находящихся в Женеве журналистов вызывает недоумение то упорство, с которым делегации западных держав применяют отжившие колониальные названия «Лаос» и «Камбоджа» для обозначения стран, народы которых употребляют подлинные наименования: «Патет-Лао» и «Кхмер». Один журналист выразил мне свое возмущение по поводу того, что французская буржуазная пресса угодливо именует марионетку Бао Дая «его императорским величеством» — совсем так, как титуловали в свое время Наполеона.

Несколько дней тому назад марионетка «приняла» на французской Ривьере в своей роскошной вилле в Каннах посла США в Париже г-на Диллона. Как утверждают в кругах американской делегации, посол был «...весьма удовлетворен результатами беседы». Это надо понимать так, что выступления представителей Бао Дая в Женеве приведены в соответствие с линией американской внешней политики.

«Император» имел также беседу с швейцарским журналистом, который вернулся из Канн «с чувством глубокого отвращения», как он сам выразился. «В роскошной вилле,— рассказывал этот журналист,— я увидел откормленное, жирное существо. На лице его не проявилась ни одна человеческая черта, когда я говорил с ним о тяжких жертвах, которые принесла народу Вьетнама жестокая война...»

...Большим событием для журналистов была пресс-конференция делегации Демократической Республики Вьетнам. Зал, помещающийся в нижнем этаже Дворца Наций, был переполнен, когда пресс-секретарь делегации стал зачитывать предложения, сделанные главой делегации Фам Ван Донгом.

Пункт за пунктом записывая предложения Фам Ван Донга в свои блокноты, журналисты уже по первым формулировкам поняли, что это широко распахнутые двери для подлинного и справедливого решения вопроса о восстановлении мира в Индо-Китае. Когда мы услышали о том, что Демократическая Республика Вьетнам желает сохранить экономические и культурные отношения с Францией и готова обсудить вопрос о возможности вхождения во Французский Союз — в соответствии с принципами добровольности,— по залу, как ливень по железной крыше, прокатился рокот изумленных голосов. Я всматривался в лица присутствующих. На одних светилась явная радость, на других — только знак вопроса, на третьих — изумление, о котором русская поговорка говорит: «Смотрит, как баран на новые ворота». Были и такие, на которых застыло наигранное безразличие, но все же, как я полагаю, предложения делегации Демократической Республики Вьетнам и их явно застали врасплох.

Вечером Дом прессы гудел, как пчелиный улей. Когда французский пресс-атташе заявил, что делегация Франции... отклонила предложения Фам Ван Донга, мы услышали много резких замечаний по адресу г-на Бидо со стороны журналистов самых разнообразных политических направлений.

Но уже назавтра подручный г-на Бидо отказался от своего вчерашнего заявления и тусклым голосом признал, что предложения Демократической Республики Вьетнам... «представляют некоторое основание для переговоров» и что «...переговоры воспоследуют и обещают быть весьма интересными». Это вызвало большое удовлетворение многих моих коллег.

...Прошел еще один день, и в журналистских кругах распространилась новость: в Женеву прибыл супруг голландской королевы принц Бернард ван Липпе. Прибыл на один день, только для того, чтобы встретиться с мистером Беделлом Смитом.

Как сообщил мне один французский коллега, это уже третье по счету голландско-американское совещание в Женеве: сначала из Гааги прилетал министр иностранных дел Голландии Лунс, за ним вслед примчался некий господин Роокмакер, он является «специалистом» по Южной Азии в голландском министерстве иностранных дел. Оба беседовали с главой американской делегации. Не слишком ли много за такой короткий срок появлялось в Женеве «летучих голландцев»?

Американские противники мира в Азии упорно продолжают искать путей для втягивания стран Юго-Восточной Азии в свою агрессивную политику на Дальнем Востоке. Для этого, как видно, и ведутся закулисные переговоры в Женеве с различными колониальными государствами...

Был в Женеве день, когда глава французской делегации почувствовал себя здесь не очень уютно. На пресс-конференции в Вашингтоне мистер Даллес на вопрос одного из журналистов: «Может ли, по вашему мнению, удержаться Южная Азия без Индо-Китая?» — ответил: «Да!» По окончании пресс-конференции журналисты опрометью бросились к телефонам и телетайпам.

Сообщение из Вашингтона было получено г-ном Бидо во время заседания.

Последовали бурные телефонные разговоры между Женевой и Вашингтоном, а также между Парижем и Вашингтоном. В течение двух дней для нашего брата, журналистов, было оглашено шесть (!) «разъяснений» — одно другого путанней и сбивчивей. Наконец, из Вашингтона пришло сообщение, что... заявление Даллеса вычеркнуто из официальной стенограммы пресс-конференции! Но за этим последовали телеграммы из Парижа, извещавшие, что правительство Ланьеля удержалось на большинстве... в два голоса. Едва ли это улучшило настроение г-на Бидо в Женеве!..

С необычайным интересом и вниманием вчитывались мы в каждую строку заявления В. М. Молотова по

Журналисты в Доме прессы.

Делегация Демократической Республики Вьетнам в зале заседаний.

Обсуждение на Женевском совещании министров иностранных дел вопроса о восстановлении мира в Индо-Китае. Слева — делегация Франции, в центре — делегация США.

Министр иностранных дел Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лай с членами китайской делегации.

Делегации СССР, Англии и Китайской Народной Республики во время обсуждения вопроса об Индо-Китае.

вопросу о восстановлении мира в Индо-Китае. Это был глубокий, правдивый, убедительный обзор истории борьбы народов Индо-Китая за свое освобождение. Это была сокрушительная критика планов влиятельных кругов США расширить войну в Юго-Восточной Азии. Чувство надежды на мирное решение индокитайского вопроса сильно укрепилось после того, как В. М. Молотов, поддержав предложения Демократической Республики Вьетнам, выразил уверенность в том, что участниками Женевского совещания будут рассмотрены все предложения, действительно содействующие восстановлению мира в Индо-Китае.

Закрытые заседания по индо-китайскому вопросу будут продолжаться в течение будущей недели.

Это — доброе предзнаменование. Правда, пришло известие, что мистер Даллес должен прилететь в Париж. Правительство Ланьеля вопреки воле французской общественности вновь запросило «помощи в Индо-Китае» у Соединенных Штатов. Уж не надеется ли Даллес в Париже «поправить» то, что, с его точки зрения, «испорчено» в Женеве?

Жаль, что мистер Даллес не смог наблюдать той картины, которую мы, журналисты, видели сегодня.

Большая группа китайцев и вьетнамцев остановилась у одного из крупнейших женевских банков, куда в числе прочих поступают на анонимные счета прибыли из Индо-Китая. Китайцы и вьетнамцы стояли, освещенные ярким солнцем. Их тени упали на стены, за которыми еще таятся, спрятанные в колонках цифр, гнет, нужда и эксплуатация народов Азии. Не мешало бы сторонникам «политики силы» посмотреть, как живая история нашего времени победно марширует по солнечным женевским улицам!

Женева, 16 мая.

ОВЧИНКА ВЫДЕЛКИ СТОИТ!

С. КАНЕВСКИЙ

— Хотелось бы посмотреть манто из овчины под выдру или котик!

Заведующему меховым отделом Центрального универмага Мосторга наша просьба показалась наивной. По его взгляду было понятно, что примерно с таким же успехом можно говорить о чемодане из мамонтовой кожи. Ответ последовал откровенный:

— Наш магазин даже не желает иметь дело с этим товаром. Продашь десяток пресловутых «цигеек», а потом объясняйся с теми, кому они не достались. Трудно убедить, что больше этих манто действительно нет и никто не знает, когда снова получим.

Чтобы посмотреть на эти манто, мы поехали в Казань, где их шьют.

Пословица, которая утратила смысл

Мы идем мимо просторных цехов Казанского мехового комбината. На складах огромные штабеля сырых овчин. Непостижимо! Неужели эти грязные, лохматые шкуры и превращают в щегольские манто? Невольно в памяти всплывает пословица: «Овчинка выделки не стоит».

Нет, стоит! Пословица явно устарела, утратив прежний прямой смысл.

Поясним: речь идет о тонкорунной овчине. Нежный волос тонкорунной овцы, который ткачи высоко ценят со времен древних финикийцев, производивших знаменитые пурпурные ткани, не устраивал меховщиков. Шубу из такой овчины не сошьешь. Руно быстро «сваливается», сбивается в комочки, и шуба плохо защищает от холода. Из тонкорунной овчины делали дешевые, просто окрашенные воротники и шапки. По внешнему виду им, конечно, далеко до мерлушковых и смушковых, не говоря уже о каракуле.

Кожевенной промышленности шкура тонкорунной овцы и вовсе не годилась: у нее рыхлая кожа.

Лишь в наши дни тонкорунная овчина нашла достойное применение. Создан сложный физико-химический способ превращения ее в превосходный мех. Техника выделки под благородную пушнину, доведенная до высокой степени совершенства, вызвала в меховом деле переворот. Произошла переоценка ценностей. Шкуру, которой пренебрегали, делают похожей не только на выдру и котик, но и на бобра, норку. Смотришь — и не отличишь. Пользуясь широкой палитрой красок, технологи находят неожиданные тона и отливы, которые даже природа не придумает.

Как это достигается?

Путь овчины со склада до красильного баркаса долог и сложен: он отнимает 9 суток. Сырую шкуру надо начисто вымыть в чанах, чтобы избавить ее от налипшей грязи и овечьего пота. Затем шкуру дубят, сушат, разминают, а волос вытягивают, подстригают, чешут, гладят. Смысл этих и многих других операций — их 80! — в том, чтоб выпрямить спутанные волосинки, придать им стойкость и эластичность. Пушистый мех в конце концов становится упругим и гладким, как плюш, он не сминается в носке, не боится влаги.

Производство хорошо оснащено машинами. Особенно интересен сушильный цех. Рамы, на которые натянуты влажные овчины, движутся автоматически и через определенные промежутки времени входят в сушильные камеры. Когда шкуры достаточно просохнут, невидимая сила автоматов выталкивает рамы наружу.

Видели мы и фабрику, где на конвейере шьют детские шубки и женские манто. На длинной чуть вздрагивающей ленте, покорно подчиняясь ритму, точно рассчитанному технологом, под лучами ламп дневного света медленно плывут от работницы к работнице цветные овчины. Раскроенные по лекалам, они составляют в целом манто.

В центральной скорняжной лаборатории комбината нам показали модели, принятые на 1954 год. Особенно хороши манто под норку и белая с узорчатой меховой отделкой шубка для девочки.

— В торговле промышленными товарами народного потребления,— говорит директор комбината Ю. Комиссаренко,— редко бывает, чтобы новый вид продукции был так по достоинству оценен буквально с первого же дня его появления. Многие женщины мечтают купить для себя или своих детей «цигейку», как в обиходе по недоразумению называют эти вещи из облагороженной овчины, хотя цигейская овца не имеет прямого отношения к ним. Выход из положения известен один: резко увеличить производство. И промышленность принимает меры...

Мы получили любопытную справку. В 1950 году меховые предприятия Министерства промышленных товаров широкого потребления СССР выработали 1 139 тысяч облагороженных овчин. В 1953 году производство поднялось до 3 011 тысяч. По плану этого года, выделка достигнет 3 825 тысяч шкур. Львиную долю овчин цветных имитаций давал и даст Казанский комбинат — главный «меховщик» Советского Союза.

— Как видите,— продолжает директор,— производство непрерывно увеличивается. Опираясь на помощь научных работников, новой техникой постепенно овладевают все меховые предприятия. Но следует учесть, что огромное количество облагороженной овчины отнимают воротники, шапки — их десятки миллионов штук. Опушку зимней обуви тоже нельзя сбрасывать со счетов...

Совет Министров СССР и Центральный Комитет КПСС обязали промышленность выпустить в 1954 году 300 тысяч манто и 75 тысяч жакетов всех видов, начиная от крашеного суслика и кончая натуральной норкой. Сейчас, когда приведены в действие могучие стимулы в сельском хозяйстве, меховая промышленность ожидает усиленного притока сырья из колхозов и совхозов.

В докладе товарища Н. С. Хрущева на Пленуме Центрального Комитета КПСС говорится о развитии тонкорунного овцеводства. В степях Южной Украины, Прикаспия, Северного Кавказа, Поволжья, на Алтае, в Бурят-Монголии — на обширных пастбищах поголовье тонкорунных овец в ближайшие годы увеличится на десятки миллионов. Ткачи начнут получать в несколько раз больше шерсти, меховщики — овчин.

Чтобы поток сырья не захлестнул меховую промышленность, уже сейчас принимают меры для наращивания производственных мощностей. Казанский комбинат после реконструкции будет выпускать до 50 тысяч манто в год из облагороженной овчины. На меховой фабрике в Харькове осенью пустят цех, который по плану должен был войти в строй лишь в 1955 году. Короче говоря, резервы меховой промышленности срочно переключают на увеличение выделки цветной овчины. Поставлена задача — увеличить в ближайшее время производство манто из цветной овчины до 90—100 тысяч ежегодно.

Чудесная романовская овца

Многие века на вес золота ценили тонкую шерсть испанского мериноса. Королевская фамилия Испании была монопольным поставщиком тонкого руна для всей Европы. Под страхом смертной казни король запрещал вывоз живых тонкорунных овец-мериносов за пределы Испании. Но в конце концов меринос начал распространяться по всему земному шару. Наша страна ныне обладает самой продуктивной из всех мериносовых пород — асканийской.

Узбеки и туркмены гордятся стадами каракуля — древнейшей из овечьих пород. Шкурки молоденьких каракульских ягнят дают красивый мех в завитках на дороги манто, шапки и воротники.

Но есть овца, которая по некоторым признакам и качествам представляет единственную породу в мире. Это романовская. Советский Союз — монопольный ее обладатель.

Овчинка стоит выделки! Детские шубы из тонкорунных шкур — работа казанских меховщиков.

Фото Б. Кузьмина.

В незапамятные времена романовскую овцу вывел на берегах Волги ярославский крестьянин, которому нужна была надежная дешевая защита от холодов в долгую русскую зиму — тулуп, валенки, варежки, шапка, фуфайка. Возникшая когда-то в Романово-Борисоглебском уезде, Ярославской губернии (отсюда и название), порода распространилась по всей стране, вплоть до Якутии.

Из романовской овчины шьют тулупы, бекеши, борчатки — шубы кожей наружу. В отличие от тонкорунной овчины шерсть на романовской не сбивается в комки, не «сваливается» и потому не теряет «теплоты», пока не изнo-

— Легка и красива романовская овчинка,— говорит директор Ярославского овчинно-шубного завода С. Н. Органов.

сится до конца. Секрет поразительного свойства романовской овчины в том, что она имеет два вида шерстинок: тончайший пух и более короткую, упругую ость. Словно пружинками, ость поддерживает, подпирает пуховые шерстинки. Понятия не имея о биологических законах, открытых спустя века Мичуриным, но читая мудрую книгу природы, русский крестьянин кропотливым подбором создал овцу, замечательную и по плодовитости. Она ягнится дважды в год и каждый раз приносит по 2—3—5 и больше ягнят.

Однако надо прямо сказать: в последнее время романовская овца очутилась в тяжелом положении. В 1952 году поголовье ее сократилось на 8 процентов. Даже в Ярославской области, на родине романовской овцы, убыль приняла значительные размеры.

На многих колхозных фермах овец неделями не выпускают из кошар на свежий воздух. Хилые ягнята боятся сквозняка. А ведь романовская овца — северянка и хорошо чувствует себя даже на сильном морозе. Понадобились научные опыты, чтобы подтвердить издавна известную ярославскому крестьянину истину, что ягнята «холодного» воспитания гораздо жизнеспособней ягнят «тепличных», выросших в душных кошарах. Нерадивые люди заморили замечательную овцу и теперь говорят: она вырождается. Советуют заменить ее другой породой. Есть прожектеры-зоотехники, которые, не разобравшись в деле или желая уйти от ответа, валят вину на безобидное животное.

Романовская порода — выдающееся творение народной селекции. Она заслуживает того, чтобы заняться ею серьезно, и тогда перед промышленностью откроется еще один большой источник прекрасного сырья. Колхозы северных районов, конечно, предпочтут разводить овцу романовскую. Ведь, в конце концов, она и мяса дает больше других овец, скажем, линкольнов, если учесть ее удивительную плодовитость.

Воспоминания старых швецов

На берегу Волги, в районе, откуда пошла романовская овца и где издавна живут мастера по выделке ее шкур, находится Ярославский овчинно-шубный завод. Конечно, далеко ему по размерам и техническому оснащению до Казанского комбината. Все же ярославцы выпускают ежегодно 70—80 тысяч меховых пальто, пиджаков, борчаток, бекеш. Производству многого не хватает. Министерство промышленных товаров широкого потребления РСФСР, которому подчинен Ярославский завод, знает о его нуждах, но все же аккуратно «режет» сметы. Тактика недальновидная!

Берешь в руки романовскую овчинку — и не веришь: до чего легка! Старый швец Алексей Михайлович Юдин рассказывал нам:

— Вот мы однажды пошили Калинину борчатку, так она весила фунтов пять. Михаил Иванович нам даже благодарственное письмо прислал с пожеланием развития и успехов...

Сидевший рядом швец Семен Игнатьевич Макаров подтвердил:

— Да, фунтов пять весила, если не меньше. Ничего особенного. Ведь раньше мы шили овчины только петровского забоя, а теперь — любого...

Поясним, что имели в виду старики-мастера. Прежде забивали на овчину ярочек и барашков зимнего окота в возрасте 6—8 месяцев к «петрову дню», и они давали превосходную серо-голубую овчину.

Но даже из второсортной романовской овчины здесь умеют делать неплохие вещи. Прежде на заводе применяли единственный способ выделки — черное дубление. В наши дни овчинку красят в коричневый, синий, зеленый и другие тона. Кожа получается мягкая, вроде замши. Шуба современного покроя, пошитая из романовской овчины, напоминает пальто на меху с хорошим суконным верхом. Красиво и доступно. Продажная цена даже самой дорогой шубы вместе с воротником из облагороженной овчины, которую умеют выделывать на этом заводе, не превышает 500 — 600 рублей.

* * *

В нашей стране меховая одежда всегда была и останется предметом первейшей необходимости. Надо думать, что проблема «цигейки» и изделий из романовской овчины теперь будет разрешена.

РОЖДЕНИЕ ЗЕРНОГРАДА

Вл. СОЛОУХИН

Зимой степь больше всего похожа на море. Проведена правильная, четкая линия горизонта, и внутри этого очерченного пространства нет ни одной черной точки.

С самолета открываются новые горизонты. Вдруг разглядишь внизу несколько черных квадратиков, положенных двумя рядами близко друг от друга. В другом месте увидишь, как по нетронутой степи гигант-чертежник провел тонкую черную линию. Очевидно, задуман сложный чертеж, где будет много пересекающихся линий и много других знаков. Они испещрят степь, образуя цельную разумную картину. Пока проведена одна, осевая линия чертежа — железная дорога. Такова степь с самолета.

А воображение рисует другую картину: белый, запорошенный снегом кусок планеты, который еще не успела захлестнуть катящаяся с юга горячая волна весны. Вот захлестнет она эту степь и смоет снега. А что под ними? До этой зимы каждый ответил бы: известно что — земля. Теперь это слово слишком общо, и не его услышишь в ответ.

— Что под снегом? — спросил я у колхозника в тамбуре вагона.

Он не спеша повернул ко мне голову в лисьем малахае:

— Целина.

* * *

Неторопливой, размеренной жизнью жили степные районы. Пассажиры в поездах все больше транзитные. Выйдет пассажир на перрон, прочитает название станции: Жаксы, или Перекатная,— купит у предприимчивой хозяйки пару крутых яиц, а потом в большом городе и не вспомнит про несколько полузанесенных снегом домиков, а и вспомнит — не захочется туда пассажиру. В районных гостиницах — простор. Разве совещание какое в райкоме или сессия райсовета, ну, тогда оживает гостиница. А того, чтобы в городке Атбасаре появились вдруг писатели, кинорежиссеры, художники и люди десятков других профессий,— не помнит того Атбасар за все сто восемь лет своего существования. В каких-нибудь три дня изменился ритм жизни.

Взять хотя бы межсовхозную экспедицию. Помещается она на самом краю города, и не каждый из атбасарцев знал о ее существовании. Начальник экспедиции Бапишев, невысокий плотный казах с бритым лицом, приходил в контору рано утром. Смотрел, как старик-возчик растапливал печку, ждал, не позвонит ли кто по телефону. Работы было мало: ну, запчасти придут, ну, две новые сеялки, ну, горючее... Девушка-телефонистка на просьбу соединить с экспедицией отвечала: «Номер скажите, я не обязана знать какую-то экспедицию». Потом наступил день, когда девушке пришлось ответить таким образом раз двадцать. Это надоело ей, и она стала соединять по первому слову. А звонки все поступали и поступали.

— Сам знаю, что нужно разгружать! — горячился Бапишев в трубку.— Разгрузим.

— Да ведь новые эшелоны идут. Так мы всю станцию забьем!

Только что Бапишев клал трубку, чтобы ехать на станцию, как в контору с шумом входила новая группа людей...

— Нас в Киевский совхоз направили, нас в «Изобильный»,— наперебой говорили они.

Совсем молоденькая девушка, в легком, почти летнем пальто и суконных ботиках, старалась объяснить:

— Его фамилия — Селиванов. Коля Селиванов. Они выехали из Москвы шестнадцатого числа.

— Но куда он назначен, в какой совхоз? Или, может быть, он по линии МТС? Он писал вам?

— Он мне не писал,— смущаясь, отвечает девушка.— Но на райком комсомола пришла телеграмма. Их эшелон прибыл в Атбасар. А я хочу к ним.

Люди смотрят на девушку добрыми глазами, дают ей деловые советы, где и как быстрее всего разыскать Колю Селиванова.

В гостиницах больших и малых городов Казахстана полным-полно. Возле дежурной толпятся люди с чемоданами, с рюкзаками. Они все еще надеются получить место, хотя им «официально» заявлено, что мест нет.

Человек, попадающий в эти дни в Кустанай или Акмолинск, в Кокчетав или Павлодар, невольно начинает жить интересами «целины»: в вагоне он ехал вместе с добровольцами; поезд перестоял в тупике, потому что пропускали эшелон с тракторами; на перроне был митинг, где говорилось о важности зерновой проблемы. Наконец человек в номере гостиницы. В три часа ночи его разбудил телефонный звонок.

— Мне Бая, позовите к телефону Бая,— просит далекий голос.— Вы меня слышите? Позовите Бая...

— Какого вам бая! — чертыхнулся разбуженный человек в трубку.— Всех баев прогнали еще в семнадцатом году.

— Бая? Кто спрашивает Бая? — сосед по койке забирает трубку у незадачливого шутника.

— Кто? Бапишев? Алло! Бапишев, я Бай. Ну, что там? Так. Сколько вагонов? Шестьдесят? Так. Ах, безобразники! Ну, ладно, я скоро выезжаю к вам в Атбасар. Да, да! До свидания.— Положил трубку.— Понимаете,— как бы извиняется перед соседом за ночную тревогу,— в Атбасар для нас прибывают разборные домики. Так что вы думаете? Заводы шлют их так: приходит эшелон одних потолков, потом эшелон одних окон. А вот теперь пришло шестьдесят вагонов никому не известных чурочек. На площадке лежит материал на сотни домов, и никто не знает, можно ли собрать уже хотя бы один. А какой-нибудь прохвост берет две чурочки подмышки и несет их на растопку. Вы понимаете?

Сосед улыбнулся.

— А я как раз инженер-строитель с одного из проклинаемых вами заводов. Еду разбираться в домиках. Как-нибудь разберемся.

— Тогда давайте знакомиться: директор треста совхозов Бай.

Инженер и директор треста смотрят друг на друга и долго хохочут. Потом они спят, а по всем железным дорогам Казахстана, разрывая ночную бескрайнюю, как степь, темень, тревожа ее отрывистыми гудками, идут эшелоны. Они везут трактористов, прицепщиков, гидрологов, слесарей, они везут тракторы и плуги, сеялки и комбайны, стандартные дома и бензин, консервы и сахар, пшено и сало. Все сдвинулось с места, как перед великим наступлением.

«Целинный» директор

Николай Максимович Мамонтов, директор животноводческого совхоза «Расховец», что в ста километрах от Курска, подал заявление в министерство. Он просил направить его на освоение целинных земель в Казахстан.

На рассвете поезд пришел в Акмолинск, а в десять часов утра Николая Максимовича Мамонтова вызвали в обком партии. Секретарь обкома подвел Николая Максимовича к карте области.

— Вот Атбасарский район, а вот станция Перекатная. На север от нее, как видите, огромное белое пятно. Голубая прожилка на нем называется Жаман-Кайракты, что значит плохая река. Земли в массиве почти пятьдесят тысяч гектаров. Поделите ее с соседом — совхозом «Киевским».

Пристально вглядывался Николай Максимович в белый кусок карты, стараясь найти хоть один кружочек, обозначающий жилье.

— Километрах в двадцати пяти от будущей центральной усадьбы вашего совхоза,— продолжал секретарь обкома,— три населенных пункта: Беловодское, Перекатная и Акимовка. Приедут люди — разместите их там, придет техника — тоже.

— А что вы можете сказать о массиве?

— Точного ничего. Скоро экспедиции подъедут, гидрологи, почвоведы, вот с них мы и спросим. Вам все же труднее придется, я говорю о совхозах. При действующей МТС не так уж трудно создать лишнюю бригаду. Если колхоз обрабатывает десять тысяч га, он обработает и четырнадцать. Вам начинать все сначала. Как говорят, ни кола, ни двора — один приказ министерства. Но зато раздолье — создавай, твори... У вас совхоз-то крепкий был?

— Совхоз был ничего. Тысяч семь свиней. Земли, правда, мало.

— Вот то-то, мало. Я слышал от людей, что в Белоруссии, например, один человек может троих прокормить. А здесь — тысячу. Ведь в колхозах только обрабатываемой земли почти по тридцати гектаров на человека.

— С водой как будто не очень хорошо.

— Но не так уж и плохо. Около вашего массива еще в 1907 году переселенцы-полтавчане десять колодцев вырыли по сто пятьдесят метров глубиной. Кроме того у вас же речка через весь массив течет!

— Но ведь она Жаман-Кайракты...

— Ничего, может, не так уж и жаман...

Николаю Максимовичу вручили приказ о назначении его директором совхоза Кайракты, а также доверенность. В доверенности говорилось, что товарищ Мамонтов уполномочен от имени совхоза совершать такие-то и такие-то операции, получать и арендовать то-то и то-то, нанимать и увольнять того-то, представительствовать там-то. Государственный банк открыл товарищу Мамонтову счет, появились у него печать и штамп. Дело оставалось за «небольшим» — за самим совхозом, который существовал пока только на бумаге.

Мамонтов едет в степь

Директор базы «Заготскот» Яков Алексеевич Рожко только что собрался отобедать, когда под окнами залаяли псы, потом скрипнула калитка, и в избу вошел человек. На нем коричневое драповое пальто с цигейковым воротником, каракулевая шапка, кирзовые сапоги. Человек этот был Николай Максимович Мамонтов.

— Тату,— обратился директор базы к своему отцу, старику лет семидесяти пяти.— Достаньте нам капустки солененькой. Хозяйка-то у меня в город уехала,— пояснил он Мамонтову.— Раздевайтесь, обедать будем. Рыбки жареной, молочка...

От граненого стакана водки Мамонтову стало тепло. Словно не было вокруг незнакомой огромной степи, которую придется обживать и распахивать. У Якова Алексеевича совсем потемнело загорелое, обветренное лицо.

— Я ваш участок очень даже хорошо знаю,— говорил он.— Река воду держит семьдесят дней. Потом пересыхает. Остаются одни плесы. Вода в этих плесах горько-соленая. Но кое-где пригодна к питью. На левом берегу реки, километра на четыре в степь, камень наружу вылезает. А самая хорошая земля за сопкой Кос-Карган. Там, кроме ковыля, трава морковник растет. Значит, земля жирнее. Вот сейчас мы пообедаем да запряжем лошадку. Весь участок за два дня изучим.

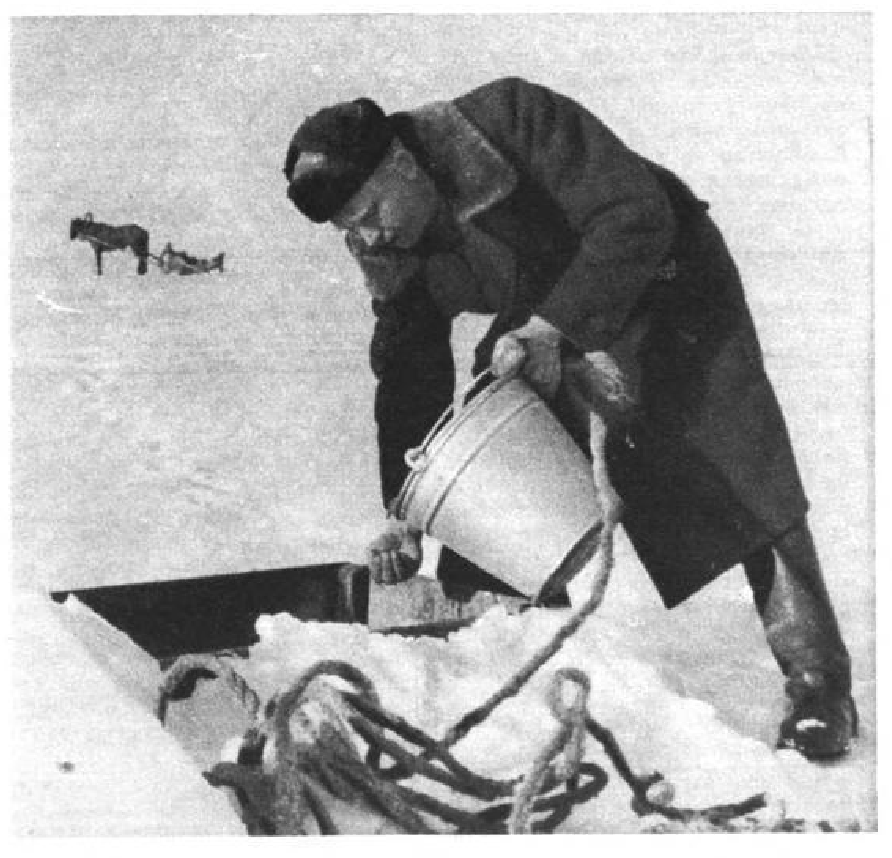
Мамонтов возразил:

— Сначала с жителями нужно договориться. Со дня на день люди начнут прибывать. Им жилье, питание потребуется.

...Неутомимо бежит невзрачная лошаденка. Ее шерсть местами потемнела, взмокла.

— Вон там плотина раньше была,— показывает Яков Алексеевич черенком кнута.— Заедем?

Действительно, видны остатки размытой плотины. Николай Максимович лазает по ней, прикидывает, можно ли досыпать, чтобы держала воду, сколько труда для этого потребуется. Потом заехали в Тарасовку. Тарасовкой называется пустое место. Стоит там один домик, который сохраняют колхозы, потому что он служит перепутьем по дороге со станции. Вблизи оказался колодец. Николай Максимович зачерпнул воды, попробовал. Вода ничего. Грубовата, но пить можно. «Где-то здесь и придется ставить центральную усадьбу»,— подумал директор совхоза. Потом заезжали на Сергиевскую заимку, там тоже нашли родничок, которого, по словам Якова Алексеевича, хватит человек на тридцать, на сорок.

В степи Николай Максимович Мамонтов обнаружил колодец. Вода грубовата, но пить вполне можно.

И снова трусит лошадка. Мамонтову не терпится увидеть хотя бы клочок земли, свободной от снега. Той земли, в которую никогда не вгрызалось железо. Той земли, в которую никогда не кидали тяжелых пшеничных зерен.

Ничего! Теперь скоро.

Земляки встретились

Сорок шесть лет назад восемь воловьих упряжек выехали из деревни Чаплинка, что близ Екатеринослава, нынешнего Днепропетровска. По широкому пыльному шляху, мимо серебристых пирамидальных тополей, мимо голенастых аистов, стоящих на крышах, мимо глубоких криниц с ледяной прозрачной водой, мимо плетней, усаженных горшками да крынками, медленно пропылили упряжки. Восемь семей покидало родную деревню, милую сердцу Украину. Не хватало хлеборобам земли, а тут прошел слух, что далеко-далеко за Доном-рекой, за Волгой-рекой, за Уралом-рекой лежат немереные, непаханые земли. Сколько распашешь — все твое. И вот в тысячах километров от Екатеринослава, в безлюдной атбасарской степи, близ речки Кайракты, появилось восемь землянок. Вокруг лежала ковыльная степь. Она серебрилась на солнце, как серебрится паутиной бабье лето.

На следующий год землянок прибавилось. Приехали новые люди. Тоже украинцы. Появились мазанки. Переселенцы были из трех губерний: Екатеринославской, Таврической и Харьковской.

Село назвали Беловодское, по имени одной из деревень, оставленных на Украине.

Теперь в Беловодском колхоз имени Чкалова. Колхоз крепкий, зажиточный. Одного зерна по шесть килограммов на трудодень получили колхозники в этом году. На краю села стоит хата Сергея Филимоновича Терещенко. Ему семьдесят пять лет. Он приехал сюда в первой восьмерке. Копал здесь первую землянку.

— Я да еще бабка Хавронья. Только двое нас и осталось из первой-то партии,— рассказывает он.— Ну, еще Баранник Алексей Федорович. Только тот хлопчиком приехал. Давно это было.

Каждую весну, как только начинает подтаивать снег, Сергей Филимонович берет лопату и начинает копать сток для воды от хаты к дороге. А так как снегу обычно наносит метра полтора — два, то получается не то щель, не то траншея. Копая, Сергей Филимонович вспоминает далекую Украину, где снегу и за семь зим не выпадает столько, сколько здесь за одну.

Вдруг на улице села стало шумно. Тут и там зазвучала живая украинская речь, перемешанная с русской. Сергей Филимонович оперся на лопату и смотрел вдоль села. А когда мимо него проходила шумная ватага ребят, он не выдержал и спросил у них:

— Откуда вы приехали, сынки?

— С Днепропетровщины, дедушка.

— С Днепропетровщины? Да вы никак земляки! Ну, заходите, заходите в хату, расскажите, как там у нас на Украине, какие дела и что нового. А не знаете ли вы деревни Чаплинки?

Так встретились люди двух непохожих судеб.

Сергей Филимонович привез с собой соху да горсть семян. Для нынешних молодых новоселов крупнейшие заводы страны день и ночь куют технику. Время не то, и размах не тот.

Первая трудность

...— А что, ребята,— говорили комсомольцы,— далеко заехали, а жить можно. Вот и в бане помылись. Мы трудностей не боимся, знали, на что идем. Мы и приехали с трудностями бороться!

Ребята не знали, однако, что к ним подкрадывается коварная, тише воды, ниже травы, трудность, которую они меньше всего ожидали. С ней они столкнулись на другой день по приезде в село Беловодское.

Техника в совхоз еще не пришла. Директор, не имея пока ни механика, ни бухгалтера, ни агронома, крутился, как белка в колесе. Больше всего времени он проводил в Атбасаре, где нужно то мчаться на разгрузочную площадку, получать трактора, то в трест совхозов, то в райпотребсоюз насчет сапог, одеял, коек, продуктов. Делая все это, он знал, что люди размещены в хатах колхозников, и был за них относительно спокоен. Утром колхозники накормили своих постояльцев завтраком, и новоселы группами стали появляться на улице. Но так как вокруг был не большой город, а всего несколько домов да голая степь, то гулять вскоре наскучило. Так люди, которые ехали сюда, охваченные порывом и жаждой немедленного труда, столкнулись с вынужденным бездельем, и это была первая по-настоящему серьезная трудность. К вечеру видели двух человек, которые, пробираясь в свою хату, изрядно покачивались и размахивали руками энергичнее, чем этого требовало содержание их беседы.

В поезде по принципу соседства успели сложиться небольшие коллективы. Теперь люди расселились в трех деревнях по два, по три человека в хате и были предоставлены каждый сам себе.

Надя Синенко поселилась в Беловодском в самой крайней хате к реке. Сколько песен перепето в дороге, сколько было смеху до слез! А теперь в небольшой хатке, из которой как только выйдешь, так сразу и очутишься в степи, Надя почувствовала себя одинокой, загрустила. Она взяла было на руки хозяйскую кошку и хотела ее погладить, но кошка вырвалась и убежала, оцарапав Наде руку.

Было Наде двадцать лет. Сначала она жила в деревне с отцом и матерью. А последние годы работала швеей на фабрике в городе Жданове. И ни разу, ни разу не приходило к ней чувство одиночества, а вот теперь пришло. Чтобы забыться, она стала шить себе платье: все работа. «Ехали дружно,— думала Надя,— как одна семья, а что получилось: расселились все врозь, забились в свои хаты, как сурки. Ребята выпивать начинают. Нехорошо получается». За этими мыслями и застала Надю весть о том, что в клубе в два часа дня состоится комсомольское собрание.

— Нам нужно избрать комитет, — объявил председательствующий.— Прошу называть кандидатуры.

Пройдут тракторы по широким, бескрайним, как море, казахстанским целинным землям, минет срок, и не узнаешь эту степь.

Фото Н. Драчинского.

— Ермоленко! — крикнул кто-то из москвичей.

— Игоря Седова!

— Синенко Надежду!

— Клочкову!

— Данильченко!

Председательствующий едва успевал записывать фамилии.

И вот первый комитет комсомольской организации совхоза Кайракты избран. В него вошли два слесаря, тракторист, швея, секретарь-машинистка, радист и шахтер. Секретарем комсомольской организации избрали Александра Ермоленко. Потом слово взял комсомолец Бутузов.

— Мы бездельничаем,— сказал он,— а между тем колхоз просит нашей помощи. Чем целый день торчать в клубе и гонять кием шарикоподшипники, лучше помочь колхозу. Есть у меня еще предложение: пока у нас нет производственных бригад, давайте для удобства и порядка выберем трех временных бригадиров: москвичи — своего, сталинцы — своего, а днепропетровцы — своего.

У Нади Синенко, которая вошла в комитет, от ее одиночества и следа не осталось.

Люди, приехавшие из разных городов и представлявшие собою десятки одиночек, объединились в организацию, стали действенной, боевой единицей. И попробуй теперь напейся кто-нибудь пьяным, товарищи живо поставят его на место! Появился коллектив.

Распашем!

Николай Максимович Мамонтов каждое утро, выходя из хаты, ждал, что пахнёт в лицо сырым упругим ветром. Но все тот же сухой воздух щипал нос при вдохе, и те же остекленевшие звезды смотрели на степь.

Людей постепенно оформляли в бригады, назначали на новые должности. Недавно демобилизовавшийся старшина роты Николай Кукуруза был назначен заведующим нефтебазой. Андрей Шулипа и Федосий Кизима стали бригадирами. Распределение людей по должностям было самым трудным делом для Николая Максимовича Мамонтова. Человек предъявляет свою трудовую книжку и справку с места работы. Но что можно узнать из нескольких официальных слов о его настоящих деловых качествах! А ведь ему придется доверять новый, «с иголочки», трактор. Да еще и не какой-нибудь, а «С-80»!

Вот сидит перед директором Алексей Никитич Нечаев, 1928 года рождения. Его направили на должность бригадира. Николай Максимович задает ему вопросы: долго ли работал трактористом, какие тракторы знает? Между делом экзаменует и по материальной части. Лицо у парня открытое, смотрит он смело, но без зазнайства.

— Сколько же земли обрабатывала ваша бригада?

— Четыреста восемьдесят.

— Так. Земли будет у вас в бригаде четыре тысячи гектаров, то есть в десять раз больше. Как, справитесь?

Парень думает некоторое время, а потом твердо отвечает:

— Справлюсь. Но хотел бы сначала поработать помощником бригадира.

«Молодец! — фиксирует про себя Мамонтов.— Из этого выйдет настоящий работник».

Трактористы Лунев и Просвирин просят, чтобы им разрешили работать вместе, на одном тракторе. Они слышали, что какой-то горе-тракторист уже испортил одну машину, так вот пусть ее закрепят за ними, и они дают слово проработать на ней весь сезон.

Но не со всеми так просто.

«Варака Евгений Алексеевич,— читает Мамонтов в документе,— тракторист из совхоза «Заря» Днепропетровского треста. Оформлен на работу 11 марта. Уволен 11 марта в связи с выездом на целинные земли. Черкашин Андрей Константинович, тракторист того же совхоза. Принят на работу 15 марта. Уволен 19-го».

Ничего не прочитаешь о человеке в коротких официальных документах.

Более трехсот человек начинают работать в совхозе. Более трехсот сложных задач нужно решить директору. И от решения этих многих задач будет зависеть общий результат: поднятая целина, колосящаяся пшеница, тяжелые наливные зерна.

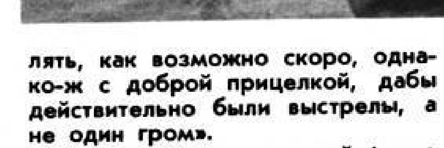
«Пахать начнем от сопки Кос-Карган вразлет в обе стороны, — решает Николай Максимович.— А сейчас нужно немедленно перегнать всю технику на другой берег реки, где начинается совхозная земля».

Бригадир Андрей Шулипа повел головной трактор. Рычаньем и грохотом наполнилась степь. Позади колонны оставалась широкая, развороченная гусеницами дорога. Ребята, те, что не сидели в кабинах тракторов, бежали следом, провожая машины в первый рейс.

Тракторы, казавшиеся такими большими рядом с мазанками, как-то померкли в степи. Если смотреть из Акимовки, они казались несколькими точками. Но именно они и перевернут вверх дном ту степь, среди которой выглядят такими маленькими.

— Распашем! — шепчет про себя Николай Максимович.— И будет море пшеницы, не меньше Черного моря.

День в Кронштадте

Двести пятьдесят лет каждый день в двенадцать часов стреляет пушка на набережной.

Оставляя позади пенящиеся волны, катер мчится по морским просторам навстречу острову. Дует свежий весенний ветер. Чайки стаями вьются над водой. Вдали показались форты. Все отчетливее вырисовывается строгий кронштадтский пейзаж.

Ранним утром катер входит в гавань и останавливается у стенки Петровской пристани. Дымятся трубы кораблей. В небо устремлен лес мачт, над пирсом словно повисли в воздухе стрелы кранов...

В парке лицом к морю стоит памятник Петру I.

По чертежам и моделям Петра на отмели острова Котлин в мае 1704 года был сооружен военно-морской форт — Кроншлот. Тогда же на Котлине установили четырнадцать артиллерийских батарей. Артиллеристам был дан приказ: «...Ядер даром не тратить... Стрелять, как возможно скоро, однако-ж с доброй прицелкой, дабы действительно были выстрелы, а не один гром».

Медленно поднимается флаг над крепостью.

На гранитной глыбе высится памятник выдающемуся русскому флотоводцу С. О. Макарову.

День вступления в строй форта Кроншлот стал датой рождения Кронштадта. С тех пор Кронштадт, как гранитный утес, возвышается на морских подступах к Ленинграду.

На пьедестале памятника Петру высечены знаменательные слова: «...Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело».

За четверть тысячелетия агрессоры не раз пытались посягнуть на Кронштадт и прорваться к городу на Неве. Но каждый раз враг был нещадно бит. Все морские сражения у Кронштадта неизменно заканчивались внушительной победой русского оружия.

На площадях, улицах, парках, набережных Кронштадта запечатлены русская морская слава, боевые и революционные традиции русского флота.

На Якорной площади стоит опоясанный цепями и якорями монументальный памятник командиру кронштадтского порта знаменитому адмиралу Степану Осиповичу Макарову. Огромная статуя водружена на гранитной глыбе, поднятой с морского дна.

Отсюда, из Кронштадта, уходили в далекое плавание на деревянных судах «Восток» и «Мирный» Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и Михаил Петрович Лазарев. Русские моряки под командованием Ивана Федоровича Крузенштерна и Юрия Федоровича Лисянского, выйдя из Кронштадтской гавани, успешно совершили кругосветное путешествие. Дважды на кораблях «Диана» и «Камчатка» отправлялся из Кронштадта в путешествие вокруг света офицер-мореплаватель Василий Михайлович Головнин.

На набережной воздвигнут памятник исследователю Новой Земли П. К. Пахтусову. На постаменте высечены три слова: «Польза. Отвага. Труд». И тут же неподалеку маленький двор, на котором перед деревянным домом стоит памятник великому ученому — изобретателю радио Александру Степановичу Попову, начинавшему свой научный подвиг в Кронштадте.

Первые в мире сухие доки, первый ледокол, якорная морская мина, воздушный компрессор для испытания якорей, первая торпеда, противоминный трал — даже беглый перечень открытий и изобретений, связанных с крепостью на Балтике, свидетельствует о преуспевании русской морской науки.

...Майское солнце коснулось верхушек деревьев, засеребрилось море. Главстаршина Василий Баланчук отдает приказание:

— Флаг на фалы!

— Есть! — отвечает старший матрос Николай Миренков.

— Поднять флаг! — приказывает Баланчук и берет под козырек.

Флаг, взвившийся над крепостью, виден с моря и суши; он служит как бы сигналом к началу обычного, будничного дня.

Жизнь в городе идет размеренным темпом. Время приближается к полудню. Старший матрос Григорий Ермаков, сняв с палубной пушки чехол, направляет ствол в голубое небо. Последний короткий сигнал точного времени, переданный из Москвы ровно в двенадцать, заглушается раскатистым орудийным гулом. Выстрел слышен на фортах и кораблях. И всюду по этому своеобразному сигналу начинается обед.

Двести пятьдесят лет в один и тот же час стреляет пушка на набережной Кронштадта.

Из поколения в поколение передаются боевые морские традиции. Бывшие балтийцы не порывают связи с флотом. Многие из них идут работать в доки, в цехи Морского завода. Михаил Григорьевич Ладанов начал с юнги. Тут же служил его дед Михаил Ефремович с двумя братьями. Один из них, Константин, погиб на «Петропавловске» вместе с адмиралом Макаровым. Отец Михаила Григорьевича — матрос броненосца «Полтава» — в бою с японцами был тяжело ранен. В общей сложности Ладановы отслужили на флоте почти столько же лет, сколько существует Кронштадт.

Михаил Григорьевич после службы на флоте работал на Морском заводе вместе с Мартыновым — председателем Кронштадтского совета. Вместе с ним он штурмовал Зимний, воевал на фронтах гражданской войны. Морскую форму надел и его сын комсомолец Олег. В годы Великой Отечественной войны пятидесятилетний Ладанов с заводскими рабочими уходит на фронт. Отец сражается на суше, сын — морской летчик — в воздухе. После войны Михаил Ладанов вновь вернулся на завод.

Многие улицы и доки Кронштадта носят имена славных кронштадтских коммунистов, отдавших жизнь за дело революции, имена боевых советских моряков, совершивших героические подвиги в дни Великой Отечественной войны. Десятки тысяч моряков Балтики были награждены в годы войны орденами и медалями Советского Союза.

Ныне, в связи с 250-летием основания, Кронштадтская военно-морская крепость награждена орденом Красного Знамени.

...Опускается на башне флаг. Загораются световые сигналы на маяках. То тут, то там вспыхивают лучи прожекторов. Но жизнь Кронштадта не замирает. Всматриваясь в морскую даль, зорко несут дозор часовые Балтики.

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. Ананьева.

Ветераны Балтики М. Г. Ладанов и Н. С. Игнатьев с заводской молодежью.

ТАЛАНТЫ ИЗ НАРОДА

«Не певец поет — душа поет»,— говорят в народе. Можно без конца удивляться тому, сколько талантов ежегодно рождается в нашей стране!

Не каждому посчастливится побывать на уральской и на саратовской «свадьбах» за один вечер. Такими счастливцами оказались москвичи-зрители, посетившие недавние концерты Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности. А после этого душевно и хорошо архангельские девушки пригласили их: «Приезжайте к нам на Север в гости». Растрогала всех «Уральская рябинушка» в исполнении солисток-колхозниц Люды Орловой и Вали Михайловой. Тувинский танец назывался «Звенящая нежность». Нежность действительно может быть звенящей — это доказали своим чудесным танцем Кыдаи и Монгуш, тувинские сельские учительницы. Но вот сцена опустела, и тогда вышел Николай Стариков, приехавший из Белгородской области, и начал свистеть. Самые тонкие оттенки классической и народной музыки можно передать свистом. Зрители сидели как завороженные.

Высокую хоровую культуру продемонстрировал мощный, удивительно слаженный сводный колхозный хор. И рядом с ним — небольшой, пленяющий свежестью и непосредственностью и в то же время артистичностью хор села Большая Соснова, Молотовской области. Уральцы пели созданную коллективно песню «Сосенка», мастерски исполняли хореографическую сценку «На гулянье»...

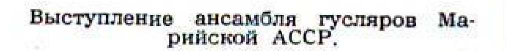
Настала очередь Алтая. Есть там трогательная народ-

«Уральская свадебная» в исполнении танцевального коллектива колхоза имени Тимирязева и Дома культуры Висимского района, Свердловской области.

Танцевальный коллектив Дома культуры Буйнакского района, Дагестанской АССР, исполняет дагестанский танец.

Выступление ансамбля гусляров Марийской АССР.

→

Люда Орлова и Валя Михайлова, солистки хора колхоза имени Калинина, Нижне-Салдинского района, Свердловской области, запевают «Уральскую рябинушку».

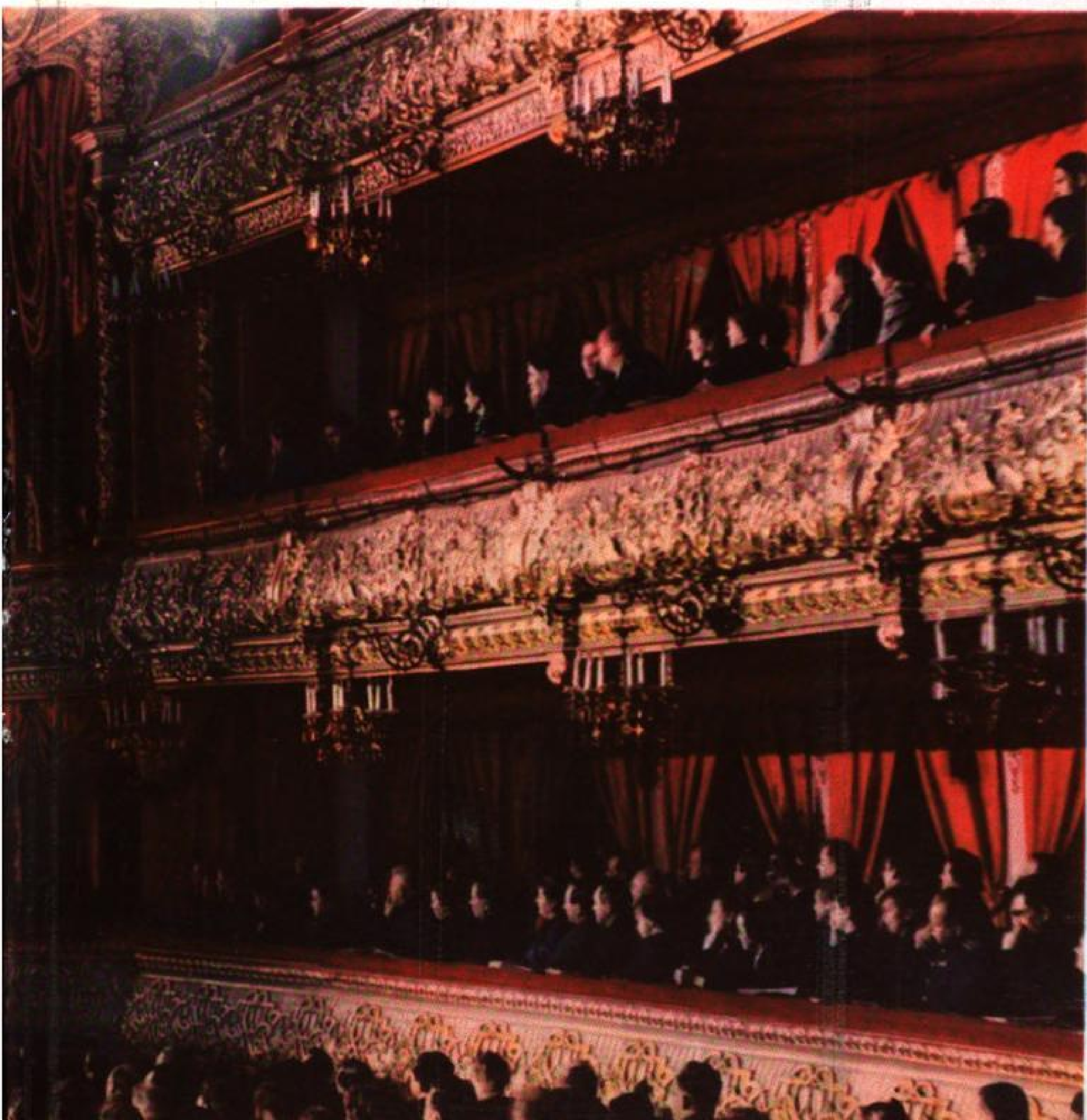
«Марш советских патриотов» В. Мурадели исполняет сводный хор уч

Хор села Большая Соснова, Молотовской области, исполняет песню «На гулянье».

астников заключительного концерта в Большом театре.

Е. Кыдаи и С. Монгуш из Тувинской автономной области исполняют танец «Звенящая нежность».

Выступает колхозник сельхозартели имени Молотова, Чаа-Хольского района, Тувинской автономной области, М. Дакпай.

«Танец охотников» исполняет танцевальный коллектив колхоза имени К. Маркса, Намского района, Якутской АССР.

ная песня «Милый друг». Надо прислушаться к ее мотиву: он чем-то напоминает горы, ветер, шум деревьев в горах. Эту нежную песню о милом исполнила Ангелина Табакова, приехавшая в Москву из Горно-Алтайской автономной области, Алтайского края.

На сцену вышли осетины. Свой «Мужской танец» они начали медленно. Потом танец все убыстрялся и убыстрялся, пока не превратился в вихрь, и зрители аплодировали плясунам в том же темпе. Ансамбль песни и пляски Закаменского аймака Бурят-Монгольской АССР танцевал по-другому: почти неслышно, мягко, удивительно плавно.

А потом зрители хохотали, настолько остроумными оказались частушки, привезенные хором колхоза «Заря коммунизма», Ленинградской области. Увлеченно танцевали девушки-башкирки из Учалинского и Давлекановского районов Башкирии, и задорно ходили вокруг девушек молодые башкиры в мохнатых шапках.

«Нас четыре, нас четыре, нас четыре, все мы здесь!» — радостно выводили вологодские девушки. С молодым задором пела одаренная певица Л. Марахотова из Подмосковья лирическую «У колодца». Грациозно исполняли «Зеленгинскую кадриль» астраханские колхозники. Якуты из колхоза имени Карла Маркса станцевали танец охотников; тувинец М. Дакпай выступил с «горловым пением». Затем появились танцоры из Ростовской области с темпераментным казачьим плясом, напоминающим отчаянную и лихую джигитовку всадников, и ансамбли дагестанцев и марийцев. Их танцы буквально очаровали своим непередаваемым колоритом.

Много было в этом смотре отличных, замечательных выступлений. Хорошая традиция у нашего народа — массовые смотры народных талантов!

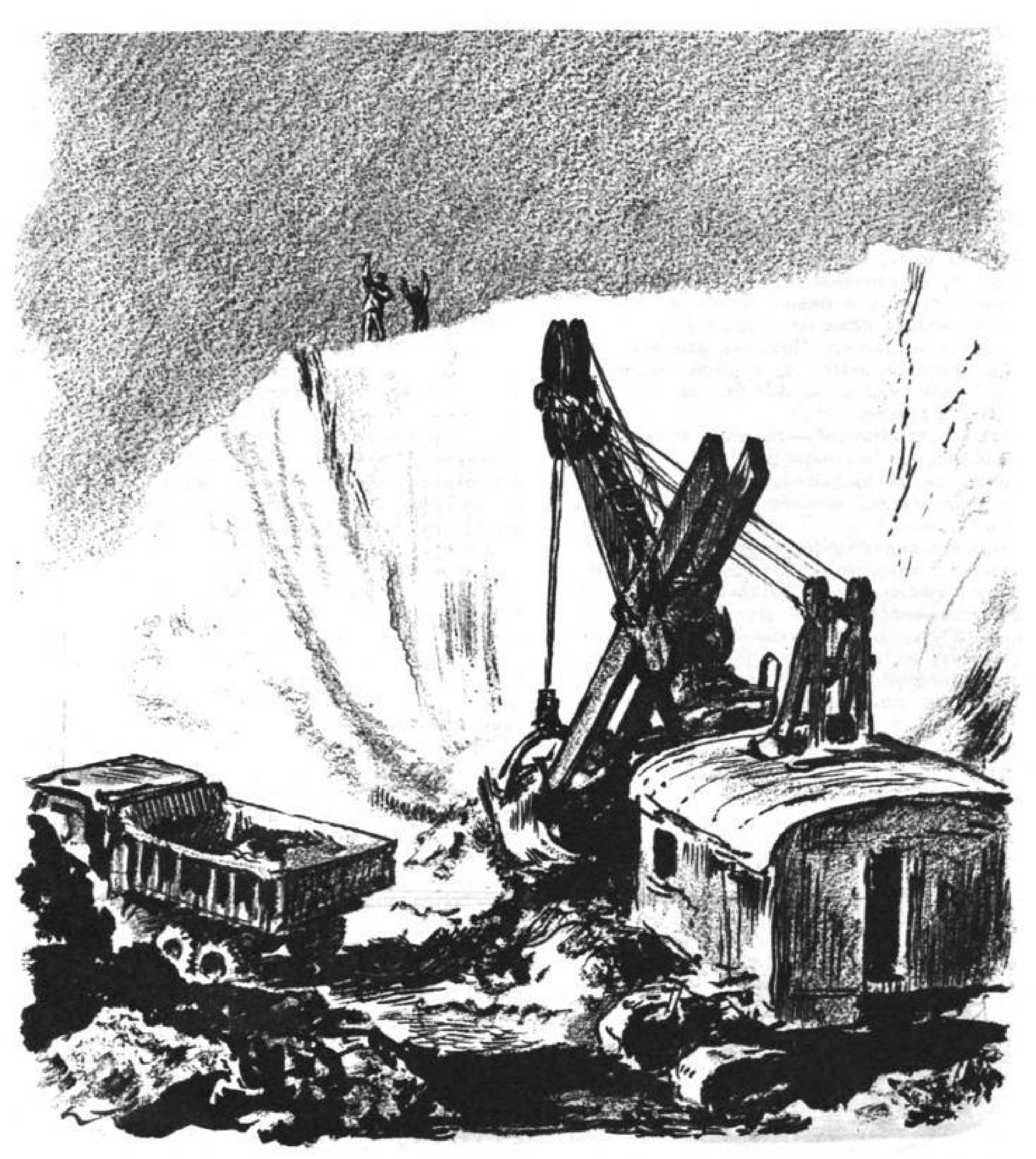
П. КРАВЧЕНКО

Фото И. ТУНКЕЛЯ и Е. УМНОВА.

«Колхозная пляска» в исполнении сводного танцевального коллектива Учалинского и Давлекановского районов, Башкирской АССР.

Казачий пляс в исполнении танцевального коллектива Азовского и Сальского районов, Ростовской области.

Рисунки В. Высоцкого.

УЛЫБКА ДРУГА

Рассказ

Борис ПОЛЕВОЙ

Анне Зегерс с глубоким уважением к ее проницательному таланту.

В день, когда в газетах мелькнули сообщения, что в так называемой Казачьей балке, у великой русской реки, начато рытье котлована под плотину гидроэлектростанции, в северный забой, где работал на своем «Уральце» Виктор Волнухин, неожиданно нагрянули два незнакомых ему человека.

Настоящая работа здесь еще только налаживалась. Введя машину в забой, экскаваторщик все эти дни старался установить творческий контакт с водителями автоколонны, чтобы с их помощью организовать, как он любил выражаться, «поточную погрузку». И все не удавалось. Водители были новые. Самосвалы подходили то сразу целой очередью, то надолго пропадали, и, чтобы не простаивать попусту, Волнухин рыхлил ковшом сухую, красноватую, слежавшуюся пластами землю или ровнял откосы забоя, обчесывая их зубьями ковша.

Поиски контакта с водителями отняли немало энергии, сил и — что там греха таить! — голоса. И вот под вечер, когда экскаватор, неторопливо размахивая стрелой, как бы уже начал срастаться с движущейся к нему вереницей огромных машин, а Виктор Волнухин снова почувствовал столь знакомую ему радость спорой, хорошо организованной работы, — вдруг откуда ни возьмись появились эти двое, и все полетело к чертям.

Они пришли, должно быть, не по дороге, а прямо через степь. Оба с ног до головы в пыли, с черными лицами, на которых сверкали только глаза да зубы. Они возникли на гребне откоса, что-то отчаянно крича и делая руками какие-то знаки. Отнеся в кузов очередного самосвала стальную пригоршню в три кубометра грунта, Виктор Волнухин остановил машину и, высунувшись в окно кабины, сердито крикнул:

— Ну, что там такое?

Он не расслышал, что именно ответили двое незнакомцев, но ему показалось, что он различает слова: «стой», «нельзя», «опасно», — словом, нечто запрещающее продолжать работу.

Следующий самосвал уже стоял под стрелой, ожидая свои десять тонн грунта. Еще несколько машин, тихо переваливаясь, осторожно спускались в балку по извилистому, еще не утрамбованному скату. Пыль, поднятая колесами, розовым облаком золотела в лучах заката. Экскаватор стоял, подняв стрелу, точно бы грозясь кому-то огромным кулаком. Моторы его напряженно пели, работая вхолостую.

— Чего вы! Какого дьявола?! — крикнул Волнухин, чувствуя такой прилив злости, что пальцы у него похолодели и задрожали углы губ.

Самосвалы надвигались один на другой и уже выстроились на спуске длинной очередью. Ритм их движения, радостное чувство быстроты и слаженности — все это было скомкано.

Двое незнакомцев уже обошли обрыв и, усталые, запыхавшиеся, торопливо размахивая руками, спешили к экскаватору, что-то громко и возбужденно рассказывая шоферам, повыскакивавшим из машин. Волнухин тоже спустился на землю.

— В чем дело?

— Останавливайте машину, здесь копать нельзя! — сказал тот, что был повыше, с пустым рукавом, заправленным в карман пиджака.

— Слава те осподи, поспели! А я как прочел в перерыв, что начали копать в Казачьей балке, так и бросился к нему, к Вадим Михалычу. Давайте, говорю, с работы отпросимся и бежим на Казачью. И всю дорогу думали, не опоздать бы,— словоохотливо пояснил низенький, совсем пожилой, усатый.

Кепку он держал в руках и все время старался стереть пот с лысоватого большелобого черепа, но только размазывал по голове черную грязь. Пыль покрывала его с ног до головы, и носовой платок его уже сделался не чище концов, что употребляют для обтирки машины.

— Да откуда вы сорвались? Почему тут нельзя копать? — крикнул Виктор Волнухин, хватая низенького собеседника за гимнастерку и основательно его встряхивая.

Но тот и сам был не из слабых. Он взял Волнухина за кисти рук и так сжал, что тот сразу угомонился.

— Не тряси: я не груша. А копать нельзя потому, что там,— он топнул кирзовым сапогом по сухой, слежавшейся земле, — там смерть. Понятно это тебе?

— Там, как раз примерно в этом месте, невзорвавшаяся немецкая торпеда,—спокойно пояснил безрукий.— Стоит ее задеть ковшом, и, наверное,— он, должно быть, привыкший все подсчитывать, прикинул на глаз простор забоя,— наверное, вон до той верхней машины все снесет...

— Откуда это известно про торпеду? — мрачно спросил Волнухин, взглядывая на незнакомцев с тайной надеждой, что все это, может быть, глупая шутка, что торпеду они придумали и что можно будет до того, как зажгут прожекторы, хотя бы кое-как восстановить погрузочный поток.

— Осподи! Как же нам не известно, когда мы с Вадим Михалычем, да что мы, целый полк наш видел, как он ее тут бросил. Не взорвалась. В землю ушла. Вот такую, — он широко взмахнул руками,— да нет, рук не хватит, шире, нору после себя оставила. Мы на тот берег воевать ушли, а она, торпеда, и сейчас сидит, вас караулит.

— Это точно. Заряд в торпеде огромный. Одна такая на окраине разорвалась, чуть не целый квартал, как бритвой, срезало,— подтвердил безрукий.

— И наш бы полк пришлось навалом на машины грузить, как бы она, холера, ахнула. Мы вот в этой балке перед переправой, как огурцы в кадке, сжались, а она не разорвалась, вас подождать решила. Я как прочел давеча в газете, что вы тут ковыряться начали, аж волос на голове зашевелился, даром что я уж вот лет десять, как лысый... Да вы что, может, в нас сомневаетесь? Вот документ, глядите. Я вахтер с того вон завода, видите, что на той стороне небо коптит. А это инженер наш,

конструктор, Вадим Михалыч Чижов... Бывшие здешние солдаты-гвардейцы.

Огромный завод действительно дымил вдали за рекой, окрашивая блеклое степное небо в грязноватые тона. Документы у незнакомцев оказались в порядке. Посоветовавшись со сменным прорабом, Волнухин скрепя сердце остановил моторы. Незнакомцев отвезли на огромном десятитонном самосвале в социалистический городок, что рос, опережая стройку. Там их свели в управление, в тот его отдел, что занимался специально расчисткой фронта будущих работ.

Да, на этой стройке был такой отдел, и в задачу его входило очищать от мин, неразорвавшихся снарядов, авиабомб, как говорили здесь, «рабочие площадки». Тут, где сейчас подымалось одно из самых больших строительств нашего времени, когда-то происходило великое сражение. Вся эта земля была густо начинена металлом, и людям, работавшим здесь по расчистке под началом опытного сапера инженер-полковника Соколова, дела было по горло.

Полковник Соколов, высокий и не старый еще человек, несколько оплывший и тучноватый, как это часто бывает с военными, очутившимися после многих лет беспокойной боевой жизни в мирных условиях, с живейшим интересом выслушал рассказ о торпеде. Он сейчас же развернул на полу военную карту-километровку, сплошь исчерченную разноцветными знаками, отыскал на ней круто изогнутое колено Казачьей балки, мысок под обрывистым берегом, где был забой Волнухина, и, ткнув в него кончик карандаша, спросил:

— Здесь?

Инженер, вахтер, а вслед за ними и Волнухин, который как лицо, кровно заинтересованное, тоже был здесь,— все трое бывалые солдаты,— скользнув по карте опытным глазом, подтвердили:

— Да, тут...

Полковник поставил на карте красный вопросительный знак и попросил рассказать во всех подробностях, как было сброшено то, что товарищи называли торпедой: день, час, марку самолета, примерную высоту выброса; поинтересовался даже тем, как снаряд шел: отвесно или под углом, слышался ли при этом свист и какого тона. Слушая, полковник грузно шагал по комнате взад и вперед, хрустел суставами пальцев, точно бы позабыв, что он не один, склонялся над картой, напевая или насвистывая, и сразу же выпускал следующую очередь вопросов: как глубоко ушла торпеда, не пытался ли кто-нибудь измерить глубину, какой формы была яма, края ее, крепок ли был грунт.

Еще не погасла над степью вечерняя заря, как полковнику позвонили со стройки и известили, что его люди, посланные к месту происшествия с приборами, установили наличие большой металлической массы, лежащей в центре волнухинского забоя на довольно большой глубине. Полковник приказал огородить это место канатом, выставить часового и вызвал туда к утру взвод с шанцевым инструментом.

Работа, повидимому, предстояла сложная и очень опасная. Полковник сам решил руководить раскопкой и извлечением снаряда. Для этого нужны были спокойные нервы и ясная голова. Следовательно, необходимо выспаться. Как это он делал каждый вечер с фронтовых дней, полковник обтерся на ночь холодной водой, распахнул настежь оба окна, улегся в постель, натянул одеяло. Но что-то говорило ему, что весь этот ритуал сегодня напрасен, что заснуть ему не удастся. Торпеда не выходила у него из головы.

Рассказ свидетелей совпадал даже в деталях. Предварительное обследование места подтверждало правдивость сказанного. Но во всей этой истории что-то шло вразрез с инженерными познаниями и как бы опровергало весь поистине огромный опыт полковника.

— Нет, черт возьми, все это не так просто! — сказал вслух полковник и сел на кровати, снова и снова взвешивая все данные.

Судя по тому, как глубоко ушел снаряд в сухую, с трудом поддающуюся даже могучему ковшу экскаватора землю, он был, вероятно, самого большого калибра. Чуткие приборы с трудом определили сквозь слой земли его местонахождение. Это не могла быть обычная бомба в тонну весом, из тех, какие, не скупясь, бросали фашистские самолеты на город, стараясь сломить или хотя бы ослабить боевой дух его защитников. Такие бомбы обычно бросались с большой высоты, и летели они отвесно, а не полого, как вспоминали очевидцы об этом случае. Не могло это быть и реактивным снарядом, из тех, что Гитлер бросал на Англию. Те летели от собственного двигателя, а этот был принесен самолетом. Может быть, действительно морская мина, какие предназначаются для линкоров? Но такая мина оснащена очень чутким взрывателем, работающим даже от удара в воду. И это очень дорогой снаряд. Поэтому все его механизмы изготовляются с особой тщательностью. Такой снаряд не мог бы, не взорвавшись, уйти в землю.

— Что же это такое? — говорил вслух полковник, маясь от бессонницы.

Наконец он не выдержал, встал, набросил на плечи китель и, шлепая босыми ногами, подошел к окну. Отсюда, с четвертого этажа, была хорошо видна широкая панорама работ, намеченная в темноте пунктиром беспорядочных электрических огней. Дальше огромный город вытягивался вдоль реки, мерцая, как Млечный Путь, опрокинувшийся на землю. В эту минуту на одном из заводов выдавали стальную плавку. Багровое зарево, точно бы тяжело дыша, покачивалось над цехами, купалось в черной воде реки и подсвечивало облака трепетным мерцанием.

И полковнику вдруг живо припомнилось, как такие вот зарева стояли когда-то над всем тем берегом; как на их фоне обломки домов глядели во тьму золотеющими провалами пустых окон; вспомнилось, как грохоты выстрелов и разрывов сливались в неумолчный гул, так, что порой начинало казаться, будто где-то под землей работает гигантская машина, и как ему, уже немолодому воину, становилось страшно, когда в городе неожиданно наступала тишина.

И вдруг давно уже забытое чувство глухой лютой ненависти к тем, кто прорвался сюда, в центр России, кто калечил и жег этот славный город, кто оставил в земле эту занозу войны, которая сейчас вот, столько лет спустя, чуть не наделала беды, проснулось в старом солдате.

Чтобы не видеть красного зарева, все еще мерцавшего на небе, полковник задернул штору и опять наклонился над рабочей картой, на которой отмечал все найденное в земле его саперами. Он едва дождался рассвета и на первом попутном грузовике устремился в степь, на Казачью балку.

Люди его были уже на месте, они завтракали, стуча ложками о котелки. Вокруг обтянутого канатом квадрата земли часовой уже протоптал за ночь дорожку. Возле самой этой дорожки Волнухин, присев на корточки, нервно курил папиросу.

— Товарищ полковник, ну что они тут столовку открыли? Копать же надо, время уходит! — сказал он и зло бросил в сторону недокуренную папиросу.

Приняв все меры предосторожности, полковник нарисовал на земле линию разреза. Начались раскопки. Вскоре одна из лопат звякнула обо что-то твердое. Подняв людей наверх, полковник сам спустился в яму и осторожно, руками отгреб разворошенный лопатами грунт. Тревога оказалась напрасной. Это был всего только камень. Часам к десяти снова раздался резкий стук одной из лопат. На этот раз, так же осторожно отгребая землю, обнаружили ржавый край металлического корпуса. Тогда снова все были подняты наверх.

Как бывало на фронте, полковник на это опасное дело вызвал охотников. Их оказалось немало, и он отобрал двух усатых саперов-сверхсрочников из бывших своих товарищей по фронту. Всем было приказано отойти от ямы в сторону под прикрытие откосов. Двое отобранных и сам полковник осторожно опустились в разрез и, ловко действуя лопатами, стали окапывать снаряд.

В полдень полковник выбрался из ямы и приказал подвести к ней прибывшую по вызову автомашину с подъемным краном. Кран опустил в яму крюк. Цилиндр снаряда был охвачен тросом, осторожно вывешен и поднят. Потом машина, взвыв мотором, начала пятиться. Огромный, в два человеческих роста, снаряд, медленно покачивающийся на тросах, издали походил на сигару с откушенным концом. Все с любопытством издали смотрели на него.

Теперь все заключалось в том, чтобы с предельной осторожностью отвезти этот снаряд подальше в степь, на безопасную дистанцию. Боясь, как бы шофер от страха не сделал глупость, полковник открыл дверцу кабины, с подчеркнутой тщательностью вытер о подножку сапоги и неторопливо уселся в кабине. Стальная сигара медленно раскачивалась взад и вперед. Ржавчина на ее боках рыжела по мере высыхания.

— Ничего боровка откопали! — пошутил полковник.

Шофер не ответил. Лицо у него приняло землистый оттенок, крупные капли пота сбегали по нему, но машину он вел как надо.

Машина медленно выбралась из котлована на дорогу, потом свернула с проторенной колеи, вышла в степь. Когда гребень откоса закрыл забой, полковник остановил машину и приказал опустить снаряд на землю. Тот уже высох и был теперь огненно рыж. Машина ушла. Люди, как это не мог не заметить полковник, не без облегчения убежали за инструментами. Соколов присел на сухую, седоватую траву. Вдруг кто-то, будто продолжая давно начатую беседу, спросил у него над самым ухом:

— Почему же она, холера, не взорвалась?

Возле стоял экскаваторщик Волнухин, вытирая концами масло со своих рук и, как казалось, весь поглощенный этим занятием. И оттого, что человек этот, которого снаряд чуть не погубил, мучился тем же вопросом, полковник вдруг почувствовал, что по всему телу его прошел хорошо ему знакомый покалывающий холодок, какой он ощущал на войне, выползая со своими саперами ночью на вражеское минное поле. И он просто ответил:

— Выясним. Я эту штуку буду сам разбирать. — Произнеся это, он сразу почувствовал облегчение. — Уйдите-ка вы отсюда подобру-поздорову. Вам-то к чему рисковать?

Когда экскаваторщик скрылся за гребнем откоса, Соколов спокойно осмотрел находку. За годы пребывания в земле корпус снаряда покрыл толстый слой ржавчины. Ржавчина шла уже слоями и скрывала все следы сочленений, по которым опытный глаз мог бы разгадать

конструкцию. Трудно было даже установить такие легко понятные для опытного человека данные, как система взрывателя, линии свинчивания, расположение второго, запасного взрывателя, так называемого ликвидатора, которым фашисты обычно снабжали все свои ценные снаряды на тот случай, если бы они стали трофеем противника и тот попытался бы их разобрать.

Логика подсказывала, что самое правильное — взорвать находку, как это чаще всего делалось с морскими минами, выуженными тральщиками или выброшенными прибоем на побережье. Но на этот раз полковник действовал вопреки логике. Когда подъехала походная мастерская, он, расширив зону оцепления, остался один на один со своей страшной загадкой.

Он знал, на что идет, но, как и все много воевавшие люди, не думал о смерти. Только обычный ветрено-степной денек казался ему особенно милым, ярким, запах подсыхающей полыни и чебреца был особенно вкусен, а ветерок, дувший с реки, казался необыкновенно ласковым, и, как в детстве, этому пожилому, грузному человеку хотелось глубже вдыхать этот воздух, жмуриться, подставляя солнцу лицо, смотреть на искрящуюся реку, на зеленый остров, на зыбящийся в мареве горизонт.

Но, подавив в себе все эти желания, полковник снял китель, засучил рукава, потом облил стальной корпус снаряда керосином, взял тряпки и точными движениями принялся соскабливать ржавчину. Это было нелегким, хотя и чисто механическим делом. Мысль об опасности ушла. Он спокойно думал, что вот бывает же в жизни: война давно кончилась, обвалились в балках старые блиндажи, заросли окопы, фронтовики ушли с головой в обычные дела, а вот ему, полковнику Соколову, которому, по сути дела, пора бы уже в отставку, все еще приходится воевать, разыскивать по степным балкам притаившуюся там смерть. Потом подумал он о тех неразорвавшихся снарядах, минах, бомбах, которые извлекли за эти годы его саперы.

В некоторых из этих снарядов его саперы вместо взрывчатого вещества обнаруживали песок, шлак или черную формовочную землю, какую употребляют в литейных. Саперы любили такие находки. Они звали их «улыбка друга» и сохраняли в особом чуланчике, мечтая даже когда-нибудь передать в военный музей.

Все эти «улыбки» изготовлялись, как это легко было установить по клейму, на заводах Чехословакии, Польши, Франции, Бельгии. А почему не разорвалось вот это чудище? Вот на боку четко выбит распластанный орел, вцепившийся в свастику, и маленький якорек — клеймо известного гитлеровского морского арсенала, с продукцией которого саперам не раз уже доводилось встречаться, когда они расчищали русло реки. На такое предприятие гитлеровцы не допускали невольников из других стран. На сборке, на контроле этих огромных, может быть, даже уникальных снарядов, несомненно, работали только тщательно отобранные, проверенные, через самое мелкое сито пропущенные люди.

Теперь, когда снаряд был очищен от ржавчины, полковник еще раз внимательно осмотрел его отливающую синевой поверхность, стараясь по рисунку сочленений угадать конструкцию. Снаряд не походил ни на один из тех, с какими его саперам приходилось иметь дело до сих пор. Необычным, вероятно, был и ликвидатор, которым он должен был быть обязательно снабжен. Как он мог действовать? В каком месте ожидала опасность того, кто приступит к разборке? Ничего этого угадать было нельзя. Можно было лишь предположить, что ликвидатор связан с основным взрывателем, и поэтому разряжать снаряд обычным путем нельзя.

Полковник решил распилить корпус посередине. Это, конечно, было тоже опасно, но все же не так. Приняв решение, он рискнул привлечь для работы двух саперов, и снова два сверхсрочника вызвались охотниками. Пилили они до самого заката, пилили ночью, когда уже стемнело, отдыхали, выкуривали по папироске, закусывали из котелка и снова пилили. Полковник был рядом. Он лежал на земле, покусывая травинку, и неотрывно следил за движением пилы, за тонкой струйкой серебристых опилок, падавших в сухую полынь то с одной, то с другой стороны.

И, как в былые военные дни, в пору жаркого боя, три старых солдата трудились, позабыв о времени, не слыша ничего, кроме скрежета стали под мелкими зубьями. Уже под утро полковник отбросил травинку и поднял руку.

— Стойте, — сказал он с неестественным спокойствием.

И с таким же неестественным спокойствием саперы разогнули спины и отерли ладонями вспотевшие лбы.

Надрез обогнул уже почти весь корпус, и концы его готовы были уже сомкнуться. Полковник приказал саперам поддерживать обе половинки, чтобы они не раскатились и не потревожили взрывчатку, и сам взял пилу за еще теплые рукоятки. Вот сейчас может произойти взрыв. Страшный взрыв, который встряхнет всю окрестность до самого горизонта, уже розовеющего на востоке. Впрочем, они этого взрыва не услышат. Потверже перехватив рукоятки, он сделал надрез, еще надрез... Сквозь скрип металла слышалось тяжелое, хрипловатое дыхание троих людей.

Где-то далеко, должно быть, в поселке строителей, чуть слышно пиликала гармонь, совсем вдали хрипловато, точно бы спросонья, перекликались сирены пароходов. Из соседней балки, где при свете прожекторов продолжались работы, доносился то металлический скрежет ковша, то грохот экскаваторной стрелы, то звук падения земли в кузов самосвала. Да еще кузнечики неистово трещали кругом, точно бы совершенно охмелев от терпких запахов степи, увлажненной предутренним туманом.

Чувствуя, что руки у него немеют, полковник, преодолевая растущее оцепенение, все решительнее и решительнее водит пилой. Вот части стального корпуса, точно ожив, вздрагивают. Из трех грудей разом вырывается: «Ах!»

Но ничего страшного не произошло. Теперь нужно осторожно разнять две половинки. На это уходит еще сколько-то времени. Сколько, ни полковник, ни саперы не знают. Время для них не то остановилось, не то бежит с невероятной быстротой.

Нет, и при этом снаряд не взорвался. Его страшная разрушающая сила изолирована. Открыт доступ к секретам механизмов. Когда над степью разгорается оранжевая заря, разобранные механизмы уже лежат на брезентовых полотнищах.

Почему же снаряд не взорвался? Взрыватель не очень сложен. Конструкция в общих чертах известна и не нова. Но это тонкий механизм, который действительно должен был сработать даже при ударе об воду. В чем же дело?

Полковник достает мерительный инструмент. Ноздри у него раздуваются, как у охотника, который, вскинув ружье, взял на прицел дичь. Может быть, вот эта деталь коротковата или длинна та, с которой она сопряжена? Может быть, ошибка в сборке? Нет, все точно. Замечательная точность. Так в чем же, черт возьми, дело?!

— Товарищ полковник! Отдохнули бы, — советует один из саперов, а сам с той же жадностью перебирает, примеривает, складывает детали.

— Да, поспать бы в самую пору, экую страсть пережили! У меня вон сейчас руки, ноги трясутся, будто кости из них повынимали, — говорит другой и тоже шарит, шарит в деталях.

Нет, друзья, он не уйдет отсюда, пока не найдет разгадки. И полковник снова, в который уже раз продолжает тщательно рассматривать каждую мелочь распотрошенного снаряда.

Вдруг он слышит взволнованный голос:

— Товарищ полковник, глядите-ка, — один из саперов протягивает ему кусочек жесткой бумаги размером с половинку игральной карты, испачканный в ржавчине и вазелине.

Полковник, весь поглощенный созерцанием деталей, неохотно отрывает от них взгляд. Ничего особенного, обычная картонка. Подсунули, наверное, чтобы что-нибудь не болталось. Так и есть. Кусок какого-то технического талона. И напечатано на нем что-то по-немецки.

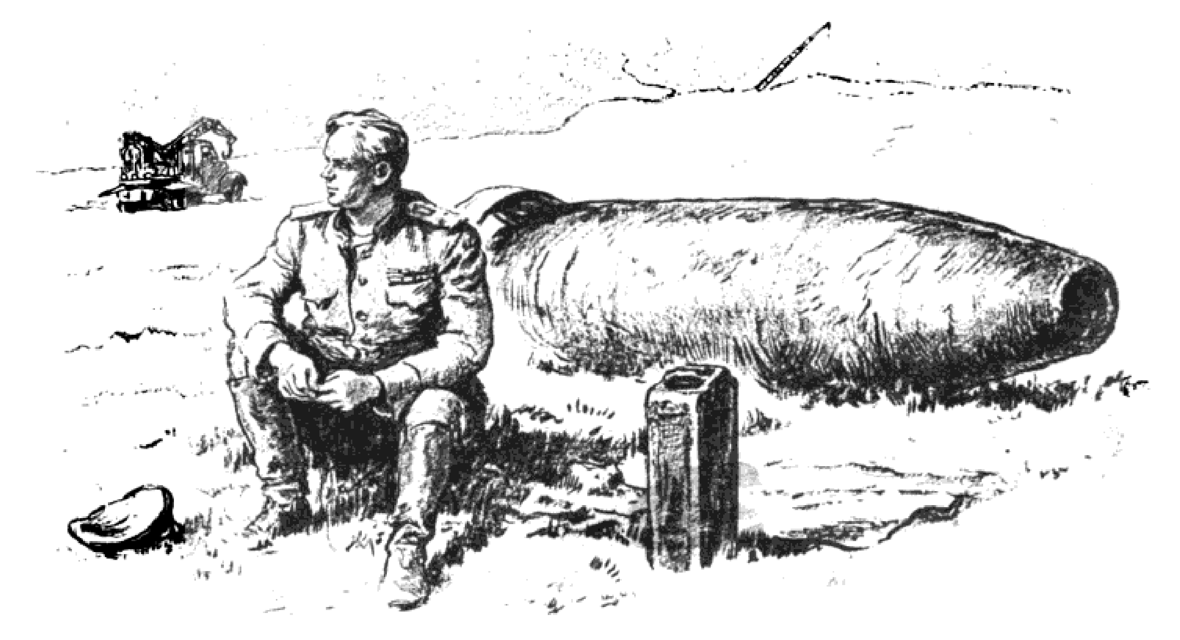
— Нет, нет, не с этой стороны. Глядите на обратную. Там что-то от руки написано, — говорит сапер.

Полковник поворачивает картонку и видит надпись синим карандашом. Она сделана, должно быть, второпях, не очень четко, но все же можно прочесть.

— «Нихт дас ганце дойче фольк ист наци», — читает вслух полковник.

— «Улыбка друга»? — чуть ли не в один голос спрашивают оба сапера.

Полковник только кивает головой и прячет кусок картона в книжечку удостоверения личности. Голод и слабость так дружно атакуют его, что он, волоча ноги и пошатываясь, медленно бредет к косогору. Там ждут его товарищи, и среди них он видит экскаваторщика Волнухина, безрукого инженера и маленького вахтера.

— Ну что, что там? — слышится со всех сторон.

Полковник неторопливо достает удостоверение, извлекает кусочек картона и переводит надпись на русский:

— Не все немцы — фашисты... Там, в снаряде, нашли.

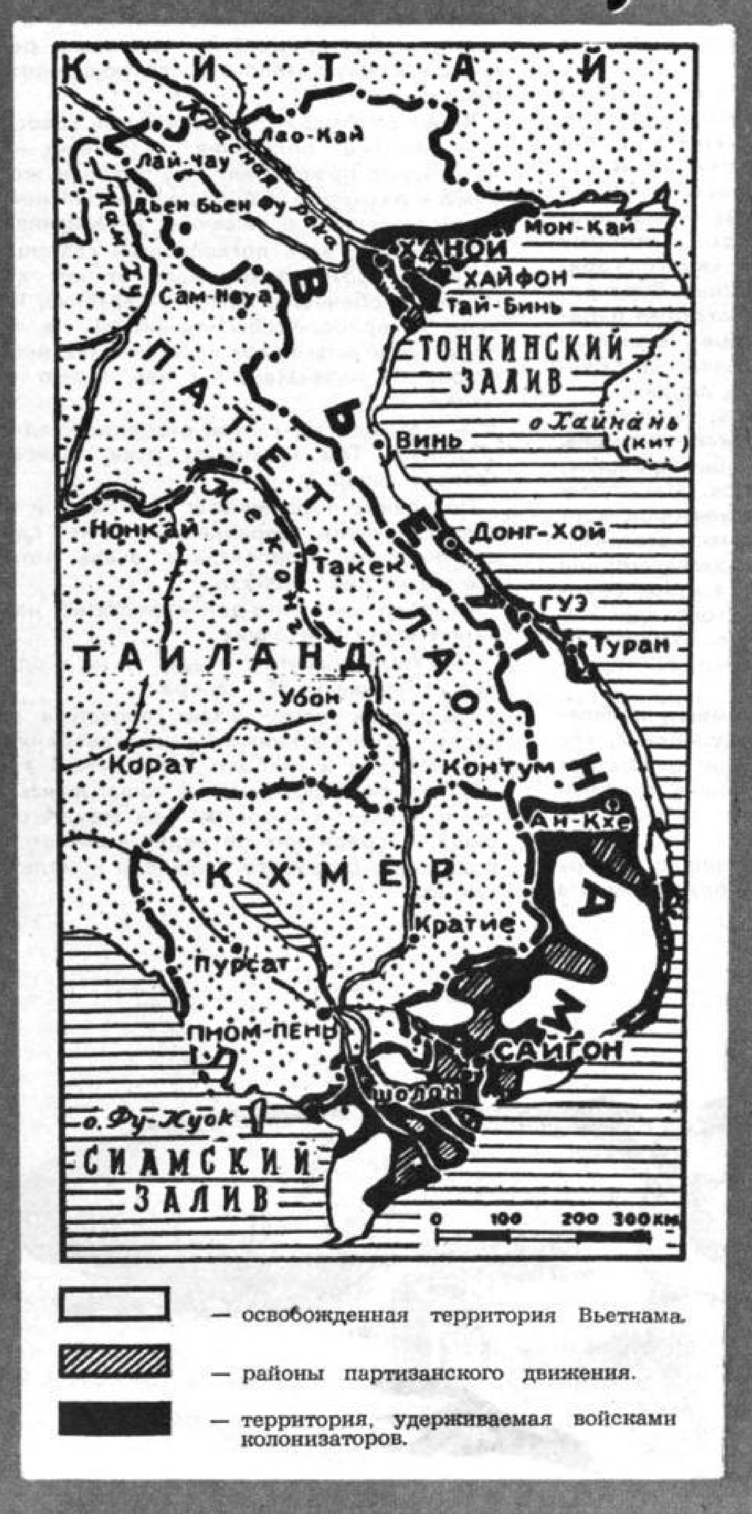
— Но как они сделали, что он не взорвался? — спрашивает кто-то.

— Об этом можно только строить догадки.

Кусок технической карты переходит из рук в руки. Его передают бережно и смотрят на него подолгу, хотя никто не читает по-немецки. Полковник тем временем надевает китель и поражается, как он ему стал широк. Щеголеватый, сшитый по мерке, он теперь обвисает складками, ворот точно хомут, и похудевшая шея свободно болтается в нем.

И только тут Соколов начинает понимать, какую цену заплатил он за разгадку тайны, за этот маленький кусочек картона. Но он не жалеет об этом.

3000 километров по Вьетнаму

Войцех **ЖУКРОВСКИЙ**

Рисунки и фото Александра **КОБЗДЭЯ.**

Госпиталь в джунглях

Стремительный ручей мчится по оврагу к реке. Мостик сделан из звена железнодорожной узкоколейки, поперек наброcаны куски бамбука. Они ничем не связаны, разъезжаются под ногами. Вьетнамцы идут босиком, не обращая внимания на полуметровые провалы в настиле. Они смеются над нами, когда мы размахиваем руками, стараясь сохранить равновесие, и шутливо говорят, что нам надо поступить в школу танцев...

На противоположном берегу мы видим оплетенные зеленью, закопченные стены сожженных домов: здесь падали американские напалмовые бомбы. Хижины перенесены поближе к краю джунглей, разбросаны у подножия гор. Начинается восхождение через заросли высокой, в два человеческих роста травы. Тропинка идет круто, чуть ли не отвесно. Запыхавшиеся, обливаясь потом, мы вскарабкиваемся на вершину горы. Под нами зелень садов и блестящая, похожая на брошенный в поле серп река.

Идем по гребню холмистого взгорья. От выветривающихся скал, кое-где раздираемых корнями деревьев, несет подвальным холодом.

Проходит час, другой утомительной, напряженной ходьбы.

— Ну, мы на месте! — вдруг говорит наша переводчица Фан Тхи Анн; легкий румянец выступил на ее смуглых щеках, маленькие капельки пота показались над верхней губой.— Вот уже навстречу нам выходят врачи!..

Если бы не белые халаты появившихся вдали людей, трудно было бы заметить спрятавшиеся в лесу, крытые молодым бамбуком бараки.

Мы проходим в контору. Там нас встречает начальник госпиталя Ло Динх Кви и сразу окружают молодые студенты-вьетнамцы.

— Госпиталь находится здесь уже пятый год,— начал свой рассказ Ло Динх Кви.— Во время первых боев с экспедиционным корпусом нам пришлось вывезти госпитали в джунгли. Мы взяли с собой все оборудование. Часть аппаратуры, разумеется, не нашла применения в такой примитивной обстановке. Самыми тяжелыми годами явились для нас сорок седьмой и сорок восьмой: не хватало медикаментов, обезболивающих средств. Нужно было не только лечить, но и учить. Пропагандировать самые элементарные вещи из области гигиены.

— Нам пришлось даже складывать песни и стихи, чтобы легче научить людей основам антисептики! — засмеялся молодой студент.— Ставили спектакли, рисовали плакаты... Много сделано! Достаточно сказать, что до конца 1952 года мы подготовили более двух тысяч санитарок и квалифицированных акушерок, приучили население к борьбе с заразными болезнями. Со дня революции у нас наблюдалось только две вспышки тифа, но и те были своевременно ликвидированы. А в прошлом, при режиме французских колонизаторов, во Вьетнаме каждый год свирепствовали эпидемии...

Мы вышли из-под навеса. На склоне горы виднелись хижины. Мы прошли к ним по тропинке под свисающими отовсюду ползучими яркозелеными растениями. В одном из бараков разговорились с раненым бойцом, у которого была ампутирована рука. Он рассказал:

— Вы спрашиваете, как я ранен? Нет, не бомбой,— он усмехнулся,— та бы иначе задела... Это во время стычки с танками, на шоссе Ханой — Хоа Бинь. Мы устроили засаду. Сидели на рисовом поле по горло в воде. Когда проходило неприятельское сторожевое охранение или патрули, мы ныряли с головой: каждый из нас дышал через бамбуковую трубку, чуть выступающую из воды... Была ночь, шел крупный дождь. Вместо транспорта противника, которого мы ожидали, появилась танковая колонна. Мы напали на нее — воспользовались тем, что она шла беспорядочно. Стрелять нам было нельзя: можно попасть в своих. А тут еще начался ливень — сущий потоп... Тогда мы стали прыгать на танки и прикладами автоматов разбивать их фары. «Ослепшие» машины наезжали одна на другую, сталкивались, сваливались с дороги и увязали на рисовом поле, наполненном водой. Она вливалась внутрь, гасила моторы. Экипажи пытались спастись через верхние люки, но тот, кто высовывал нос из-под стального щитка, попадал под наши ножи... Так мы уничтожили пять танков. Остальные кое-как отступили и открыли по нашему отряду шквальный огонь из пулеметов и орудий... Налетели и вражеские самолеты. Нам пришлось уходить. Из моего взвода несколько человек было убито, а мне гранатой оторвало руку. Товарищи вынесли меня с поля боя... Но свое дело мы сделали.

Мы сердечно прощаемся с мужественным бойцом.

Врачи и студенты провожают нас толпой — простые и сердечные люди. Они полны веры в успех своего благородного дела и говорят с юношеским запалом:

— Вы не знаете, как было у нас два—три года назад! Мы теперь уже проводим исследовательскую работу... Приезжайте через год, посмотрите — будет еще лучше!

Парашют из Дьен Бьен Фу

В густой, казалось, насквозь промокшей от ливня чаще, сидя около костра, я разговариваю с одним из «тридцати восьми». Да, столько их было, когда сформировался первый народный партизанский отряд под названием «Бригады Освобождения». На тридцать восемь человек — девять винтовок, остальные были вооружены старыми охотничьими ружьями и почти метровой длины ножами для прорубания дороги в джунглях. Были у некоторых и луки-самострелы...

Под командованием Во Нгуэн Зиапа эти тридцать восемь первыми ударили по постам японских захватчиков. Ныне эта горстка партизан выросла в большую, героическую, хорошо вооруженную армию. Во Нгуэн Зиап — ее главнокомандующий.

Французское правительство изменников из Виши без боя сдало Вьетнам японцам. Японские гарнизоны разместились бок о бок с французскими в полном содружестве и согласии. Удвоилось угнетение, удвоились мучения народа. Французская администрация и японская тайная полиция сообща охотились за вьетнамскими патриотами.

— Свою независимость, — говорит мой собеседник,— мы объявили в дни капитуляции милитаристской Японии, после того, как она была разгромлена армией Советского Союза. Мы разоружали гарнизоны, забирали склады, вооружение. Был созван наш первый парламент, он избрал президентом нашего любимого Хо Ши Мина...

Мой собеседник говорит, что народ Вьетнама не сражался против народа Франции. Люди здесь всерьез принимали заверения французского правительства в дружбе. Когда президент Хо Ши Мин выехал в Париж, чтобы подписать договор о дружбе и мире,— это были радостные дни.

— А потом нам нанесли удар в спину. Французские генералы и Индо-Китайский банк решили «развязать узел» штыком. «В течение шести дней мы покончим с этими повстанческими бандами,— хвалились они.— Мы научим этих дикарей послушанию! Что они сделают против нас со своими копьями и луками? У нас есть самолеты и танки». И вот война, которую они хотели закончить в шесть дней, продолжается восемь лет...

Товарищ До Дзуи Кьен, один из «тридцати восьми», с которым я беседую, протягивает к огню ма-

ленькие крепкие руки. Издалека доносятся редкие орудийные выстрелы. Это в долине под Дьен Бьен Фу противник, стараясь ободрить себя, стреляет по джунглям вслепую.

Другой наш собеседник, офицер в шлеме, сшитом из кусков трофейного парашюта, набрасывает короткими, точными штрихами историю последних лет освободительной войны вьетнамского народа.

Пленные

— Из их хвастливых замыслов ничего не вышло. Да, мы отступили в джунгли и вели войну партизанскими методами... Мы были отсечены от центра, окружены в лесах Северного Вьетнама — болотистых, изрезанных горными потоками, полных малярии и тигров. Ясно было, что если мы хотим существовать, надо открыть дорогу к лагерю мира и демократии, к народному Китаю, который не нанесет нам удара в спину. Так пришла очередь для большой операции: надо было очистить от французских фортов и постов нашу северную границу. Впервые молодые партизаны шли на штурм укреплений, под огонь тяжелых орудий и пулеметов. Надо было выдержать этот шквал огня... Операция удалась. Граница с Китаем теперь свободна... Когда мы стали твердой ногой на вьетнамско-китайской границе, встревоженные колонизаторы прислали сюда лучшего своего генерала — Делаттра де Тассиньи. В 1951 году он ударил всеми силами в центр освобожденных нами провинций. На города, на пересечения шоссейных дорог были сброшены отряды парашютистов. По дорогам пошли танки и механизированные колонны... Мы пропустили их далеко вглубь этих провинций, а потом сразу отсекли все коммуникации и сорвали им подвоз продовольствия, боеприпасов, горючего. Отступление от Хоа Бинь было самым позорным поражением экспедиционного корпуса. Из двадцати шести тысяч выступивших в поход полегло около половины. Одна треть бронетанкового вооружения была уничтожена на месте...

Я слушал вьетнамца, закрыв глаза. Передо мной представала картина: вдоль шоссе, опрокинутые, заржавевшие, лежат неподвижные громады танков...

— Делаттр де Тассиньи потерял в этом сражении своего сына,— продолжал офицер.— Но он потерял и нечто несравнимо большее — славу «честного солдата», каким его называли до этого. Экспедиционный корпус по его приказам творил отвратительные преступления, сжигал мирные селения, расстреливал женщин, детей... Потом появился генерал Салан. Это он отдал приказ отбирать у населения весь рис до последнего зерна. Это он приказал убивать буйволов. Я читал его инструкцию: «Каждый убитый буйвол значит больше, чем пять расстрелянных партизан,— эта мера приковывает к плугу много рук, которые иначе могли бы обернуться против нас...» Но он просчитался: в плуги и бороны впрягались женщины и дети, а мужчины все же ушли сражаться за свободу. План Салана сорвался. Оставляя за собой пепелища сожженных дотла селений и раздувшиеся трупы буйволов, враг вынужден был отступить...

Офицер несколько мгновений смотрел в пляшущий огонь костра.

— Вместо отозванного Салана прибыл новый генерал, на этот раз американской школы, Наварр. Он разработал план под невинным названием: «Чайка». Этот американский выученик приказал немедленно выбросить в долины и на взгорья мелкие группы парашютистов: они должны были взорвать все плотины, создать обстановку страха и паники. Но население сразу же окружило десанты, и парашютисты были перебиты. Ни один из них не вернулся...

Офицер оживился, на его лице проступила усмешка.

— Американцы приказали командованию экспедиционного корпуса и крупных гарнизонов накапливать силы для новых наступательных действий... Но чтобы собрать достаточную по численности ударную группу, приходится ослаблять гарнизоны фортов. На ослабленные же гарнизоны мы немедля наступаем и уничтожаем их. Поэтому, чтобы гарнизоны могли обороняться, оккупантам приходится сокращать ударные группы, сконцентрированные для наступления. Так оно и получается у них: клюв вытащил — хвост увяз, хвост вытащил — клюв увяз!.. В течение трех лет инициатива неизменно находится в наших руках. Это мы переставляем фигуры и делаем ходы на военной шахматной доске!.. Ты слышишь, брат, орудийные выстрелы? Это окруженные под Дьен Бьен Фу батальоны врага бесятся потому, что мы не начинаем боя, выжидая более подходящего момента. Они превратили долину в сплошную крепость. Они надеялись, что мы ляжем костьми и изойдем кровью при лобовом штурме этих укреплений. Близорукие люди!.. Нет, мы не будем наступать там, где им хочется, где они нас ждут! Но мы и не выпустим их оттуда. Эта их крепость будет мертвой крепостью. Все господствующие над долиной высоты в наших руках, и мы на страже. Ни один самолет не может приземлиться в долине: посадочные площадки в наших руках. Все, что они могут делать,— это сбрасывать осажденным продовольствие, боеприпасы, медикаменты... Вчера они двинули против нас две группы прорыва. Вы видели пленных? Ни один не ушел обратно!.. Если это необходимо, мы превращаемся в армию теней, в лавину путешествующих кустов. Мы можем нанести удар неожиданно, с любого направления...

Он помолчал, потом взглянул на меня — правильно ли я понял его, не нашел ли в его словах какого-либо преувеличения. Потом вьетнамец продолжал:

— Они ждут, жадно ждут, что мы будем наступать здесь, а мы тем временем угрожаем Ханою, атакуем батальоны врага на юге, действуем за сотни километров отсюда. Никакая подмога не дойдет туда, ибо отсюда, из полков, окруженных в долине Дьен Бьен Фу, нельзя взять ни одного человека, да и вообще невозможно пробиться через кольцо окружения...

Мне невольно припомнилась насмешливая песенка вьетнамских солдат, которую я слышал тут же неподалеку, под Дьен Бьен Фу. Выступление молодого певца сопровождалось бурным одобрением зрителей, бойцов Народной армии. Они готовились к наступлению на один из фортов окруженной крепости. Артистически жестикулируя и подражая голосу генерала Наварра, вьетнамец пел:

— О, каких смелых офицеров
имеет генерал Наварр!
Едва он встревожился тем, что
делалось с фортом Лай Чау,
Как перед ним уже стоял
комендант форта!
Тинг-тинг, тонг! Танг-танг!
Тинг-тинг!
«Полковник! — говорит генерал
Наварр.— Где мои солдаты?»
«Согласно приказу, мой
генерал, они спешат
сосредоточиться!»
Но не добавил, что... в лагере
для пленных!
Тинг-тинг, тонг! Танг-танг!
Тинг-тинг!
«Но я приказывал,—
раскипятился генерал,— чтобы
они держались земли!»
«Держатся, мой генерал! —
отвечает комендант. —
Держатся изо всех сил!»
Но чаще всего их самих
держит... земля!
Тинг-тинг, тонг! Танг-танг!
Тинг-тинг!
«Полковник! — рычит генерал.—
Я спрашиваю вас: где мои
войска?
Что вы сделали с моими
войсками?»
«Я спас их! — отвечает
комендант. — Я привез их на
самолете!»
И показывает генералу...
портфель, битком набитый
долларами!
Тинг-тинг, тонг! Танг-танг!
Тинг-тинг!

...Рассветало. На землю пала обильная роса. Внезапно мы услышали рокот тяжелых самолетов. Американские «Дакота» шли тройками, медленно. Они почти неподвижно висели над лохматой зеленой поверхностью джунглей. Вдруг с них начали падать черные точки. Они растягивались, превращаясь в парашюты с грузом. На небе возникло несколько десятков длинных грибов. Это сбрасывали провиант и боеприпасы осажденным. Ветер с гор колыхал купола парашютов, относя их далеко от цели...

Заговорили пулеметы, ожили молчавшие до того джунгли.

— Большая часть этого добра всегда попадает в наши руки. Поэтому нас мало беспокоят подобные действия врага,— заметил вьетнамский офицер.

* * *

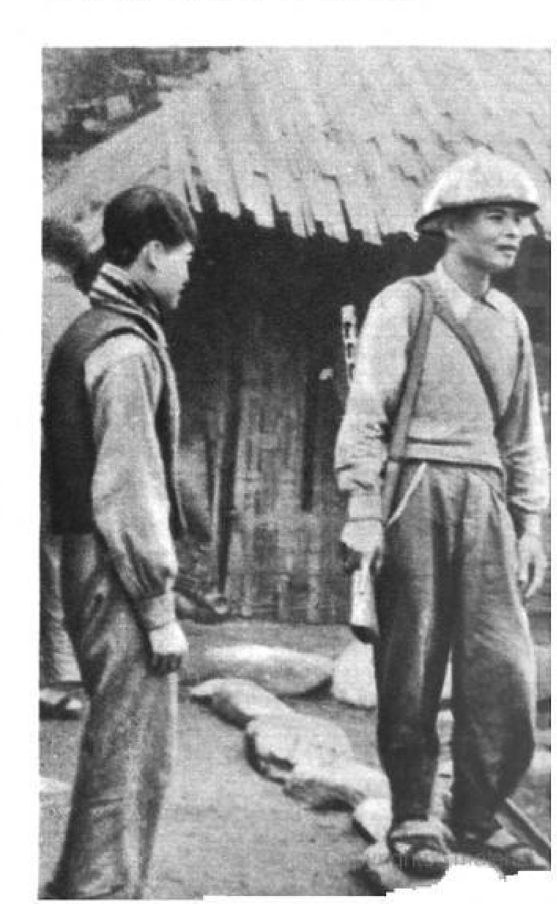
В тот февральский вечер, когда я уезжал из-под Дьен Бьен Фу, командующий фронтом генерал Ле Льем прислал мне на память один парашют из числа тех, что были сброшены утром. Я привез его с собой в Польшу как вещественное доказательство бесплодности попыток колонизаторов покорить пробужденный к новой жизни народ Вьетнама.

И я снова вспомнил об этом парашюте, когда до меня дошла весть о падении крепости Дьен Бьен Фу.

Портрет офицера Народной армии.

Партизаны у своей лесной базы.

ПЯТНАДЦАТЫЙ КИТ НА

Перелистаем летопись китобойной флотилии «Слава». Среди знаменательных событий прошлогоднего, седьмого рейса значится рекорд гарпунера Георгия Овсянникова: за один день он убил двенадцать китов из породы финвалов.

Напомним, что каждый кит весит не менее 80 тонн. Сколько же мяса, сала и костей добыл за день гарпунер китобойца «Слава-4»! Этому была посвящена специальная листовка газеты «Советский китобой», напечатанная в судовой типографии. Газета призывала гарпунеров догнать и перегнать Овсянникова.

Но вскоре надвинулась антарктическая осень, промысел у берегов шестого материка свертывался, льды неумолимо наступали на север. Кораблям надо было уходить к берегам Африки, чтобы не попасть в ледяной плен.

В южноафриканском порту Кейптаун произошла встреча гарпунеров. Георгию Овсянникову от души пожимали руки.

«Дядя Апанас» — так на флотилии зовут старейшего капитан-гарпунера Героя Социалистического Труда Афанасия Николаевича Пургина — поздравил своего ученика Овсянникова:

— Молодец! Не подвел!

— Ловко ты хлопнул! — сказал гарпунер «Шестерки» Алексей Золотов.— С кашалотами я так управлялся. Но кашалот — океанский тихоход. А ты финвалов взял! В восьмом рейсе и я попробую предпринять что-нибудь в этом роде.

И вот в один из серых штормовых дней угрюмого антарктического лета, в январе нынешнего года, я попал на китобоец «Слава-6», иначе говоря, «Шестерку». Небо было заткано тяжелыми свинцовыми тучами. Величественные айсберги возвышались, как дворцы. Над ними носились буревестники. Оранжеватые капские голуби, совсем не похожие на наших «сухопутных» голубок, нежных и приветливых, носились по океану, то и дело заглатывая куски китового мяса, которое им выбрасывали с корабля.

«Шестерка» считается маленьким суденышком: длина его чуть превышает сорок метров. Мы стояли с Золотовым. Как заведено у китобойцев, беседуя, он все время следил за горизонтом: нет ли фонтанов, которые пускают киты?

Золотов знакомил меня со своей командой, о каждом говоря коротко, но выразительно. Боцман Дмитрий Ваганов — богатырь! По пояс в ледяной воде стоит, а с палубы не уйдет, пока кита не обработает. Парторг Алексей Шаров, матрос I класса, поступил в заочную школу, в седьмой класс. Его теперь называют: «Матрос I класса, ученик седьмого класса». Матрос Клим Вялый по ошибке носит такую фамилию, ему бы прозываться Бодрым или Веселым.

— Все дело в экипаже, без него я нуль. Будь ты самый наилучший стрелок, а если экипаж нерасторопный,— ничего не получится.

Наш разговор прервал сильный голос марсового матроса Михаила Калтыгина, за удивительную зоркость прозванного на судне «живым биноклем».

— Три фонтана слева! — кричал он из «вороньего гнезда», металлической бочки, укрепленной у самой макушки мачты.— Идут финвалы!..

Золотов насторожился, поправил на голове ушанку, быстро направился по узенькому ходовому мостику к своей пушке, которая уже успела обледенеть.

Плечистый штурман Николай Курсаков долго разглядывал китов, на ходу отдавая команды рулевому матросу:

— Лево руля!

— Так держать!

— Право руля!

— Так держать!

— Средний!

— Полный вперед!

Суденышко приближалось к фонтанам. Золотов подавал рукой условные знаки на мостик, штурман передавал смысл жестов гарпунера словами:

— Лево руля! Так держать!

Киты занырнули.

Курсаков мне пояснил. Кашалоты по часу под водой бывают, борются там с осьминогами и кальмарами. А финвалы больше 15 минут не сидят под водой. Пасть откроют, заберут порцию рачков-черноглазок — снова на поверхность. Но легкие у них тоже могучие. Тысяч десять литров воздуха при вдохе забирают...

Нельзя не почувствовать волнения, когда видишь перед собой, метрах в сорока—пятидесяти, темнозеркальную тушу морского чудовища, которое легким, почти незаметным движением своего гигантского хвоста развивает бешеную скорость. Трудно удержаться, чтобы не крикнуть: «Бей!»,— когда вынырнет кит из воды, чтобы отдышаться и взять очередную порцию воздуха в легкие.

— Выходит прямо по носу! — кричит марсовый.

Секунды. Снова выплывает спина, видны плавники, в воздух поднялся десятиметровый фонтан воды. Не знаешь, куда смотреть: то ли на согнутую фигуру гарпунера, прицелившегося в кита, то ли на морского «рысака» — финвала, чуть показавшего полосатый бок из воды. Но это длится недолго. Гремит выстрел!

В тушу кита полетел гарпун, стальной, с раскидными лапами. Змейкой взвился желтоватый трос — линь, сделанный из капрона. Слышно, как глухо взрывается внутри кита граната. Линь, прикрепленный к гарпуну, натягивается, судно вздрагивает, точно напоролось на льдину. Вода мигом покрывается кровью,— в таком ките не менее восьми тысяч литров крови.

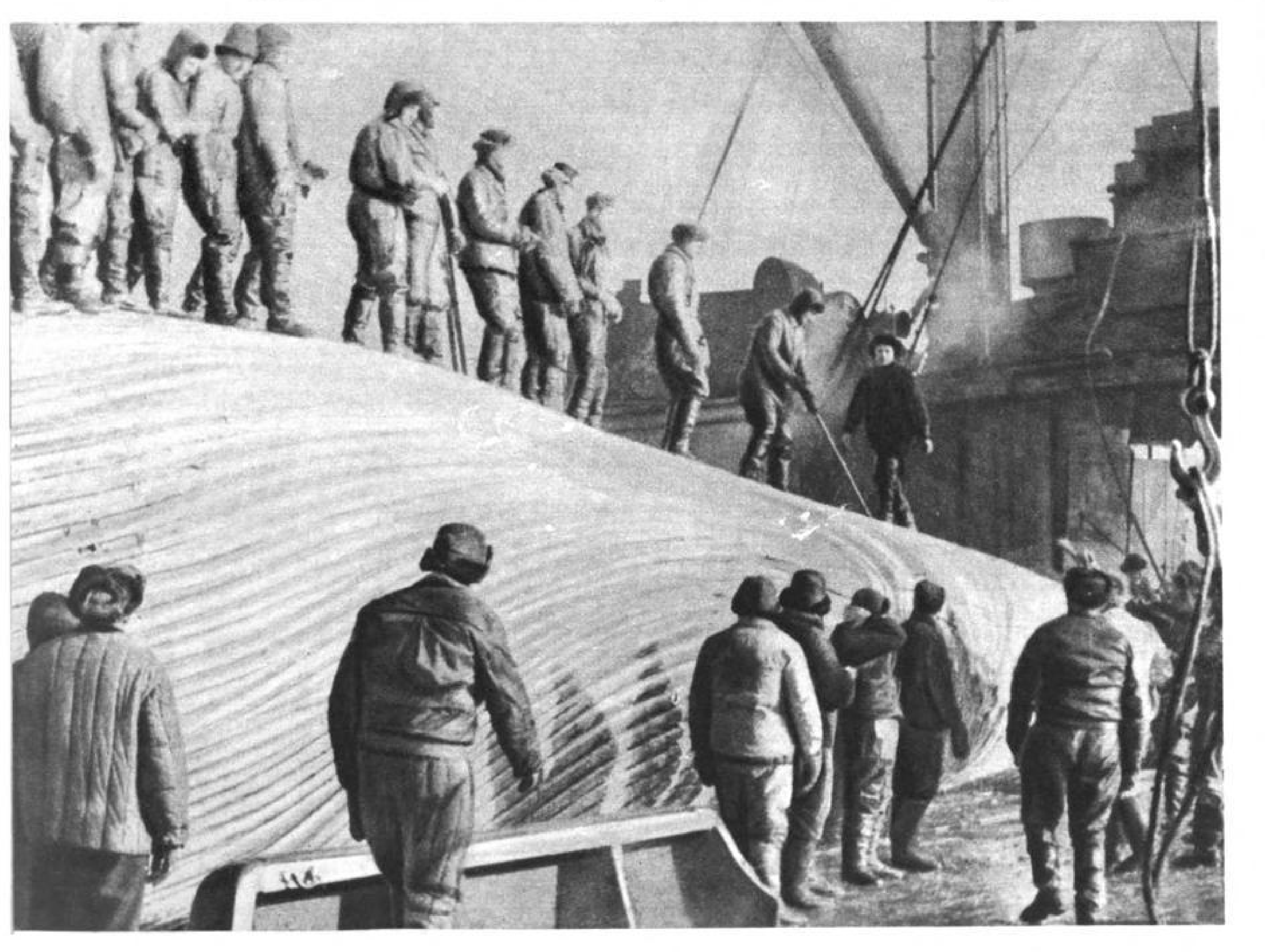
Раненый кит рвется вперед. Но он не заныривает глубоко: видимо, граната поразила его в чувствительное место. Кит с полмили тащит за собой судно.

— Далеко не уйдет! — весело бросает штурман Николай Курсаков.— А бывает так, что часами таскает за собой, ну, это когда гарпун в мясо вопьется или в сало. А сало, сами знаете, толщиной больше 15 сантиметров. Что для такой брони кусочки чугунной гранаты!..

У лебедки старший механик судна Николай Батраков. Кита быстро подтаскивают к кораблю. Матрос Клим Вялый подал помощнику гарпунера длинную стальную пику, к концу которой прикручен резиновый шланг. Кита подтащили под самый нос судна. До его спины, нагнувшись, достаешь рукой, а

Часть кита-финвала. Длина этого усача — 25 метров, вес — свыше 80 тонн.

Фото А. Киселева.

ЛИНЕ

на спине этой свободно мог бы поместиться железнодорожный вагон.

— Давай накачивай! — кричит Золотов, стоя в полушубке на баке.

Включают компрессор. Туша кита на глазах у всех «полнеет». Кита накачивают воздухом для того, чтоб не утонул. Через две минуты Золотову протягивают длинный бамбуковый шест с красным флажком на конце. Золотов размахивается и изо всех сил вонзает наконечник шеста в спину кита.

Убитого кита поставили «на флаг»: его бросили в океане. Но не просто бросили: штурман на планшете «засек» координаты, где именно оставлен кит, заметил айсберги, какие были неподалеку. Эти координаты радист передал на китобазу. Сюда пошлют судно-буксировщик, оно подберет кита, а «Шестерка» пойдет дальше и будет продолжать охоту на китов.

Все это время, пока обрабатывали убитого кита, марсовый матрос не отрывал глаз от фонтанов, которые пускали киты, двигавшиеся к огромному айсбергу.

Опять погоня. Волны окатывают Золотова, но он стоит у пушки, подает условные знаки штурману. Потом выстрел.

— Кит на лине! Передайте на базу! — говорит радисту вахтенный штурман.

В этот день «Шестерка» убила пять финвалов.

В промысле наступила пауза. С китобойца сообщили, что китов не видят, наверно, они ушли в другой район Антарктики. Но в какой?

И вот опять рассвет. Видимость хорошая. Из-за косматых свинцовых туч проглянуло солнце — редкий гость в Антарктике. Оно, кстати, нынче было лишним: отражение солнечных лучей на поверхности затрудняло наблюдение, слепило глаза. Сколько раз слышалось на корабле радостное восклицание: «Фонтаны!». Но увы! Это были всплески воды или льдинки, подбрасываемые волной...

Когда «Шестерка» настигла стадо, тут уже полным ходом охотились другие китобойцы. Вспугнутые выстрелами гарпунных пушек, с тревожным писком носились капские голуби, а на льдинах суетились добродушные пингвины.

Вскоре с «Шестерки» передали первую радиограмму:

— Кит на лине!

Через полчаса:

— Еще один «Федька» попался!

«Федькой» здесь запросто называют финвалов.

В этот день на китобазу сообщали об убитых китах Афанасий Пургин, Федор Прокопенко, Василий Тупиков, Григорий Панов.

Но чаще всего вызывал базу китобоец «Слава-6».

— Пятый кит на лине!

— Шестой «Федька»!

— Седьмой... восьмой... девятый...

К вечеру «Шестерка» передала:

— Взяли одиннадцатого. Продолжаем охоту.

На базе старожилы стали гадать:

— Возьмет или не возьмет?

Если возьмет еще одного, то догонит Овсянникова. Его прошлогодний рекорд — 12 китов.

И вот новое сообщение:

— Двенадцатый «Федька» на лине!

К аппарату подошел капитан-директор Алексей Николаевич Соляник:

— Поздравьте Золотова, он повторил лучший рекорд флотилии!

— Поздравление передам, Алексей Николаевич,— ответил капитан «Шестерки» А. М. Морозов,— только не сейчас. Золотов стоит у пушки. Рядом — кит. Ведем охоту...

— Тринадцатый кит на лине! — передали с «Шестерки».

Через двадцать минут:

— Четырнадцатый!

И уже когда темнолиловые сумерки опустились над океаном, пришла новая весть:

— Пятнадцатый кит на лине!

Золотов, усталый и счастливый, неторопливо шел по узенькому мостику, спустился в кают-компанию, снял полушубок, провел рукой по мокрым волосам, смахнул соленые брызги с почерневшего лица и негромко сказал повару:

— Дай-ка, браток, чайку. Весь день ничего не хотелось есть. А сейчас чайку выпить не мешает.

По радио поступали поздравления Золотову от других гарпунеров.

Пургин пробасил:

— От души радуюсь, Алеша!

Овсянников гудел в микрофон:

— Правильно отличился, Алеша! Настоящий рекорд!

Многие китобои в этот день сидели с карандашами и вели подсчет: что же означает рекорд Алексея Золотова?

Арифметика была простая. 15 китов — это 1 200 тонн сала, мяса, костей. Это 1 200 тысяч килограммов сырца, из которого вытопят в котлах жирзавода китобазы свыше 120 тысяч килограммов пищевого жира.

Все радовались на флотилии новому рекорду. А Золотов, когда ему зачитали поздравительную телеграмму министра, сказал:

— Я только стоял у пушки. А работал весь экипаж.

Владимир ЛЯСКОВСКИЙ

Борт «Славы». Антарктика.

Алексей Золотов.

Этот снимок, напечатанный во французской газете «Юманите», запечатлел длинные очереди парижан, осаждавших кассы «Гранд-опера», чтобы попасть на спектакли приглашенных во Францию артистов советского балета. Такие очереди устанавливались с вечера, а первые утренние поезда метро выбрасывали новые сотни людей, живой лентой опоясывавших в несколько рядов здание театра. На первые пять спектаклей были распроданы все места. За билеты платили с рук в 10 раз дороже установленной цены. Немало приехало в Париж иностранцев, чтобы увидеть мастеров советского хореографического искусства.

Огромный интерес к предстоящим гастролям был вызван не только заслуженной славой, которой пользуется во всем мире советский балет. Сердечная теплота, с которой были встречены широкими кругами французской общественности советские артисты, в немалой степени объяснялась и желанием достойно ответить на то радушие, которым были окружены в СССР актеры «Комеди франсез». С полным основанием французская общественность рассматривала эти две встречи — в Москве и в Париже — как новый шаг по пути укрепления культурных связей и дружественных отношений между народами Франции и Советского Союза.

Однако французским зрителям, готовившимся в назначенные дни занять места в зале «Гранд-опера», не довелось увидеть советский балет. Решением правительства Ланьеля спектакли были отменены. Как сообщало агентство Франс Пресс, решение это было настолько неожиданным, что часть зрителей узнала об отмене первого спектакля, лишь придя вечером к зданию театра.

Газета «Фран-тирер» писала: «После приема, оказанного русскими артистам «Комеди франсез» и французским журналистам, поступок господина Ланьеля является чрезвычайно невежливым».

Национальное бюро Ассоциации «Франция — СССР» заявило, что решение французского правительства «противоречит традициям французского гостеприимства и представляет контраст с благожелательным приемом, который был оказан советским народом французским артистам».

Мы печатаем беседу с актером Морисом Эскандом и прощальные письма других французских артистов, полученные редакцией перед отъездом театра из Советского Союза, а также серию дружеских шаржей художников Кукрыниксы, выполненных ими во время гастролей «Комеди франсез» в Москве. Эти шаржи вызвали живое одобрение наших гостей.

Прощаясь с советскими зрителями

Старейший актер «Комеди франсез» Морис Эсканд, покидая Советскую страну, сказал корреспонденту «Огонька»:

— Мы знали, что в Советском Союзе очень любят и ценят искусство. Однако то, что мы увидели, превзошло все ожидания. Билеты на спектакли в Москве и Ленинграде были раскуплены задолго до начала гастролей. Наши актеры встретили горячих поклонников и зрителей не только в театральных залах,— мы, можно сказать, проникли во многие квартиры, потому что спектакли показывались и по телевидению.

Глубоко взволновало и тронуло нас то, что чуткий и культурный советский зритель прекрасно знает творчество великого Мольера. Играли ли мы «Тартюфа» или «Мещанина во дворянстве», мы чувствовали по ходу спектакля: зрители живо реагировали, отмечая все тонкости режиссерского замысла, актерского исполнения. Нас хорошо понимали и принимали, контакт со зрителем был великолепный. Что касается личных впечатлений, то это счастливое путешествие останется для нас незабываемым на всю жизнь.

У нас, естественно, не было

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ ХУДОЖНИКОВ КУКРЫНИКСЫ

Жорж Шамара — учитель философии («Мещанин во дворянстве»).

Берт Бови — госпожа Пернель («Тартюф» Ж.-Б. Мольера).

Анни Дюко — Эльмира («Тартюф»).

много времени для знакомства с театральной жизнью Москвы и Ленинграда. В Москве мы видели, к сожалению, только певцов и балетных актеров. Мы восхищались певцами — обладателями мощного «низкого» голоса. У нас во Франции тоже есть такие актеры, но их мало, а у вас много.

В Ленинградском академическом театре драмы имени Пушкина мы присутствовали на спектакле «Великий государь», поразившем прекрасной игрой актеров. Особенно покорил нас исполнитель роли Ивана Грозного народный артист Николай Черкасов. В знак дружбы наш директор г-н Пьер Декав преподнес Черкасову медаль театра, учрежденную в честь гастролей в Москве и Ленинграде, а г-н Черкасов подарил нам свою книгу «Записки советского актера» и от имени театра — шубу, в которой играл роль Ивана Грозного.

Ознакомились мы и с ленинградским балетом — смотрели красочную «Раймонду» Глазунова, побывали в Клубе работников кино, посетили Дворец культуры имени Кирова — это замечательное учреждение, где развиваются таланты самодеятельности. Нам также посчастливилось увидеть виртуозное мастерство народного артиста Сергея Образцова, его прекрасное, полное глубокого содержания искусство — комедию «Чертова мельница». И хотя на сцене действовали куклы, мы забывали, что это они, а не живые актеры — так было все блестяще сделано.

Всюду мы наблюдали огромный интерес советских людей к театру. Нам довелось быть в Ленинградском доме ученых, где отмечалось столетие со дня рождения русской актрисы Савиной. Нас поразило огромное число людей, пришедших на чествование памяти выдающегося мастера сцены.

В прекрасной советской столице и в Ленинграде мы видели жизнерадостных людей, уверенных в завтрашнем дне. Где бы мы ни появлялись, публика радушно приветствовала нас, выражая искреннюю любовь к французскому народу.

Ленинград — один из красивейших городов мира. Гармоническое сочетание великолепной архитектуры с природным пейзажем оставляет сильное впечатление. Мы рады, что успели многое повидать в Ленинграде, где все привлекает необычайной красотой: площади, набережные, дворцы. Мы посетили Эрмитаж — богатейший в мире по своим коллекциям, Петродворец — замечательное творение русских зодчих.

О русском гостеприимстве нам было известно и прежде. Но прием, оказанный нам во время гастролей в Москве и Ленинграде, необычайно взволновал нас. Всюду мы были окружены поистине трогательным вниманием.

В репертуаре французских театров идут время от времени пьесы Чехова, Тургенева, инсценировки романов Льва Толстого. Я полагаю, что нынешняя поездка обогатит наш репертуар новыми русскими пьесами.

В заключение беседы Морис Эсканд заявил:

— Хочу через журнал «Огонек» передать глубокую признательность всем тем, с кем мы встречались в Москве и Ленинграде и кто проявил к нам свое дружеское расположение.

ЖАН ИОНЕЛЬ

Завтра утром я должен — увы! — уже покинуть Москву. У меня нет времени рассказать о всех моих впечатлениях. В двух словах: я уношу с собой незабываемые воспоминания о нашем пребывании в этом прекрасном, огромном городе и самую глубокую благодарность московской публике, которая оказала нам такой исключительно дружеский прием.

ЛУИ СЕНЬЕ

Итак, мы покидаем вашу великую страну. Я еще раз говорю советским друзьям: спасибо от всего сердца!

Я прожил среди вас три недели, и дни эти — череда незабываемых впечатлений. Было много радости для глаз и радости для сердца. Умные, убежденные зрители. Хорошие, разнообразные театры. Большие города.

Возвращаюсь в Париж, полный лучших чувств ко всему, что видел и пережил. Долго буду я рассказывать у нас во Франции об этом прекрасном путешествии. И мы скажем: теперь у нас есть в Советском Союзе друзья, которые нам дороги.

Спасибо!

Louis Seigner

ЖАН МЕЙЕР

Столько впечатлений от этой прекрасной поездки в Советский Союз, что нужно время, дабы все это отстоялось в памяти! Я предоставляю другим моим товарищам приятную возможность рассказать о редкостном гостеприимстве, которым нас окружили, о наших встречах, поездках, прогулках. Что касается меня, то я позволю себе сказать только о том, что непосредственно касается моего ремесла.

Можно понять с каким нетерпением стремились мы увидеть то, что исполняется на советских театральных подмостках. И то, что мы увидели, не обмануло наших ожиданий.

Все свои свободные вечера я проводил в театрах Москвы и Ленинграда. Даже когда я играл в «Тартюфе», будучи занят только в пятом акте, я отправлялся в Большой театр, чтобы насладиться двумя — тремя картинами из оперы или балета, а затем вновь пересечь улицу и очутиться за кулисами «нашего» Малого.

Малый театр... Удивительны в нем тщательность отработки деталей постановки, неугасающая изобретательность актеров в игре. В Московском художественном театре мы видели спектакль «Плоды просвещения» Толстого. Никогда в жизни мне не доводилось еще видеть пьесу, которая была бы так хорошо сыграна и так замечательно выполнена в смысле режиссерского мастерства. Когда на сцене актеры перестают быть похожими на актеров, тогда-то они и становятся замечательными актерами! Когда то, что мы называем мизансценой, перестает быть видимым, тогда и возникает подлинное действие!

Все это я ярко ощутил в Художественном театре. Спасибо ему за этот вечер! И за другие тоже. Спасибо Малому. Спасибо Большому. И милому, замечательному Образцову — всем, всем!

Я не забуду их никогда!

Jean Meyer

БЕАТРИС БРЕТТИ

Было бы неблагодарным по отношению к советским зрителям, которые оказали нам такой горячий прием и так великодушно оценили наше искусство, если бы я не откликнулась на приглашение «Огонька» подвести некоторый итог нашему пребыванию в Советском Союзе.

Я никогда не забуду того дружеского внимания, которым были окружены артисты «Комеди франсез». От их имени и от своего передаю еще раз сердечную благодарность всем: устроителям наших спектаклей и зрителям. Я не забуду и красоту ваших городов — Москвы и Ленинграда, картины широкой государственной деятельности в интересах народа, внимательной заботы о благе людей.

Да, мы научились смотреть и научились запоминать. Что еще могу я сказать, кроме того, что мы уезжаем, опечаленные необходимостью расстаться с замечательной вашей публикой, с многочисленными друзьями по ремеслу, которых приобрели. Надеемся, что начатые культурные связи будут продолжаться и крепнуть.

Béatrice Bretty

Луи Сенье в роли Оргона. «Тартюф» Ж.-Б. Мольера.

Морис Эсканд в роли графа Доранта. «Мещанин во дворянстве» Ж.-Б. Мольера.

Мари Сабурэ в роли маркизы Доримены. «Мещанин во дворянстве».

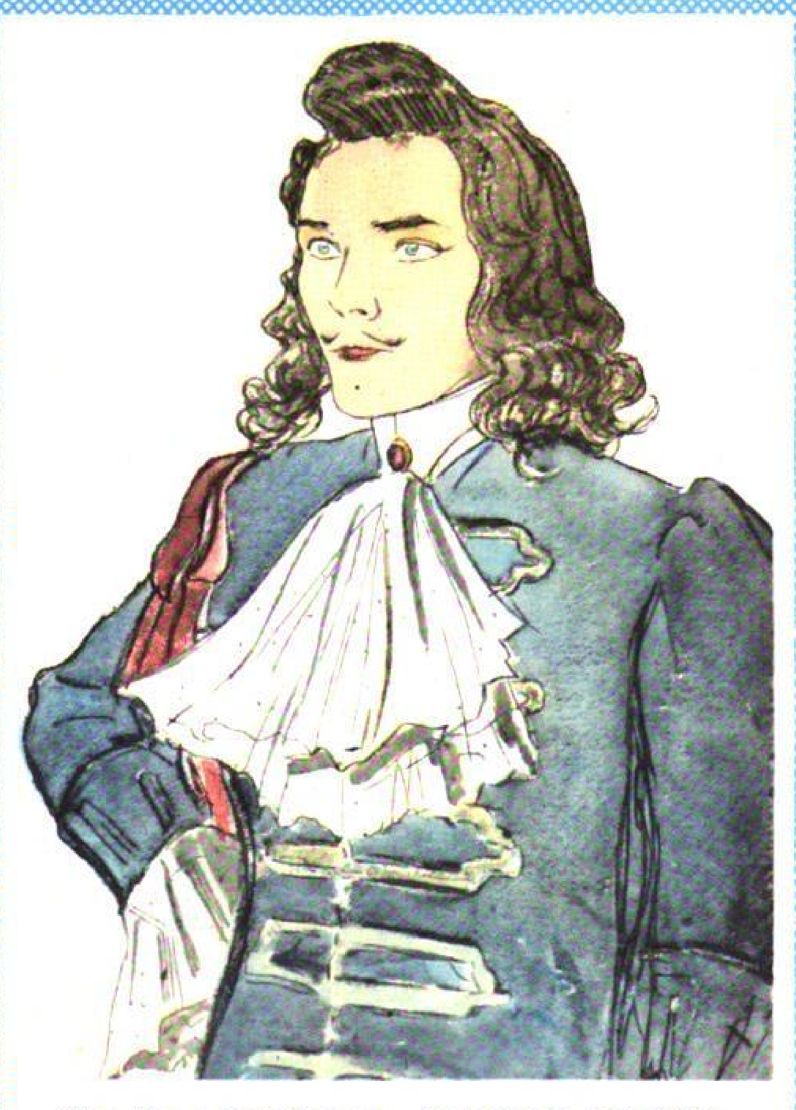
Жан Ионель в роли Тартюфа.

Луи Сенье в роли господина Журдена. «Мещанин во дворянстве».

Мишелин Будэ в роли служанки Анеты. «Рыжик» Ж. Ренара.

Жан Пья в роли Клеонта. «Мещанин во дворянстве».

Анри Роллан в роли учителя фехтования. «Мещанин во дворянстве».

ЧАРОДЕЙ СЛОВА

(О собрании сочинений А. Н. Островского)

В 1888 году Чехов советовал одному знакомому литератору: «На Вашем месте я написал бы маленький роман из купеческой жизни во вкусе Островского; описал бы обыкновенную любовь и семейную жизнь без злодеев и ангелов, без адвокатов и дьяволиц; взял бы я сюжетом жизнь ровную, гладкую, обыкновенную, какова она есть на самом деле...»

В нескольких строках, как это умел делать Чехов, здесь выражено самое важное и удивительное в искусстве Островского.

Им было создано около пятидесяти оригинальных пьес. И в каждой из них — «жизнь ровная, гладкая, обыкновенная, какова она есть на самом деле». И сколько потрясающих драматических конфликтов в этой «обыкновенной» жизни, сколько разнообразных человеческих характеров! Ближайшим предшественником Островского в русской литературе был Гоголь. Это от него унаследовал Островский гениальное умение изображать повседневную прозу жизни; как и Гоголь, он владел тайной находить поэзию в обыкновенном.

Творчество Островского — это поэзия действительности. Правду жизни писатель предпочитал в искусстве всему. «Дело поэта, — убеждал он, — не в том, чтобы выдумывать небывалую интригу, а в том, чтобы происшествие даже невероятное объяснить законами жизни».

В пьесах Островского действуют тысяча с лишним персонажей, вобравших в себя огромный жизненный материал, типизировавших самые различные стороны русской действительности 50—80-х годов XIX века. Либеральная и славянофильская критика с умилением называла Островского «Колумбом Замоскворечья». Это была фальшивая фраза. Творчество гениального драматурга гораздо более масштабно и емко по своему содержанию. Оно далеко выходило за пределы купеческого Замоскворечья. Хорошо сказал Гончаров: Островский «исписал всю московскую жизнь, не города Москвы, а жизнь московского, то есть великороссийского государства».

Как художник Островский получил широкое признание еще при жизни. Несмотря на улюлюканье реакционной критики, его считали первоклассным мастером слова такие люди, как Чернышевский и Добролюбов, Гончаров и Тургенев, Л. Толстой и Чайковский. Последнему принадлежит фраза, которая стала афористической: «У Островского, что ни слово, то на вес золота!».

Но слово Островского на протяжении многих десятилетий пребывало в неволе. Драматурга не жаловала дирекция императорских театров, его преследовала царская цензура, к нему с явным недоброжелательством относились «сильные мира сего». Актер Ф. Бурдин сообщал Островскому: «Вообще нужно тебе с большим огорчением объяснить, что высшие сферы не благоволят к твоим произведениям...» Но он и писал не для «высших сфер». Весь смысл своей многотрудной жизни Островский видел в служении народу. Избирая поприще драматурга, он был убежден, что «драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы».

Гневная сатира Островского беспощадно казнила «рыцарей» собственнического мира. Дикой и Большов, Вышневский и Гневышев, Кучумов и Мамаев — все они, и купцы, и чиновные вельможи, и помещики, — суть хищники и стяжатели, деспоты и самодуры. В самых разнообразных ликах предстает здесь ненавистное народу «темное царство». Недаром Александру II не нравилось, что русская жизнь отражена в пьесах Островского «во всей своей тяжелой неприглядности». Тот же Александр II, по свидетельству современника, жаловался: «Я приезжаю в театр отдохнуть от трудов и развлечься, а посмотрев пьесы Островского, уезжаю еще более грустный и расстроенный».

Царь имел основания «расстраиваться». Гневное перо Островского было сродни сатире Гоголя и Щедрина. Недаром некоторые образы Островского (например, Глумов и другие) обретают новую жизнь в произведениях Салтыкова-Щедрина.

Но Островский не только обличал. Он нарисовал в своих произведениях обширную галерею положительных героев, непосредственно отразивших мечту писателя об иной, более совершенной, поэтической действительности. Жадов, Катерина, Лариса, Мелузов — каждый из этих персонажей по-своему противостоял миру «темного царства» и выражал страстную веру писателя в неизбежное торжество царства свободы и справедливости. Революционная демократия справедливо видела в Островском своего идейного союзника.

Недавно завершенное 16-томное собрание сочинений Островского начало выходить пять лет назад по постановлению Совета Министров СССР. Это издание — самое полное сравнительно со всеми предшествующими. Но не только в этом его достоинство. Оно наиболее доброкачественно и в научно-текстологическом отношении.

Коллектив научных работников — А. И. Ревякин, В. А. Филиппов, С. Н. Дурылин, Г. И. Владыкин, К. Н. Державин, К. В. Пигарев, Н. С. Гродская и другие — проделал большую работу. Произведения писателя сверены со всеми имеющимися автографами, а также печатными источниками и очищены от многочисленных ошибок, переходивших ранее из одного издания в другое.

Тургенев сказал однажды, что честному русскому писателю приходится уподобляться контрабандисту, который с опасностью для жизни должен перевозить литературный товар через цензурную границу. На этой «границе» Островскому довелось многое претерпеть.

Почти каждой пьесе надо было пробивать дорогу в различных инстанциях. За своего «Минина» Островский был награжден царем бриллиантовым перстнем, но даже это обстоятельство не спасло хронику от цензурного запрета. Когда в 1858 году была закончена «Воспитанница», — оказалось, что ставить ее на сцене нельзя: III Отделение усмотрело в пьесе «насмешку и издевательство над дворянством». Лишь после реформы 1861 года с большим трудом удалось добиться отмены запрета. К каким только средствам не приходилось прибегать, чтобы благополучно миновать цензурную таможню! Дело доходило до курьезов. Чтобы цензура не придралась к «Горячему сердцу», Бурдин вписал в афишу: «действие происходит лет 30 назад».

Но случалось и похуже. Чтобы спасти свое произведение, Островский бывал вынужден его портить, искажать, порой приделывать новые концы, как это произошло, например, с комедиями «Свои люди — сочтемся» и «Воевода», с хроникой «Козьма Захарьич Минин, Сухорук». В таком виде эти пьесы в течение длительного времени ставились на сцене.

В текстологическом отношении все предшествующие издания были несовершенны. В пьесах имели место существенные разночтения. До самого последнего времени одна и та же пьеса Островского звучала по-разному в различных театрах. Это объяснялось простой причиной: каждый театр мог по своему уразумению избрать любое издание сочинений писателя. Отныне этому разнобою положен конец. Значение нового издания Островского состоит прежде всего в том, что оно дает если не канонические, то, по крайней мере, наиболее исправные и авторитетные тексты произведений писателя.

Островский не только великий писатель. Он был выдающимся деятелем театра в самом широком и вместе с тем конкретном значении этого слова. Он самостоятельно ставил свои пьесы. По свидетельству актеров-современников, Островский был превосходным режиссером, общепризнанным авторитетом в любых вопросах, касающихся театрального искусства, он отлично знал законы сцены. Он имел право сказать о себе: «...в чем состоит сценическое искусство и что такое артист, я понял до тонкости...»

Новое собрание сочинений Островского существенно расширяет наше представление о той роли, какую он играл в истории русского театра. В собрание сочинений впервые полностью введены публицистика и критика Островского — его статьи о театре, речи, дневниковые записи. Читатель найдет здесь и некоторые новые, ранее неизвестные материалы. Все это позволяет более конкретно представить борьбу писателя за реализм и народность русского театра, его повседневную и в высшей степени многообразную работу в качестве руководителя театральной жизни Москвы, его заботы о повышении мастерства актеров, об их культурном и моральном уровне и т. д.

Впервые в собрание сочинений драматурга включено эпистолярное наследство Островского. Оно занимает три тома. Эти письма представляют драгоценный источник для изучения живого облика, идейных позиций, эстетических взглядов писателя, его отношений с различными деятелями русской культуры. В этих письмах очень непосредственно и ярко раскрывается обаятельный образ художника-гражданина, «чародея слова», как назвал его Горький.

Разбросанные по многочисленным журналам и сборникам, главным образом дореволюционным, письма Островского были малодоступны широкому читателю. Разыскать их стоило большого труда. Подверглись специальному обследованию и архивы, в которых обнаружены многие неизвестные до сих пор автографы писем. Эпистолярный фонд пополнился почти 300 письмами.

Островский много времени уделял переводческой деятельности. Он перевел более двадцати драматических произведений. Кроме того сохранились отрывки шестнадцати незавершенных переводов. Он сделал доступными для русского читателя и зрителя многие шедевры Шекспира, Сервантеса, Гольдони. Островский проявлял живой интерес и к культуре народов Востока. Об этом свидетельствует предпринятый им перевод индийской народной драмы «Дэвадаси» («Баядерка»), написанной актером и поэтом Паришурамой.

В новом издании напечатаны лишь избранные переводы — всего двенадцать произведений. Но и они дают достаточное представление о том, каким первоклассным мастером художественного перевода был Островский.

Издание не лишено некоторых недочетов. Комментарии слишком скупы и по объему и по материалу. В массовом издании комментарий должен, на наш взгляд, содержать в себе не только бесстрастную фактическую справку, но и интересный, увлекательный материал, который помог бы читателю глубже уяснить идейную сущность произведения. В данном случае это было тем более необходимо, что в издании нет вступительной статьи, которая частично решила бы эту задачу.

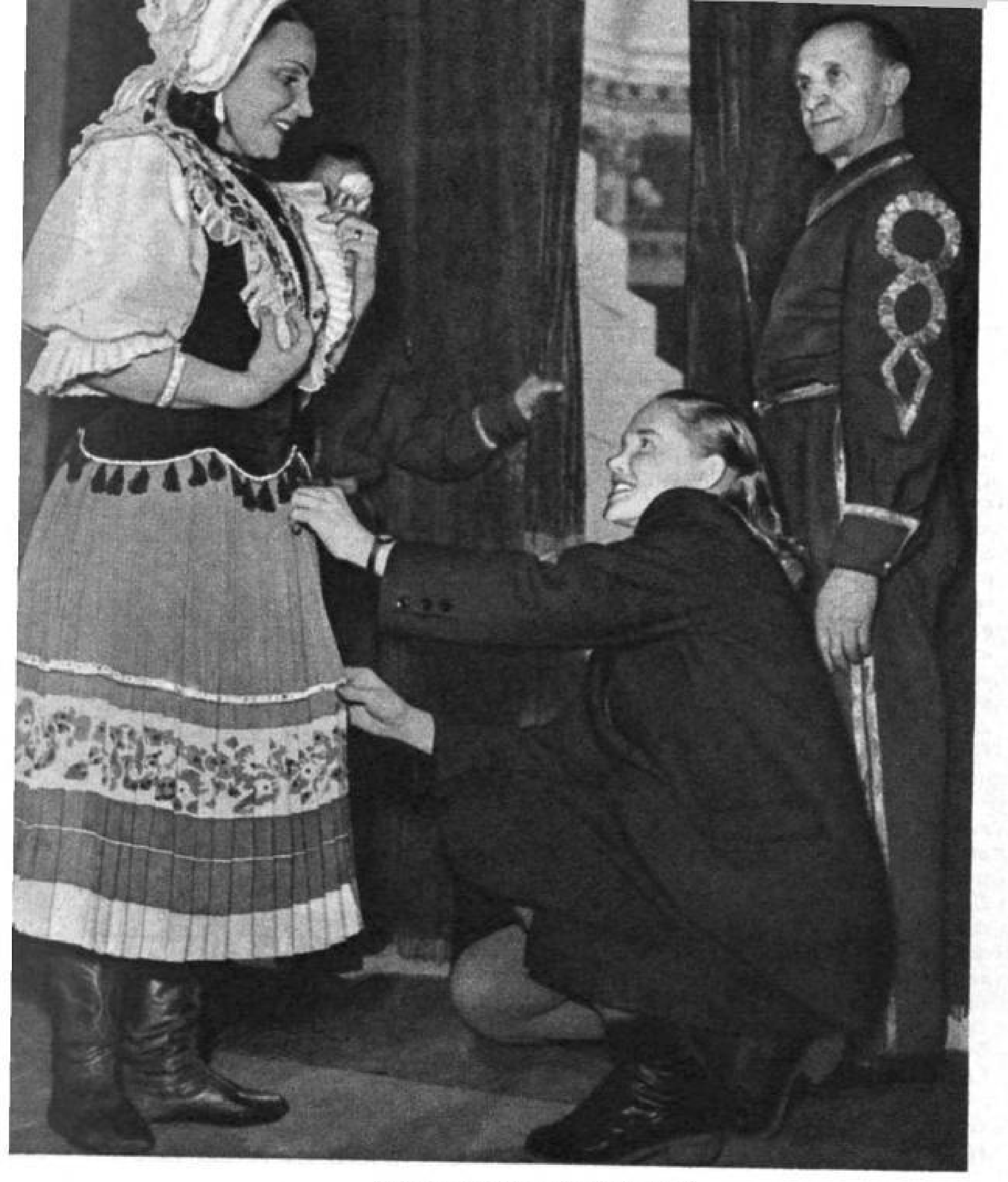
Выше уже говорилось, что нынешнее собрание сочинений Островского является наиболее полным сравнительно со всеми предшествующими изданиями. Наиболее полным, но не «полным», как это обозначено на титульном листе каждого из шестнадцати томов. В собрание не включены многие переводы, сделанные Островским. Мы не находим здесь также отрывков некоторых незавершенных произведений драматурга, например, фрагментов двух задуманных им исторических пьес — «Лиса Патрикеевна» и «Александр Македонский». Всего этого печатать в массовом издании, может быть, и не нужно. Но в таком случае не нужно и противоречие между титулом и действительным характером издания...

Произведения Островского воплотили в себе самые прогрессивные черты национальной русской культуры. Но не только этим они дороги нам. Гоголю принадлежат мудрые строки: «...в литературном мире нет смерти, и мертвецы так же вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как и живые». Эти строки могут быть прямо адресованы автору «Грозы».

Выпущенное стотысячным тиражом новое собрание сочинений Островского намного умножит число читателей и почитателей великого драматурга.

С. МАШИНСКИЙ

АРТИ
и зрит

Перед выходом В. Сербиной.
— Ой, Вера Ивановна! До чего хочется работать, как вы!

Пожалуй, это похоже на традиционную новеллу из цирковой жизни. Четырнадцатилетний мальчик приходит на представление и вдруг видит среди униформистов своего приятеля. Соблазнясь «тайнами манежа», подросток бежит из дома в другой город, в цирк. Он поступает в униформу (подсобным рабочим), потом один из крупных мастеров делает из мальчика артиста. Юрий Половнев, с которым это произошло, мог теперь рассказать любому увлеченному цирком подростку о том, что кроме романтики в цирке есть немало трудностей и неведомых многим особенностей.

* * *

Когда клоун Акрам Юсупов после очередной репризы покидал манеж и смеющиеся зрители провожали его аплодисментами, какой-то юноша в третьем ряду скептически пожал плечами:

— Конечно, смешно. Но ведь это любой театральный комик делать может! И даже не профессионал.

Тогда сосед гневно повернулся к нему:

— А по канату ваш комик тоже ходить может?

Упрек был справедлив: юноша явно недооценил возможности Акрама Юсупова.

Представьте себе, что в биографии знаменитого пианиста вы читаете: «В течение десяти лет он считался прекрасным скрипачом, потом выступал в качестве флейтиста. Последние годы посвятил себя роялю». Мало вероятно!

Но вот вы любуетесь заслуженной артисткой республики Верой Сербиной, исполняющей танцы на проволоке, и узнаете, что недавно еще она работала в качестве эквилибриста на шестах. Слушаете музыкальный номер под руководством Константина Бирюкова и вспоминаете, что видели этого артиста на турнике. А дрессировщица собачек Ирина Соловкова? Не она ли была велофигуристкой? Ну, разумеется, это та же артистка.

Тут мы столкнулись с первой особенностью цирка: почти все артисты манежа овладели несколькими специальностями. Теперь становится понятным, почему так возмутился почитатель Акрама Юсупова. Клоун — наиболее разносторонний исполнитель. Заговорите о любом из них, и вам неизбежно придется перечислить столь различные его цирковые специальности, что, не зная специфики манежа, вы, пожалуй, пожмете удивленно плечами, как если бы вам стало известно о пианисте-флейтисте-скрипаче.

Универсальность цирковых артистов естественна: техника каждого номера сейчас так высока, что она требует от исполнителя многосторонности.

В последней программе занят дрессировщик лошадей Д. Кострюков. Если бы Кострюков не знал искусства вольтижа, он не мог бы руководить дочерью Тамарой и сыном Валерием, выполняющими на скачущей лошади сложнейшие упражнения. Если бы Кострюков был чужд искусству клоунады, номер лишился бы веселых комических трюков.

Однако не нужно думать, что цирковой артист, «умеющий все», одинаково силен в любом жанре. Каждая цирковая специальность требует не только умения, но и природных данных. И артисту порой трудно бывает «найти себя». Поэтому так сложны пути в искусстве цирка.

В этом убеждает и последняя программа московского цирка. «Новое в цирке» — это результат смотра, который проходил в 25 цирках страны. В нем участвовало около 500 исполнителей. И среди них немало из самодеятельности.

* * *

На манеже появились два, казалось бы, посторонних человека. Правда, это случилось не на представлении, а на репетиции. Но и вам показалось бы странным увидеть на манеже... художника и инженера Канаковского фаянсового завода. Оказывается, понадобились они здесь, что называется, по специальности: для создания новых моделей образцов продукции своего завода — огромных расписных ваз.

Этому событию предшествовало следующее.

Однажды жонглер Иван Хромов стремительно ворвался в свою квартиру и, не говоря ни слова ошарашенным домашним, вырвал с землей из глиняного горшка цветок. Через минуту горшок уже подрагивал у него на лбу. В конце концов дома смогли выяснить, что Иван Васильевич, пораженный мастерством китайского жонглера, работавшего с вазами, пытается повторить его номер. До сих пор никому не удавалось сделать это. Да и китаец-артист (а до того его дед и отец) десятки лет искал секрет жонглирования тяжелейшими вазами. Такого запаса времени не было у Ивана Васильевича.

По выражению Хромова, его путь к успеху номера «усыпан черепками»: десятки горшков и ваз были разбиты, пока артист выискивал приемы. Это он и увлек фарфористов, которые пустились в поиски новых форм и росписей необычной, не предусмотренной никакими заводскими планами продукции. И трудно сказать, кто торжествовал больше — артист или производственники, когда номер получился и победил на смотре.

...К администрации цирка приходит зритель:

— Я, знаете ли, инженер-электрик, смотрел сейчас аттракцион «Чудеса без чудес». У меня есть кое-какие новые предложения, можно их использовать...

Почтальон приносит письмо с адресом: «Москва, Госцирк»: «В номере «Прыгуны Степановы» работают Н. Петрова и Ю. Быковский — бывшие чемпионы СССР по акробатике. Мы, спортсмены, раньше осуждали их за то, что они из спорта ушли на манеж. Но, посмотрев программу, сами «заразились» цирком. Сообщите, как поступить в труппу...»

Подобные события в цирке происходят чуть ли не ежедневно, ибо цирком нельзя не «болеть». Это тоже его характерная особенность.

* * *

Лет 25 тому назад, проходя по днепровскому пляжу, режиссер цирка А. Г. Арнольд заметил двух подростков, с необычайной легкостью проделывающих сложнейшие акробатические номера.

— Где учились, ребята? — спросил Арнольд.

Те хором ответили с плохо скрываемой гордостью:

«А что сейчас на нашем комбинате?» Зое и Сергею Наумовым пришло письмо из Магнитогорска.

С Т Ы
или

— В клубе. В физкульткружке. Через несколько лет юные физкультурники стали известны тысячам людей, как партерные акробаты «Братья Яловые». Так цирк — искусство сильных и ловких — иной раз «вербует» свои кадры среди спортсменов и физкультурников.

Но это только один из путей. В цирке бытует шутливое выражение: «Родился в опилках». Более официально это называется «семейное ученичество», когда несколько поколений семьи про-

«Я сам себе поставлю свет!» Гимнасту В. Гусеву это не трудно: ведь он в прошлом работник электроцеха.

водят жизнь на манеже. Явление это распространенное. Вряд ли в какой-нибудь иной профессии можно встретить 36-летнего человека с тремя десятками лет рабочего стажа. А вот именно так обстоит дело, скажем, у Веры Сербиной. Пятьдесят пять лет провел в цирке и 64-летний Ф. С. Конев — руководитель воздушного полета.

В старые годы детство в цирке всегда было символом лишения детства. Клоун В. Лазаренко рассказывал, что когда мальчиком он упал зимой с трапеции, первое, что пришло в его голову, было: «Теперь не нужно каждый день браться за холодные тросы и сдирать кожу с рук».

Традиция «семейного ученичества» не умерла и сегодня. Но зато совершенно изменились условия работы детей. Многое отличает сегодняшний день юного артиста от начала пути его отца или деда. Все дети-артисты учатся в школе. Более того: право выступать на арене дает школьный табель только с хорошими отметками.

Разнообразны пути, ведущие на манеж: в цирк артисты приходят из спорта, из семей цирковых работников, из вспомогательных цехов или униформы (как Юрий Половнев или воздушный гимнаст Борис Гусев), из самодеятельности (как, например, занятые в последней программе рабочие Магнитогорского металлургического комбината Зоя и Сергей Наумовы). Но откуда бы ни пришел в цирк человек, он постоянно учится. Всегда учиться — обязательное условие мастерства.

Большинство сегодняшних артистов — выпускники Центрального училища циркового искусства; уже второе поколение его питомцев пришло на арену. Образование стало насущной потребностью. И даже те артисты, которые постоянно заняты в представлениях, учатся — кто в институте физкультуры, кто в ГИТИСе. А есть и такие, которые, продолжая работать на манеже, получают совершенно иные специальности.

Мы присутствовали при разговоре наездницы Тамары Кострюковой с директором Московского цирка. Девушка просила освободить ее от дальнейших выступлений, так как она торопится в свой пищевой институт в Краснодаре. «Лечу самолетом. Время занятий рассчитала до одного часа».

Озабоченность Тамары понятна: ведь она посвящает арене только каникулы. Акробаты Наумовы тоже отдают любимому искусству свой отпуск. Правда, на время смотров Магнитогорский комбинат освобождает их от обычной работы.

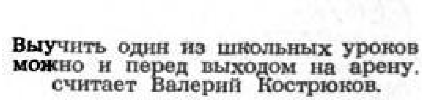
Путешествуя за кулисами цирка, мы узнали, разумеется, гораздо больше того, что смогли рассказать здесь.

Мы встретили там двух девочек, пришедших в дирекцию со схемой магнитных линий: они разгадали «тайны» аттракциона «Чудеса без чудес». Мы слышали, как зритель, поднявший на манеже одну из гирь Григория Новака, решительно заявил: «Займусь тяжелой атлетикой!»

И каждый попавший сюда был полон своих мыслей, которые разбудил в нем цирк.

Г. ШЕРГОВА

Фото Е. ТИХАНОВА.

Выучить один из школьных уроков можно и перед выходом на арену, считает Валерий Кострюков.

Справа: эквилибристы Половневы на шестах.

Из книжки «Дедушкина внучка»

А. БАРТО

Рисунки А. Каневского.

ЛЕНОЧКА С БУКЕТОМ

Вышла девочка на сцену,
Шум пронесся по рядам.
— От детей,— сказала Лена,-
Я привет вам передам!

Лена в день восьмого марта
Говорила мамам речь.
Всех растрогал белый фартук,
Банты, локоны до плеч.

Не нарадуются мамы:
— До чего она мила!
Лучшим номером программы
Эта девочка была!

Как-то в зале райсовета
Депутаты собрались,
Лена — девочка с букетом —
Вышла к ним из-за кулис.

Лена держится так смело,
Всем привет передает.
Ей знакомо это дело:
Выступает третий год.

Третий год, зимой и летом,
Появляется с букетом:
То придет на юбилей,
То на съезд учителей.

Ночью Леночке не спится,
Днем она не пьет, не ест:
— Ох, другую ученицу
Не послали бы на съезд!

Говорит спокойно Лена:
— Завтра двойку получу:
У меня районный пленум,
Я приветствие учу.

Лена — девочка с букетом —
Отстает по всем предметам.
Ну, когда учиться ей!
Завтра снова юбилей!

ВЕСЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Сидели на опушке,
На солнечной полянке
Две девушки-подружки,
Две юных горожанки.

Звенели птичьи трели,
И девочки смотрели,
Как все вокруг блестело,
Сверкало, шелестело.

Как плещутся верхушки
Зеленою волною...
Сказали две подружки:
— Как хорошо весною!

Какой тут воздух чистый!
Какой дубок ветвистый!

Ушли две ученицы,
Две юных горожанки,
Взгляните, что ж творится
На солнечной полянке!

Тут прежний птичий гомон,
Но здесь дубок поломан!
А травка под ольхою
Покрыта шелухою.

Чего здесь только нету!
От семечек пакеты,
Трамвайные билеты,
Бумажки от ирисок...
(Продолжить можно список.)

Все словно потускнело!
Уехали подружки,
Теперь им нету дела
До солнечной опушки!

Шумит дубок ветвистый
Оставшейся листвою,
Качает головою:
— Какие эгоисты,
Какие эгоисты!

СОВЕТЧИК

Как-то в майский день погожий
Шел по улице прохожий.
Шел и что-то напевал,
С комарами воевал:
Щелкнет раз — и наповал!

Майским солнышком
пригретый,
Шел парнишка не спеша.
Шел и всем давал советы,
Вот открытая душа!

Сад сажает садовод,
Алексей совет дает:
— Не пораньте корни!
Во дворе звенит пила,
Он кричит:— А ну, пошла,
Веселей! Проворней!

Малыши спешили в класс,—
Пожелал пятерок
И сказал, что каждый час
Для работы дорог.

Учит деда Алексей
Возле птицефермы:
— Не кричите на гусей,
Птица будет нервной!

Так он каждому с охотой
Даст совет со стороны...
Если б он еще работал,
Ему бы не было цены!

МАСТЕРА вольной борьбы

В следующее мгновение Андерссон оказался в воздухе.

И. БОРИСОВ

Два снимка

Снимок вольной борьбы, который вы видите здесь вверху, прислали советским спортсменам репортеры стокгольмской газеты «Свенска дагбладет» после недавнего посещения Швеции командой СССР. Что определило их выбор: острота ли поединка, необычное положение борющихся или выразительность атлетического спора,— трудно сказать. Но выбор оказался удачным.

...Когда Мириан Цалкаламанидзе вышел на ковер, Карл Эрик Андерссон уже ждал его в своем углу. Швед стоял, широко расправив плечи, ладный, крепко сбитый. Его спокойная стать выдавала уверенность хорошо тренированного, знающего себе цену атлета.

По сравнению с Андерссоном Мириан выглядел тонким, по-юношески угловатым. Казалось, шведу не будет стоить большого труда смять, закружить, бросить соперника. Так представлялось зрителям, так думал и сам Андерссон. Он не хотел разочаровывать своих поклонников, испытывать их терпение. Борьба — темпераментный вид спорта, и медлительность в схватке со слабейшим может быть принята за нерешительность.

Швед пошел навстречу Мириану. В этом сближении, нарочито замедленном (надо успеть присмотреться друг к другу), уже угадывалась будущая буря: быстрая череда захватов, приемов, передвижений.

«Вперед, Эрик!» — выкрикнул кто-то из публики.

Андерссон покачал головой: он сам знает, что ему делать.

Шведский атлет захватил руки соперника, потянул Цалкаламанидзе на себя и тут же силой собственного рывка оказался отброшенным в сторону. Какая неосторожность! Андерссон, увлекшись нападением, перестал следить за ногами противника, и тот молниеносной подсечкой сбил его вниз. Андерссон поспешно вскочил, желая показать, что он не смущен падением: дело случая, не больше. Сейчас Андерссон будет осторожней, но никак не медлительней; быстрота, как говорят борцы,— сестра силы.

Вот он пробует зацепить ногу Мириана, но в следующее мгновение оказывается в воздухе, как это запечатлено на снимке. Однако как ни был стремителен бросок Мириана, швед успел каким-то необъяснимым образом выброситься за ковер, повредив Цалкаламанидзе бровь.

Пока советского борца уводят за кулисы, Андерссон отдыхает. Белокурые курчавые волосы слиплись на лбу. Как кстати эта передышка! Если противник через пять минут не вернется, ему засчитают поражение.

...Андерссон стоит спиной к залу, затихшему в ожидании. Прошло уже три минуты. Две минуты отделяют шведского борца от победы. И в этот момент советский атлет появился на ковре. Смуглое его лицо бледно, лоб заклеен пластырем. Он идет навстречу сопернику, решительный, насупив черные, сросшиеся на переносице брови. Нет, такой не уступит победу! И швед то и дело летит от бросков Цалкаламанидзе. Они неотразимы в своей неожиданности, и только акробатическая ловкость Андерссона спасает его от поражения.

Смотрите, в каком опасном положении оказался Андерссон: он балансирует на голове, руки в воздухе, но в любой момент шведский спортсмен пустит их в ход — упрется в ковер, а при благоприятном случае обхватит ноги соперника, чтобы вывести его из равновесия...

Когда раздается финальный свисток судьи, никто в зале не сомневается, что по очкам победил 25-летний техник из города Тбилиси Мириан Цалкаламанидзе.

О вольной борьбе

Вольная борьба получила распространение в нашей стране за последние десять лет. Как в классической, так и в вольной борьбе побежденным считается тот спортсмен, который хотя бы на мгновение коснется ковра лопатками. Если ни одному из борцов не удастся бросить соперника на лопатки, победа присуждается по очкам.

Для достижения победы борец применяет различные приемы: броски, перевороты, переводы, сбивания. Чтобы бросить или перевернуть атлета, нужно его надежно захватить. Здесь-то, в проведении захватов, и выявляется отличие вольной борьбы от классической. Если в последней запрещается захватывать партнера ниже пояса, за ноги, делать подножки, то все это разрешается в вольной борьбе.

Разнообразие захватов порождает разнообразие приемов. На ковре создаются исключительно острые положения, атлетические «головоломки», решение которых требует большой силы, ловкости и находчивости.

В нашей стране боевой арсенал вольной борьбы обогатился за счет лучших приемов национальных видов борьбы: подножки и подсечки грузинской «чидаоба», приемы партерной борьбы армянской «кох», захваты ног азербайджанской «гюлеш».

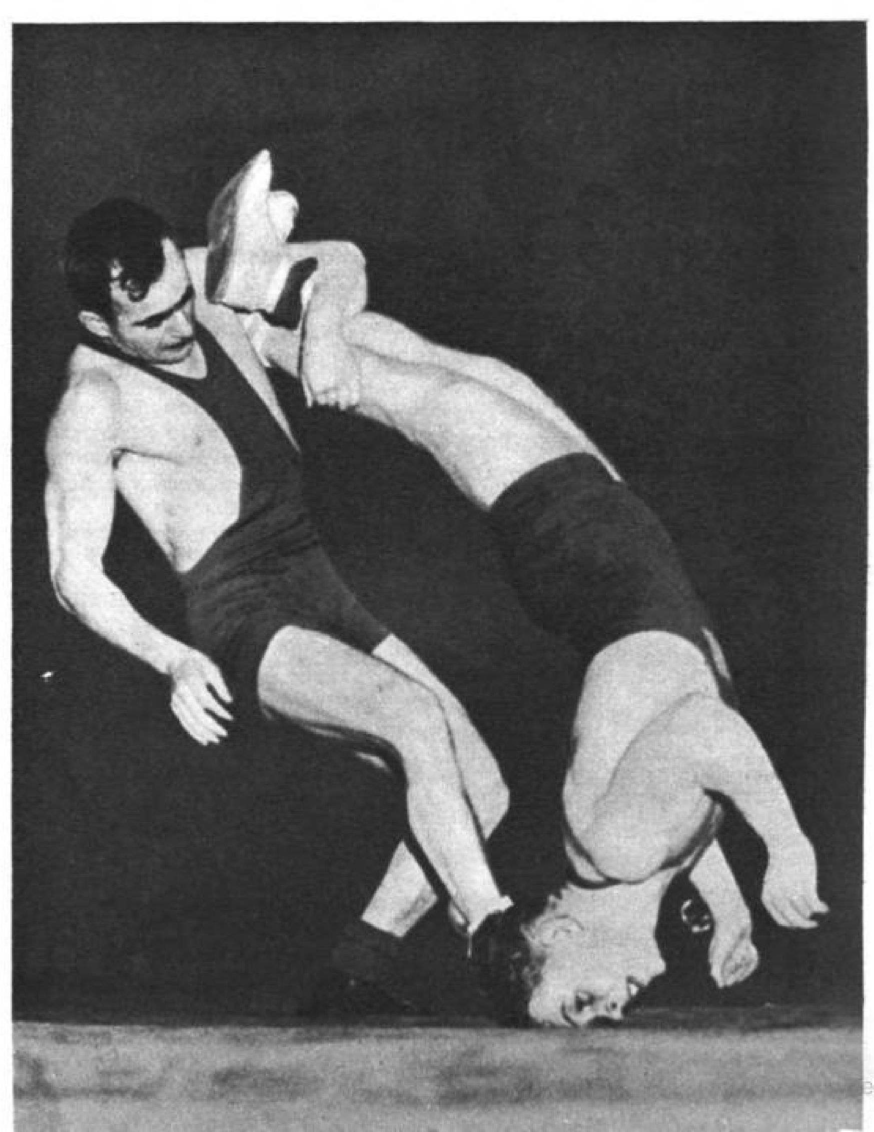
На XV олимпийских играх коллектив борцов Советского Союза вышел на первое место, оставив позади прославленных атлетов Швеции и Турции, а также команду США.

Недавняя поездка советских спортсменов в Швецию, где они встретились со сборной командой страны, снова подтвердила высокий класс советских борцов. Ни одному из шведских атлетов, чемпионов мира и олимпийских победителей, не удалось избежать поражения во встречах с молодыми советскими мастерами.

Перворазрядник из Южной Осетии Сергей Габараев тушировал на пятой минуте многократного чемпиона мира Олле Андерберга, которого безуспешно пытались победить в течение многих лет лучшие легковесы мира. Отличился и Гоги Схиртладзе, выигравший схватку у сильнейшего средневеса мира Акселя Гренберга. Успешно выступили и другие члены советской команды — Игорь Караваев, Вахтанг Балавадзе, Юрий Денников, Отар Канделаки, братья Дадашевы.

«Россия является сильнейшим государством по борьбе,— оцени-

Смотрите, в каком опасном положении находится Андерссон.

вая мастерство советских атлетов, писал спортивный обозреватель газеты «Моргон-тидининген». — Я даже не верю, что команда борцов, в которую вошли бы сильнейшие спортсмены таких стран, как Швеция, Финляндия, Турция, Венгрия и США, могла бы победить русских».

Антонссон — Мекокишвили

Бертила Антонссона прозвали в Скандинавии «Северным гигантом». Он внушительного роста, крепконогий, с прекрасно развитой мускулатурой. В силе он, может быть, уступает кое-кому из известных тяжеловесов, скажем, чеху Иосифу Ружичке, весящему 140 килограммов, но при встречах с ним хозяином на ковре был все же Антонссон. Сила шведа заключалась в его подвижности и тонком знании приемов борьбы. Антонссон одинаково хорошо боролся и в стойке и в партере, проводя схватки в быстром темпе, которого обычно не выдерживали его соперники.

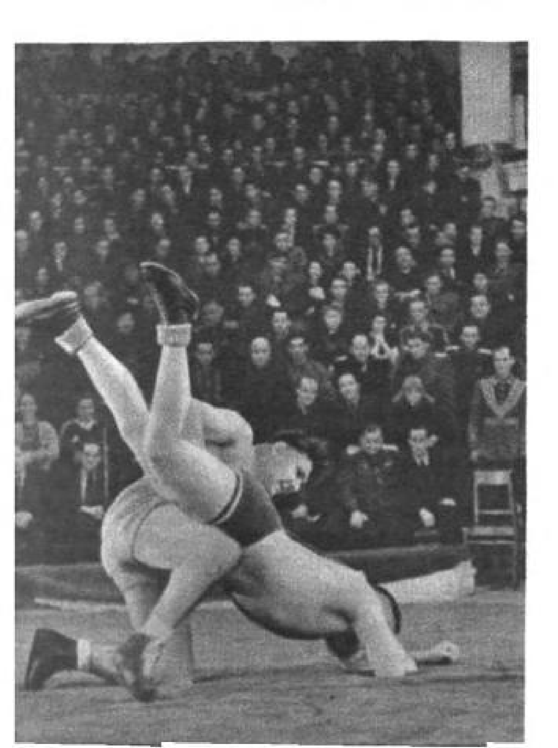
Антонссон был уже неоднократным чемпионом мира, когда спортивный жребий свел его на XV олимпийских играх с известным советским атлетом Арсеном Мекокишвили. Шведу не приходилось встречаться с Мекокишвили на ковре, но он много слышал о нем, видел его схватки с другими борцами и оценил силу могучих рук грузина.

Одного за другим побеждал своих соперников знаменитый швед, шел без поражений и Мекокишвили. И в финальный день соревнований руки бывшего колхозника из Кахетии скрестились с руками сильнейшего тяжеловеса мира сперва для традиционного пожатия, а затем и для спортивной борьбы.

Ждать нападения такого противника опасно — знал Мекокишвили. Надо лишить Антонссона преимущества нападающего, сковать его действия, а это значит наступать самому.

Рука Мекокишвили скользит по плечу Антонссона, другая — отталкивает руку противника. Идет борьба за захват — незаметный для зрителей атлетический спор с обманными движениями, искусным маневрированием.

Сейчас Мекокишвили перевернет противника финна Я. Вирту.
Фото С. Марушкина.

Антонссон настойчиво ищет сближения, стремительно идет вперед, но Мекокишвили быстрой подсечкой сбивает его в партер.

Антонссон на ковре. Сильные руки Арсена захватывают из-под плеч шею противника: «полунельсон» — излюбленный прием чемпиона мира, недурно испытать его на самом Антонссоне. Но швед уже оправился. Напрягая всю свою волю, он вскакивает на ноги. Это стоит ему немалых усилий, а Мекокишвили попрежнему свеж. Свеж настолько, что в следующую минуту снова — на сей раз подножкой — бросает Антонссона на ковер. Теперь чемпион не спешит подниматься в стойку: он, как видно, отдыхает, а может быть, ждет судейского свистка. Так и есть! Арбитр поднимает борцов. Конец первой половины схватки. Сейчас соперники поочередно будут бороться в партере — по три минуты каждый.

Арсен грузно опускается вниз: по жребию первым сверху борется швед. Он нетерпелив. Не успели ладони противника коснуться ковра, как Антонссон уже перешел в наступление. Зрители привстают со своих мест: что-то сейчас произойдет? Конечно же, швед возьмет соперника на «полунельсон», и тогда Мекокишвили не сдобровать.

Но подходит к концу третья минута, а швед все еще скользит по широкой спине Мекокишвили, пробуя захватить его то с левой, то с правой стороны. Но каждый раз одним резким движением шеи Арсен размыкает готовые вот-вот соединиться руки Антонссона.

Приходит время меняться местами. С явной неохотой становится швед на колени. Он изрядно устал, озадачен, но еще не сломлен. Выдастся случай, и чемпион постарается изменить ход схватки в свою пользу. Однако Мекокишвили настороже. Вот он сходу потянул Антонссона на себя — силой рук и ног, тяжестью тела, — и, потеряв опору, швед поставлен на полумост. Этот переворот будет стоить чемпиону мира лишнее очко. Швед уходит в глухую защиту, ложится на живот. Мекокишвили удается еще раз оторвать Антонссона и «вытащить» на прием, но опытный противник в самый момент броска выскальзывает из рук и снова прижимается к ковру.

В стойке проходят последние три минуты схватки, окончательно выявляя преимущество советского борца. Чемпион мира явно устал, все чаще прибегает он к спасительному уходу за ковер, и судьи единогласно присуждают победу Арсену Мекокишвили.

...Эта схватка вошла в историю вольной борьбы как одна из самых ярких и волнующих ее страниц.

* * *

В эти дни советские спортсмены впервые принимают участие в соревнованиях на первенство мира по вольной борьбе, которые проводятся в Японии. Там они встречаются со сборными командами Швеции, Венгрии и Финляндии, с опытными атлетами Турции, неоднократно побеждавшими на чемпионатах мира, сильными борцами США, Японии, Ирана и других стран.

КАДРИЛЬ

Ник. ХАРЬКОВ

Рисунки Е. Щеглова.

Эта сцена разыгрывалась на любом заседании правления.

Когда повестка дня подходила к концу, председатель Андрей Кузьмич принимался укладывать бумаги в свою полевую сумку и всегда для порядка спрашивал:

— Может, у кого предложения будут? Давайте...

И все поворачивались к двери, где обычно сидел Федя Трошин — сельский избач и вожак деревенских плясунов, певцов и баянистов. Он вставал, вскидывал вихрастую голову и всякий раз заявлял одно и то же:

— Накопилось много вопросов о работе нашей колхозной самодеятельности. Вношу предложение обсудить это...

— Прошу посторонними вопросами не затруднять! — немедленно откликался Андрей Кузьмич.— Здесь правление колхоза, а не... эта самая... фил... армония!.. Значит, больше нет предложений? Тогда давайте разойдемся по-хорошему.

Размахивая полевой сумкой, Андрей Кузьмич торопливо выходил. А члены правления, разминаясь после долгого заседательского сидения, добродушно посмеивались над избачом.

— Эх, Федор, Федор! С нашим Кузьмичом никакой тебе музыки не сыграть.

— Он, слышь, и дома-то интересуется только сводкой погоды. А как музыка или песни, так выключает радио.

— А ты, Федор, уймись...

Но Федор не унимался. В иной день он часами высиживал в укромном уголке правления или, как он говорил, «сидел в засаде» и выжидал: не снизойдет ли на Андрея Кузьмича «приличное настроение»? И вот когда из кабинета слышался вдруг довольный смешок председателя колхоза, Федя тотчас вылезал из засады. Узнав, что «Андрей Кузьмич сегодня в большом удовольствии от Кадрили, которая перекрыла рекорд удоя», Федор изображал на своем лице улыбку и, входя в кабинет, прямо с порога начинал в высоком тоне:

— Андрей Кузьмич! Кадриль-то, а?.. Не буренка, а чистое золото! Она прославит наш колхоз на всю область... Вот увидите, корреспонденты понаедут из газет, из кинохроники. Разнесут про нас славу по всему Советскому Союзу!

— Ты думаешь?

— Факт!

Тщеславная мысль—прогреметь с Кадрилью на весь свет — вызывала сладкую, самодовольную улыбку на лице председателя.

— А мы частушки сочиним про Кадриль,— подслащивал Федор.— Или песню про нее сложим.

— И то неплохо,— ловился Андрей Кузьмич на Федину удочку.— Валяйте, сочиняйте!

— Обязательно сочиним! Вот только, Андрей Кузьмич, репетиции нам проводить негде. Клуб картошкой засыпан. Теперь баяниста Петра Брянцева старший конюх на сыгровки не отпускает, нарочно назначает его в ночное дежурство... Из-за этого трио не налаживается...

Улыбка на лице Андрея Кузьмича постепенно блекла, а Федор торопился выложить все обиды разом:

— Теперь в Крутце, во второй бригаде, отличная певица обнаружилась, Тося Званцева. Голос у нее — хрусталь звонкий! А бригадир этого не понимает. А ведь нужно только...

— Отставить!—вдруг зычно выпаливал Андрей Кузьмич.—Обратно с музыкой в мои печенки лезешь?.. Вы, товарищ Трошин, забываетесь! — переходил он на ядовитое «вы».— Вы что? Вы потешаться, что ли, надо мной вздумали? Здесь правление колхоза, а не... эта самая... не фил... армония! Понятно? До свиданьица!

— Андрей Кузьмич, да ведь у нас на носу смотр самодеятельности!

— А у меня на носу директивы из района! Отчетность! — кричал Андрей Кузьмич.— До свиданьица!

Федя выходил из правления не солоно хлебавши и брел к себе в избу-читальню в невеселом раздумье.

«Бросить, что ли, всю эту музыку, раз такая петрушка получается? Гм... Легко сказать — бросить! Разве бросишь, если эта петруш-

ка так полюбилась, так полюбилась... Одним словом, «вся душа моя пылает, вся душа моя горит». Э-э-эх!»

А вечером Федор бежал к Пелагее Семеновне. В ее избе сельские деятели искусства трудились до позднего часа то над песней, то над частушкой, то принимались за музыкальную фантазию. Больше всего мороки было с кадрилью. Этот групповой танец не умещался в тесной горнице Пелагеи. Приходилось зажигать фонарь «летучая мышь» и переходить с кадрилью в сени. А чтобы танцоры не «заморозили» кадриль, в сенях затапливалась печка-времянка.

Канительно было и с устройством концертов. Ведь охота показать свое уменье народу! А где показать? В своем клубе — овощехранилище... Ну, что ж, искусство требует жертв! Деревенские артисты взваливали на свои плечи баяны, гитары, узлы с костюмами и шагали то в Самсоновку, то в Кузьминку. За семь верст киселя хлебать!

Обо всех этих мытарствах председатель колхоза не имел никакого понятия. Днем, до обеда, он не вылезал из правления. А вскоре после обеда приказывал запрягать Буланого. Жил он за двенадцать километров от колхоза, в Марьином хуторе. Это почти рядом с городом. Может, поэтому Андрей Кузьмич пристрастился чуть не каждый день наведываться в город. Здесь он занимался своеобразным спортом: беготней по лестницам районных учреждений. Задача этого лестничного кросса была одна: ухватить нужного вышестоящего товарища и провернуть, утрясти, согласовать какой-либо назревший или назревающий, а то уже перезревший вопрос. Андрей Кузьмич слыл большим умельцем настичь руководящее лицо в самой благоприятной обстановке для личной, неофициальной беседы: то в райисполкомовской парикмахерской, то в райкомовской столовке, то даже в городской бане. Ну-ка, сидя в колхозе, попробуйте заполучить такой счастливый случай, чтобы лично встретиться, например, с Петром Петровичем в парном отделении! Да потереть ему спину! А когда он после третьего пара в блаженство-то придет, тут же и обхлопотать свое дельце, заручиться согласием...

Вот и сегодня Андрею Кузьмичу дозарезу нужно было повидать Петра Петровича. Лишь под конец рабочего дня секретарша обмолвилась, что Петр Петрович, дескать, вечером собирается в Дом культуры.

В восьмом часу Андрей Кузьмич толкнулся в тяжелые двери зрительного зала Дома культуры. Затемненный зал был полнехонек. Андрей Кузьмич присел на первое попавшееся свободное место, огляделся... На сцене не было ни президиума, ни ораторской трибуны с графином, ни столика с секретаршей. На стульях сидели два парня в цветастых рубахах и играли на баянах.

«Вот бесова баба! — ругнул про себя Андрей Кузьмич гардеробщицу, которая послала его в зрительный зал.— Попал на музыку. А Петр Петрович, небось, в читальне заседают либо в бильярдной: он любитель шары погонять. Надо отсюда эвакуироваться...»

Андрей Кузьмич повел глазами на дверь и вздрогнул... В ложе, около двери, сидел Петр Петрович. А рядом с ним Иван Иваныч! А сзади Василь Василич... Вот случай-то! Без малого все районное руководство в сборе. Андрей Кузьмич даже привстал, но тут грянули такие оглушительные аплодисменты, что от неожиданности он шлепнулся обратно на стул.

На сцену живой цепочкой выплыли деревенские матрешки в широких сарафанах, одна другой краше: румяные, улыбчивые, завлекательные. И у каждой горсть семечек. А с другой стороны объявились чубастые парни. Увидали они девчат — и ну прихорашиваться. И пояски на себе поправили, и картузы на самые затылки лихо заломили, и сапожки подтянули. А девчонки лузгают семечки и на парней — ноль внимания. Парни, видать, обиделись, брови нахмурили, да ка-а-ак топнут все враз каблуками! Девки от такой внезапности все семечки рассыпали... Тут и началось! И пошло! Такой развернулся танец-перепляс, узористый, задорный, с дробью, с присвистом, вприсядку! Весь зал ожил, заулыбался, повеселел. Небось, многим хотелось бы самим пуститься в пляс...

Андрей Кузьмич почти не глядел на сцену, зато часто косил глаза на ложу с начальством и обмозговывал, как ему сегодня обработать с руководством одно щекотливое дельце.

Аплодисменты будто шквалом обрушились на зрительный зал. Опустился занавес. Вспыхнули люстры. Андрей Кузьмич снова взглянул в сторону ложи. Сам Петр Петрович грозит ему пальцем, а затем приглашает к себе. Андрей Кузьмич пришел в замешательство.

«Кабы знать, зачем он зовет! Погрозился! О-о-ох, не дошло ли до него, что с сортировкой семян до сих пор не управился?.. А может, узнал, что с вывозкой удобрений у нас сорвалось?..»

Тяжело ступая, Андрей Кузьмич зашагал к двери.

Возле ложи стояли районные работники.

— Нет, вы поглядите на него! — воскликнул Петр Петрович, указывая на Андрея Кузьмича.— От районного руководства такое дело в секрете держал!

— Я... то есть... чтобы в секрете от вас?.. Как можно...— обмяк Андрей Кузьмич, теряясь в догадках.

— Теперь на весь свет прогремишь. В газету попадешь,— улыбался Петр Петрович.

— В газету? — похолодел Андрей Кузьмич. — Уж и в газету! Мы люди маленькие.

— Да ты понимаешь, Андрей Кузьмич, что это такое? Ведь ваша кадриль — шедевр! Глаз не оторвешь!

— Кадриль?...— ровно гора с плеч спала, и Андрей Кузьмич вдруг ожил, заулыбался, засиял. «А я, дурень, оробел! — мелькнуло в его голове.— А они про мою Кадриль узнали, про ее новый рекорд!»

— Да ведь что же... Кадриль, она, конечно,— приосанился Андрей Кузьмич.— Стараемся по силе возможности...

— Я, разумеется, не специалист,— говорил Петр Петрович, но, по-моему, их кадриль можно смело показать в области.

Андрей Кузьмич почувствовал себя счастливцем, выигравшим полста тысяч. «Милая! Буренушка! Кадрилька, моя матушка! В область с тобой махнем!» Однако, чтобы показаться скромным, он решил слегка покуражиться.

— Где уж нам в область! — потупил он глаза.—Боязно. Не осрамиться бы...

— Боязно? С таким-то народом? Поздравляю вас, товарищи! Молодцы!— Петр Петрович протянул кому-то руку.

Андрей Кузьмич оглянулся и обмер. Сзади него полукругом стояли девки и парни, которые отплясывали на сцене, а Петр Петрович пожимал руку... Федору Трошину!

— И вот еще что...— продолжал Петр Петрович.— Надо признаться, что мы до сих пор серьезно не занимались сельской художественной самодеятельностью. Давайте на ближайшем заседании обстоятельно поговорим об этом. А чтобы разговор получился не формальный, а живой, попросим вот Андрея Кузьмича рассказать, как они в своем колхозе наладили такую замечательную работу. Это будет лучше всякого канцелярского доклада. И вас пригласим,— обратился Петр Петрович к Феде Трошину.— Расскажете нам, как руководитель колхоза помогает растить и воспитывать народные таланты.

ДОСТОЙНЫЕ ПРОТИВНИКИ

М. БОТВИННИК СОХРАНИЛ ЗВАНИЕ ЧЕМПИОНА МИРА

Матч окончен!

В Зале имени Чайковского снова, как и в 1951 году, накаленная шахматная атмосфера. Внешне как будто ничего не изменилось. Так же красиво убрана эстрада, на ней такой же шахматный столик. За ним такая же огромная демонстрационная доска... Тот же арбитр матча, К. Опоченский, и тот же М. Ботвинник, только против него сидит не маленький Д. Бронштейн, а один из самых высоких гроссмейстеров мира Василий Смыслов. На шахматном столике опять не видно пепельниц, как в 1951 году: встречаются два некурящих. Курение, видимо, противопоказано тем, кто стремится быть чемпионом мира.

Приятно отметить, что условия ФИДЭ о розыгрыше первенства мира соблюдаются точно. Матч М. Ботвинник — В. Смыслов начался так же, как матч М. Ботвинник — Д. Бронштейн, 16 марта, в тот же час.

Считалось, будто матч А. Алехин — Х. Капабланка в 1927 году был самым напряженным. Оказалось, что это не так. Трудно предвидеть будущее, но кажется, что играть острее и напряженнее, чем в матче М. Ботвинник — В. Смыслов, невозможно.

Чемпиону мира «не полагается» проигрывать. И претендент на это звание В. Смыслов за последние годы почти отвык проигрывать. Так, например, в Швейцарии на турнире претендентов В. Смыслов проиграл только одну партию из 28 сыгранных. Как же все-таки обыграть своего противника? Эти планы, повидимому, обсуждались во время подготовки к матчу. Начальником «штаба Ботвинника» был мастер И. Кан, в лагере В. Смыслова «командовал парадом» мастер В. Симагин.

Все перипетии матча, в результате которых его участники пришли к последней партии с одинаковым результатом, хорошо известны из газет. Много было в этом матче «неожиданностей», в особенности для зарубежных болельщиков. Когда группа наших гроссмейстеров во время первой половины матча находилась в Буэнос-Айресе, гроссмейстер М. Найдорф предлагал пари, ставя в заклад свою голову, что матч закончится уже примерно к 18-й партии. Но В. Смыслов подвел аргентинского гроссмейстера. Выиграв у М. Ботвинника три партии подряд, он заставил М. Найдорфа сильно беспокоиться за свою голову. После этого новые пари заключались уже более осторожно.

Итак, играется последняя партия матча. Счет—11,5:11,5.

Спрашивается, зачем же надо было играть два месяца подряд, к чему были такие сильные переживания и волнения, чтобы в конце концов вопрос о чемпионе решался в единственной, последней партии?

Борьба была не напрасной. В 23 партиях матча была обогащена шахматная теория. В 23 партии матча оба гроссмейстера вложили не только много энергии, но и много глубоких, оригинальных идей, развивающих шахматное искусство. Оба участника матча не стремились к спокойной игре, не избегали риска, а, наоборот, в каждой, иногда простой с виду позиции они находили пути к обострению борьбы, шли непроторенными путями. Все сыгранные в матче партии дают замечательный материал и для изучения и для дальнейших исследований. Благодаря инициативной, содержательной игре двух выдающихся представителей передовой советской шахматной школы легенде об угрозе ничейной смерти шахматной игры нанесен еще один сокрушительный удар.

В матче М. Ботвинник — В. Смыслов гроссмейстеры во всех партиях стремились к победе. А вот в последней партии, решающей судьбу всего состязания, В. Смыслов сам должен был произнести ненавистное обоим слово: «Ничья!» Для Ботвинника, однако, это слово в переводе на шахматный язык означало, что он сохраняет звание чемпиона мира.

Гром аплодисментов в адрес обоих гроссмейстеров награждает их за интереснейшую спортивную и творческую борьбу. На площади Маяковского, на улице Горького толпы людей, потерпевших неудачу при сложных маневрах у билетных касс Зала имени Чайковского, наконец успокаиваются. Но многие задают вопрос: почему Смыслов предложил ничью, почему не стал рисковать? Так же, как Д. Бронштейн в 1951 году, так сейчас В. Смыслов при дальнейшей игре не имел никаких шансов на выигрыш. Но я хочу успокоить болельщиков. Зачем так сильно переживать: не все ли равно, где живет чемпион мира, на 1-й Мещанской улице или на улице Левитана? И та и другая в Москве!

Так же, как в 1951 году, обозреватели заканчивают свои заключительные репортажи о матче фразой: «Есть чемпион мира, но нет побежденного».

До новой встречи! А желающих принять в ней участие очень много. Уже устанавливается внушительная очередь из советских гроссмейстеров и из молодых шахматистов, хотя и не имеющих пока высоких званий, но уверенных, что добьются их в ближайшие годы, уверенных и в том, что у них также есть некоторые шансы...

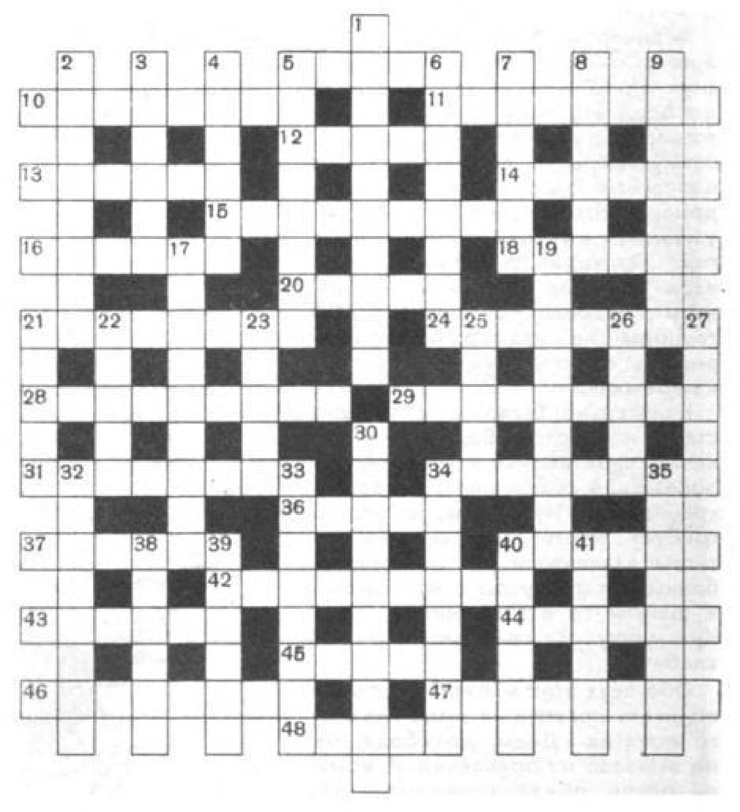
Сало ФЛОР

Вице-президент Международной шахматной федерации А. Ильмакунас (Финляндия) и дочь экс-чемпиона мира Каролина Эйве (Нидерланды) увенчали гроссмейстера М. Ботвинника лавровым венком чемпиона мира.

Фото Е. Умнова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Народный поэт Белоруссии. 10. Роман В. Кетлинской. 11. Великая русская актриса. 12. Приспособление в металлорежущем станке. 13. Вооруженная стража. 14. Водоизмещение судна. 15. Зрелищное предприятие. 16. Береговые леса, заливаемые в половодье. 18. Земляной, или китайский, орех. 20. Громкий возглас. 21. Рабочая специальность. 24. Разновидность гипса. 28. Новое явление, изобретение. 29. Химически простое вещество. 31. Участник вооруженных отрядов, действующих в тылу врага. 34. Элементарный (наименьший) магнитный момент. 36. Большой гурт овец. 37. Продукт соединения химического вещества с водой. 40. Спортивное судно. 42. Государство в Южной Америке. 43. Основная часть горной местности. 44. Пространственная или временная граница. 45. Музыкальный инструмент. 46. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 47. Перемещение в определенном направлении. 48. Приток Днепра.

По вертикали:

1. Устройство, показывающее движение светил. 2. Столица народной республики. 3. Промежуток времени. 4. Металлическая трубка. 5. Хлопчатобумажная ткань. 6. Часть глазного яблока. 7. Водоскат в Финляндии. 8. Дощечка, пластинка 9. Южное дерево. 17. Плотное вещество дерева, кустарника. 19. Выключатель. 21. Порт на побережье Черного моря. 22. Персонаж романа В. Лациса «К новому берегу». 23. Цветок. 25. Отверстие в доменной печи для выпуска металла. 26. Физические упражнения. 27. Роман И. С. Тургенева. 30. Краевой центр РСФСР. 32. Человек, воздействующий на массы путем распространения определенных идей. 33. Древний русский горсд. 34. Имя, упоминаемое в арии Роберта из оперы «Иоланта». 35. Покров птиц. 38. Город Ярославской области. 39. Роман О. Гончара. 40. Драгоценный камень. 41. Искусный работник.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:

3. Дружба. 5. Триумф. 9. Механизация. 10. Отрада. 12. Рвение. 15. Чигирин. 19. Помидор. 20. Концерт. 21. «Телесик». 22. Стодоля. 26. Калитва. 27. Хмелько. 28. Житница. 29. Поковка. 31. Миус. 33. Тмин. 34. Косинский. 35. Зачет. 36. Нечай. 37. Левко. 38. Шитье.

По вертикали:

1. Бучма. 2. Фуляр. 3. Декабрист. 4. Бахмач. 6. Рацион. 7. Федерация. 8. Кибрик. 11. Тенор. 13. Искра. 14. Горловка. 16. Истина. 17. Изотов. 18. Золотник. 23. Пшеница. 24. Питомник. 25. Криница. 29. Продукт. 30. Авиация. 32. Свекла. 33. Тренев.

Ответ на задачу «5 четверок»

Простейший вариант решения задачи следующий:

$$\left(\frac{44-4}{4}\right)^4,$$

то есть: $10^4 = 10\,000$.

В этом номере на вкладках: шесть страниц цветных фотографий и две страницы дружеских шаржей художников Кукрыниксы.

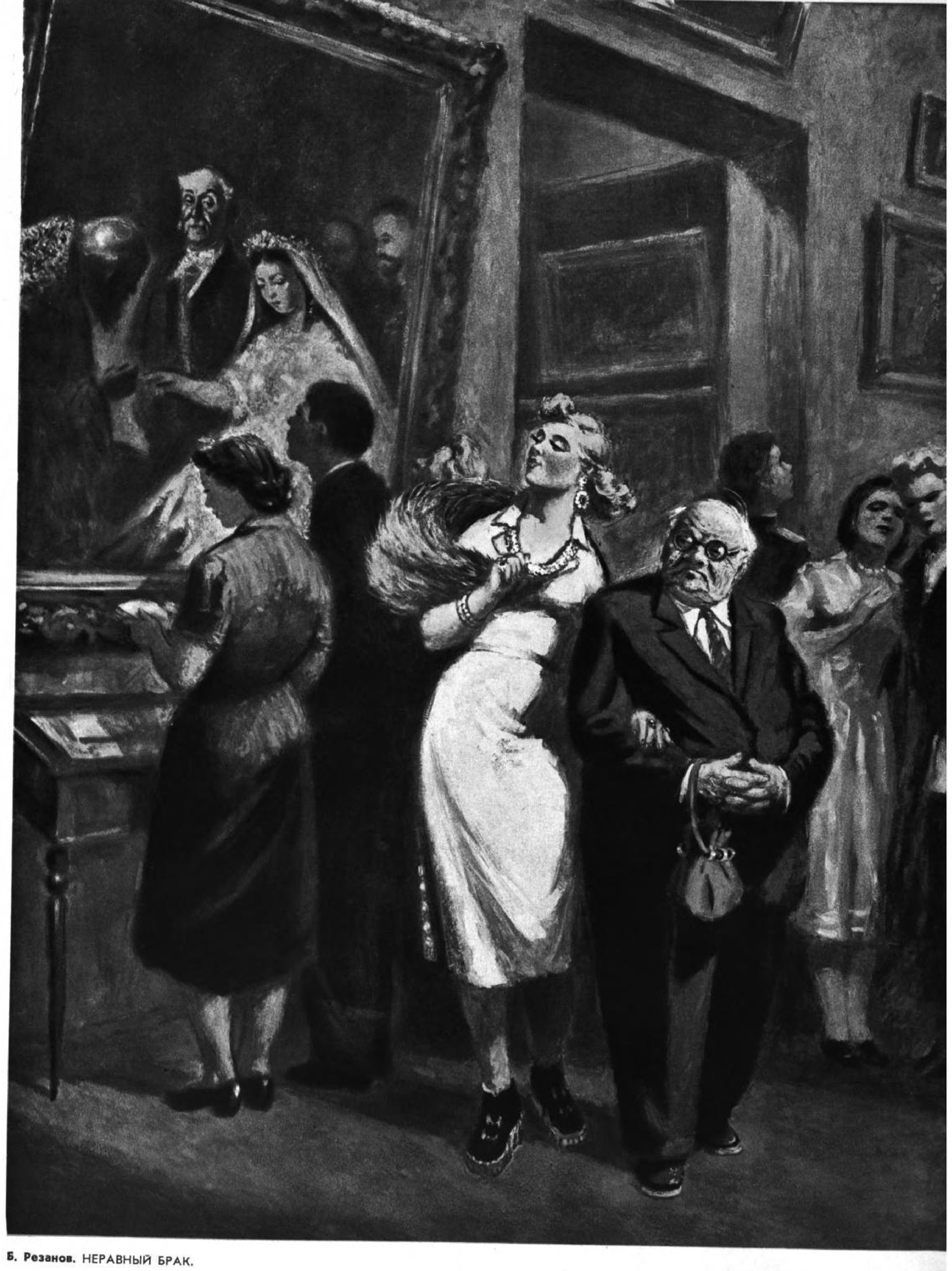
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д—47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 01910. Подп. к печ. 18/V 1954 г. **Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.** Тираж 650 000. Изд. № 425. Заказ 1446. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д—47, ул. «Правды», 24.

Б. Резанов. НЕРАВНЫЙ БРАК.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ СПОСОБСТВУЮТ ВЫПОЛНЕНИЮ ПЯТОГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА РАЗВИТИЯ СССР.

Цена номера 3 руб.

30 МАЯ 1954 года

в городе Ленинграде состоится 39-й тираж выигрышей Государственного 3% внутреннего выигрышного займа. Выигрыши по займу от 400 до 100000 рублей. Приобретайте облигации займа!

Облигации займа продаются и свободно покупаются сберегательными кассами.